Сара Эдисон Аллен

Сахарная королева

Очаровательный,
искренний и увлекательный роман.
Goodreads.com

КНИГА ДЛЯ ТЕХ,
КТО УМЕЕТ МЕЧТАТЬ

Сахарная королева
Сара Эдисон Аллен

Аннотация
Сара Эдисон Ален. Сахарная королева
Слова признательности
Глава 1. Вечные леденцы
Глава 2. Сладкие пастилки
Глава 3. Леденцовые карамельки
Глава 4. Шоколадные чипсы в сахарной обсыпке
Глава 5. Лимонные драже
Глава 6. Кисленький жевательный мармелад
Глава 7. Леденцы на палочке «Сладкий папочка»
Глава 8. Тянучки
Глава 9. Сладкие снежки
Глава 10. Подушечки с помадкой
Глава 11. Сахарные сердечки
Глава 12. Шоколадные батончики «Мистер Совершенство»
Глава 13. Леденцы «Спасатели»
Глава 14. Настоящее и будущее

Аннотация

Джози считает себя счастливой лишь в те минуты, когда забирается в свой тайничок, где хранятся конфеты и любовные романы. Ей уже двадцать семь, однако застенчивость мешает девушке завести друзей и о любви она знает лишь из книг. Нелегко ей живется в одном доме с деспотичной матерью, но вопреки своей скучной, однообразной жизни Джози умеет мечтать! И судьба благосклонно улыбается ей, посылая весьма неожиданную встречу. С этого дня с Джози начинают происходить невероятные, головокружительные события, которые зачастую можно объяснить только волшебством…

Сара Эдисон Ален
Сахарная королева

Папе с любовью

Sarah Addison Allen
THE SUGAR QUEEN
Copyright © 2008 by Sarah Addison Allen
All rights reserved

© И. Тетерина, перевод, 2017
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка®

* * *

Такие слова, как «сладкая», «очаровательная» и «восхитительная», недостаточно выразительны, чтобы должным образом похвалить эту замечательную книгу.

Publishers Weekly

«Сахарная королева» предлагает взгляд на то, какими должны быть настоящие отношения между людьми. Этот роман подобен десерту, который вы считаете слишком сладким, тем не менее жадно поглощаете.

Entertainment Weekly

В этой книге столько нежности и очарования, что от нее трудно оторваться, пока не дочитаешь до конца. Она забирает читателя в плен… Вы влюбитесь в творчество Сары Эдисон Аллен и в созданный ею мир.

Guardian

Слова признательности

Спасибо маме за сладкие воспоминания о моем детстве. Андреа Сирилло, Келли Хармс и все остальные из агентства Джейн Ротрозен, общение с вами освежает не хуже печенья в лимонной глазури. Шона Саммерс, Нита Тоблиб и все остальные из «Бэнтем», вы круче, чем горячий шоколад с пастилой. Каролин Мейз и все остальные из «Ходдера», вы оказались для меня чудесным сюрпризом из шоколадного яйца. Дафна Эткисон, во всем мире не найдется столько сладостей, сколько причитается с меня за твою помощь и поддержку. Шоколадные трюфели лукавым Дуэттерам, шоколадное мартини Мишель Питтман и шоколадный батончик Хайди Хенсли — за верную дружбу, которая греет мне душу.

Глава 1
Вечные леденцы

Проснувшись, Джози увидела заиндевевшее от мороза окно и улыбнулась. Наконец-то похолодало! Теперь она сможет носить длинное пальто и колготки. А еще шарфы и рубашки, одну поверх другой, как камуфляж. И свой счастливый красный кардиган, который — ей-богу! — обладает волшебной силой. Джози любила холода. Лето угнетало ее необходимостью надевать легкие платья, в которых она, несмотря на внешнюю раскованность, казалась себе похожей на перетянутую поясом сдобную булку. Холода были таким облегчением.

Она подошла к окну. Все вокруг в пределах видимости было подернуто похожим на сахарную пудру инеем, над трубами в долине за их курортным городком вился белый дымок. Джози порывисто распахнула окно, но одну створку заклинило, и пришлось с усилием толкнуть ее от себя. Наконец рама подалась, и в комнату ворвался по-ноябрьски морозный воздух, который приносил в город лихорадочное оживление: с на-

ступлением холодов в горы Северной Каролины каждый год устремлялись потоки туристов.

Джози высунулась в окно и вдохнула полной грудью. Если бы холодный воздух можно было есть, она насытилась бы им от души. Утренние заморозки наводили ее на мысли о печенье. Об имбирном печенье в хрустящей ванильной глазури и с кусочками белого шоколада. Они таяли во рту, точно снег, оставляя после себя сливочную теплоту.

Она уже готова была убрать голову, как вдруг заметила одну странность.

Прямо к окну была приставлена лестница.

Джози отпрянула и поспешно захлопнула окно, потом немного подумала и на всякий случай заперла его на защелку.

Она отвернулась и двинулась к стенному шкафу. Ей было не по себе. Вообще-то, ночью она не слышала ничего подозрительного. Должно быть, лестницу оставили рабочие, которые накануне подстригали деревья на их участке. Ну да. Точно, это они. Наверное, просто прислонили лестницу к дому, а потом забыли убрать.

Джози открыла дверцу шкафа и потянулась к выключателю зажечь свет.

И, вскрикнув, попятилась назад и остановилась,

лишь когда ударилась спиной о письменный стол и с грохотом сшибла на пол лампу.

— Ради бога, — произнесла женщина, сидевшая на полу в ее гардеробной, — только не поднимай шум.

— Джози?

Из коридора послышался сначала голос матери, потом стук ее палки.

— Только не говори ей, что я здесь, — с непонятным отчаянием в голосе взмолилась незваная гостья.

Несмотря на холод, она была в короткой белой рубашке и обтягивающих синих джинсах с заниженной талией, открывавших взгляду набедренную татуировку в виде разбитого сердца. Осветленные до соломенно-белого цвета волосы уже отросли примерно на дюйм, а на темных корнях проглядывала седина. Тушь на ресницах потекла, и по щекам тянулись темные дорожки. Вид у женщины был такой, как будто она угодила под дождь и даже успела высохнуть, хотя дождя в округе не было давным-давно. От нее пахло сигаретным дымом и речной водой.

Джози обернулась на скрип открывающейся двери и совершила тот незначительный поступок, который и положил начало всему. Она

протянула руку и закрыла дверцу шкафа ровно за миг до того, как в комнату вошла ее мать.

— Джози? Что за шум? У тебя все в порядке? — осведомилась Маргарет.

Изящная и ухоженная, голубоглазая и светловолосая, она когда-то была красавицей. Наделенные внешней привлекательностью матери обладают определенной властью над своими не столь щедро одаренными природой дочерьми. В свои семьдесят четыре года, несмотря на хромоту после операции на шейке бедра, Маргарет все еще способна была, войдя в комнату, заполнить ее собой, точно аромат духов. Джози ничем подобным похвалиться не могла. Максимум, чего ей удавалось добиться, было внимание, которое она в детстве привлекала к себе своими вошедшими в легенду истериками в общественных местах. Впрочем, то было внимание совершенно иного рода.

— Это лампа, — пояснила Джози. — Взяла и набросилась на меня ни с того ни с сего.

— Вот как, — холодно проронила Маргарет. — Оставь, пусть прислуга уберет. Одевайся скорее, мне некогда. К девяти мы должны быть у врача.

— Да, мама.

Маргарет закрыла дверь в спальню дочери.

Прежде чем снова броситься к шкафу и открыть его, Джози дождалась, когда затихнет стук материнской палки.

Мало кто из местных не знал Деллу Ли. Она работала официанткой в низкопробной забегаловке, расположенной на достаточном отдалении от города, чтобы это заведение не смогли увидеть толпы туристов-горнолыжников. Вечера она коротала в барах. Ей было под сорок, лет на десять больше, чем Джози, особа она была грубая и вульгарная и творила все, что взбредет ей в голову, не утруждая себя поиском благовидных предлогов.

— Делла Ли Баркер, что ты делаешь в моем шкафу?

— А нечего оставлять окно нараспашку. Один бог знает, кто может забраться в дом, — отозвалась Делла Ли, в один миг сокрушив прочно укоренившееся поверье о том, что, если окропить подоконники и пороги мятным маслом, можно не бояться незваных гостей.

Многие годы мать Джози требовала от всех служивших у них горничных, чтобы те смазывали мятным маслом каждый оконный и дверной проем. Теперь их дом благоухал Рождеством круглый год.

Джози отступила на шаг и кивнула на дверь:

— Выходи.

— Не могу.

— Еще как можешь.

— Мне нужно где-то отсидеться.

— Понятно. И никакого другого места ты, разумеется, выбрать не могла.

— Кому придет в голову искать меня здесь?

У женщин, подобных Делле Ли Баркер, жизнь не сахар. Она намекает, что ей грозит опасность?

— Ну ладно, допустим, я поверила. Кто за тобой охотится, Делла Ли?

— Может, и никто. Может, моего отсутствия пока не обнаружили. — Тут, к изумлению Джози, Делла Ли протянула руку к потайной планке в стенке узкого шкафа и сдвинула ее в сторону. — Зато я кое-что обнаружила.

За стенкой шкафа скрывался вместительный тайник. На полу громоздились стопки любовных романов, глянцевых журналов и каталогов, но большую часть этой каморки занимали полки, битком набитые разнообразной снедью: упаковками чипсов и орешков, рядами сладостей, батареями банок колы.

На Джози внезапно накатила горячая волна паники. Ее считали счастливым человеком. И большую часть времени она была счастлива

— тихо, неловко. Да, она не обладала ни красотой матери, ни обаянием покойного отца. Она серая мышка, да еще и полноватая в придачу. С этим она смирилась. Зато еда приносила ей утешение, заполняя собой пустоту в жизни. А прятала Джози свои запасы потому, что так можно было насладиться ими в одиночестве, не заботясь о том, что подумают люди, и не боясь расстроить мать.

— Сначала мне нужно кое-что выяснить, — сказала Делла Ли, сдвигая потайную дверцу обратно; все было ясно без слов. Она недвусмысленно дала понять, что знает секрет Джози. «Сдай меня, и я сдам тебя». — Потом я подамся на север.

— Тебе нельзя здесь оставаться. Я дам тебе денег. Поживешь в мотеле. — Джози потянулась за кошельком, чтобы поскорее обезопасить свою заначку от Деллы Ли, но рука ее застыла на полпути. — Постой. Ты что, уезжаешь из Болд-Слоупа?

— Можно подумать, ты не мечтаешь свалить из этого поганого городишки, — фыркнула Делла Ли, отклоняясь назад.

— Не говори глупостей. Я ведь Сиррини.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, я видела в твоем тайничке кучу путеводителей.

Джози вспыхнула и снова указала на дверь:

— Выходи!

— Похоже, я оказалась тут очень даже вовремя. У счастливых женщин не бывает таких шкафов, Джози.

— По крайней мере, я в нем не прячусь.

— Готова поручиться, временами еще как прячешься.

— Вылезай.

— Не вылезу.

— Ну все. Я звоню в полицию.

Делла Ли расхохоталась. Она сидела в шкафу и смеялась над Джози. Передние зубы у нее были чуть кривоваты, но это ее не портило, наоборот, придавало облику пикантности. Делла Ли была из тех женщин, которым сходит с рук все, что угодно, потому что им сам черт не брат.

— Да? И что ты им скажешь? «У меня в шкафу какая-то женщина, приезжайте, вытащите ее»? А вдруг они найдут твою заначку?

Джози ужасно хотелось проучить Деллу Ли. Честное слово, нахалка этого заслуживала. Ну и что, пусть все узнают про запасы еды у нее в шкафу. Но тут сердце у нее забилось сильнее. Кого она пытается обмануть? Мало ей того, что она жалкая пародия на южную красавицу? Ее лишний вес, ее злополучные волосы, ее тайные мечты уехать подальше от матери, которая так

в ней нуждается. Хорошие дочери заботятся о своих матерях. Хорошие дочери не прячут у себя в шкафах сладости в таком количестве.

— Значит, если ты останешься здесь, то никому ничего не скажешь, правильно я понимаю?

— Ну да, — непринужденно кивнула Делла Ли.

— Это шантаж.

— Грехом больше, грехом меньше.

— По-моему, больше уже некуда. — Джози сняла с вешалки платье и закрыла дверцу шкафа.

Она направилась в ванную, расположенную чуть дальше по коридору, переоделась и собрала в хвост свои круто вьющиеся лакрично-черные волосы. Вернувшись в комнату, Джози какое-то время стояла и смотрела на дверцу шкафа, выглядевшую как обычно. Сама дверца и дверная коробка, покрашенные «белым антиком», выделялись на фоне бледно-голубой стены. Верхние углы дверного проема украшал выполненный вручную резной узор в виде концентрических кругов. Ручка из белого фарфора была круглая, точно шляпка гриба.

Джози собралась с духом и подошла к шкафу. Может быть, ей все это померещилось?

Она открыла дверцу.

— Тебе не мешало бы подкраситься, — посове-

товала Делла Ли.

Джози приподнялась на цыпочки, сняла с верхней полки свой счастливый красный кардиган и захлопнула дверцу. Потом надела его и зажмурилась. «Сгинь, сгинь, сгинь».

Она снова открыла шкаф.

— Нет, я серьезно. Ресницы. Губы. Хотя бы немножечко.

Джози вздохнула. Наверное, кардиган еще не вошел в силу. Все-таки он пролежал в шкафу целое лето. Когда она вернется домой, Деллы Ли уже не будет. Стоило Джози надеть этот кардиган, как с ней начинали происходить замечательные вещи. Когда она отправилась в нем в парикмахерскую, ей сделали самую удачную стрижку в ее жизни. А когда она как-то раз в нем заснула, снег потом шел три дня кряду.

А еще он был на ней в тот день, когда она встретила Адама.

— Ну хоть глаза подведи! — не унималась Делла Ли.

Джози развернулась и вышла из комнаты.

* * *

Новая горничная Сиррини почти не говорила по-английски.

Ее наняли в этом году, после того как Маргарет сделали операцию на шейке бедра, — чтобы девушка помогала ей принимать ванну. Однако Хелена так и не научилась понимать, что, собственно, от нее требуется. Все время, пока Маргарет, лежа в ванне, играла в шарады, пытаясь втолковать служанке, что ей нужно мыло, та сидела на опущенной крышке унитаза, потупив глаза и нервозно ломая руки. Так что в конце концов эту обязанность пришлось взять на себя Джози.

Кроме того, предполагалось, что Хелена будет закупать провизию. Однако в первый же день, когда ее отправили в магазин со списком покупок, она два часа проплакала на крыльце, орошая слезами цветочные вазоны, в которых впоследствии необъяснимым образом буйно разрослись загадочные южноамериканские цветы. Так что и эту задачу тоже пришлось перепоручить Джози.

Теперь обязанности Хелены сводились к несложной работе по дому, приготовлению пищи и изучению английского посредством болтовни с Маргарет. Ее комната располагалась на первом этаже, и она с беспокойством высовывалась из двери всякий раз, когда Джози отваживалась спуститься вниз после того, как все расходились

по своим спальням.

Когда Маргарет с Джози вернулись домой от врача, со второго этажа доносилось гудение пылесоса. Это был добрый знак. Если Хелена занималась уборкой, значит она не видела в шкафу Деллу Ли.

Джози усадила мать в ее любимое кресло в гостиной, а сама поднялась наверх, где Хелена чистила пылесосом ковровую дорожку в коридоре.

Джози подошла к служанке и похлопала по плечу, чтобы привлечь ее внимание. Это ей определенно удалось: Хелена взвизгнула и бросилась бежать по коридору, даже не обернувшись, чтобы посмотреть, кто это. Забытый пылесос упал на пол и алчно присосался к бахроме на краю дорожки.

— Хелена, погоди! — крикнула Джози и бросилась за ней. Она нагнала горничную еще до того, как та успела добежать до конца коридора, выходившего на узкую черную лестницу. — Все в порядке! Это всего лишь я!

Хелена остановилась и обернулась.

— Олдси? — подозрительно спросила она, как будто ожидала увидеть кого-то другого.

— Я, я. Прости, я не хотела тебя напугать. У тебя все в порядке?

Хелена держалась за сердце и тяжело дышала. Она кивнула и поспешно вернулась к пылесосу. Она отключила его, потом присела и принялась вытаскивать из трубы зажеванную бахрому.

Джози последовала за ней.

— Хелена, — спросила она, — ты… э-э… убрала разбитую лампу в моей комнате?

— Я убрать. — Она поднялась, перекрестилась и поцеловала крестик, висевший на цепочке у нее на шее. — Комната Олдси сегодня странно.

— Странно? Ты видела что-нибудь… необычное?

— Не видеть, нет. Чувствовать. В комната Олдси сегодня холод, — ответила та.

Джози вздохнула с облегчением.

— А, я с утра открывала окно, вот и все. — Она улыбнулась. — Можешь здесь не пылесосить. Мама внизу, в гостиной.

— Олдгрет вниз?

— Да. Маргарет внизу.

Ну вот, теперь эта парочка какое-то время будет занята друг другом и не станет соваться в комнату Джози. Маргарет любила наблюдать, как Хелена убирается. А Хелена, в меру собственных скромных возможностей, любила пересказывать последние сплетни, услышанные в восточной ча-

сти города, где располагался католический клуб. Маргарет могла слушать о нем часами, чтобы потом придумывать, в чем баптисты могут их переплюнуть.

Хелена принялась сматывать шнур пылесоса, а Джози отправилась к себе в комнату. На завтрак ей пришлось удовольствоваться тем же, что всегда ела мать: скромной порцией овсяных хлопьев с черникой. Она бросила взгляд в сторону шкафа, и в животе у нее заурчало. Еда! Ее любимая еда!

Тайник располагался в соседней комнате. Там стоял огромный старинный гардероб, невероятно массивный и богато изукрашенный, — фамильная ценность семейства Сиррини. Он занимал большую часть стены и скрывал за собой еще один шкаф. Джози совершенно случайно обнаружила потайную дверцу между двумя шкафами, когда девчонкой как-то забралась в гардеробную, чтобы съесть припасенную в кармане конфету. В детстве она пряталась в тайнике от матери, чтобы заставить ту поволноваться, а теперь он был забит журналами, любовными романами и сладостями. Самыми разнообразными сладостями. Лунным печеньем и рулетами с пеканом, леденцами и карамелью, сливочными тянучками и грильяжем, трюфелями и помадками. Даже пахло

тут уютно, как в Хеллоуин: сахаром, шоколадом и шуршащими целлофановыми обертками.

Джози разделась, бросила пальто и сумочку на кушетку и подошла к шкафу. Потом поплотнее закуталась в свой счастливый красный кардиган, загадала про себя желание и открыла дверцу.

— Ваша прислуга зовет тебя и твою мать Олдси и Олдгрет? — со смехом поинтересовалась Делла Ли.

Неудивительно, что Деллу Ли это насмешило. Некоторым доставляло удовольствие называть Джози и ее мать сестрами Сиррини. Маргарет была уже в возрасте, когда у нее родилась дочь. Сейчас Джози было двадцать семь, и такое прозвище по сути означало, что она уже старуха; но, с другой стороны, ее таким образом приравнивали к Маргарет, которая была когда-то первой красавицей Болд-Слоупа, женщиной, которая захомутала самого Марко Сиррини, ныне покойного. Сопоставление было не из худших. Маргарет, впрочем, прозвище это не любила и не упускала случая пренебрежительно о нем высказаться. Она была хрупкая, светловолосая и утонченная, Джози рядом с ней казалась неотесанной чернявой толстухой. Сестры? Маргарет сказала бы: «У нас нет ничего общего».

* * *

Плечи Джози поникли.

— Просто чудо, что она тебя не заметила. Ты попадешься.

— Осталось уже недолго.

— «Недолго» — это сколько?

— Столько, сколько нужно. Может, несколько дней. Может, несколько недель.

— Я слышала, в «Холидей-инн» замечательные шкафы. Почему бы тебе не перебраться туда?

— Да, но ни в одном из них нет бесплатного автомата со сладостями, — возразила Делла Ли, и Джози поняла, что ее гостья, нахальная, с потекшей тушью и упрямая, будет сидеть в ее шкафу до тех пор, пока сама не решит уйти. — Как, ты не собираешься спорить?

— А что, мне это чем-то поможет?

— Ну, вдруг тебе от этого полегчает.

— Полегчать мне может только от одного. Прошу прощения.

Джози наклонилась и сдвинула в сторону потайную дверцу.

Делла Ли поспешно отступила в угол — на взгляд Джози, куда более демонстративно, чем это было необходимо, как будто боялась, что

хозяйке взбредет в голову прикоснуться к ней. Джози взяла с полки красную жестяную коробку моравского печенья и упаковку кексов «Малло», подошла к столу и уселась. Она открыла коробку с печеньем и принялась медленно поглощать его, смакуя каждый кусочек.

Делла Ли какое-то время наблюдала за ней, потом отвернулась и, разлегшись на полу гардеробной, начала разглядывать одежду Джози. Она задрала обтянутую синими джинсами ногу и поворошила ею вешалки. Только в этот момент Джози впервые заметила, что на Делле Ли всего одна туфля.

— Значит, вот как живет Джози Сиррини, — подытожила наконец Делла Ли.

Джози, казалось, была всецело поглощена своим печеньем.

— Если тебе что-то не нравится, можешь уйти.

— Неужели ты весь день этим и занимаешься? Разве у тебя нет друзей? — спросила Делла Ли, качая головой. — Я и не знала, что у тебя такая жизнь. В детстве я завидовала тебе. Думала, у тебя есть все.

Джози не знала, что на это ответить. У нее в голове не укладывалось, что такая красавица, как Делла Ли, может ей завидовать. У нее не

было «всего». У нее были только деньги. И она отдала бы их, до последнего гроша, вместе со всем остальным, что у нее было, до последней крупинки сахара, за то, чего ей хотелось больше всего на свете и чего ей никогда не суждено было получить.

Внезапно она склонила голову набок.

Точно по волшебству, она ощутила *его* приближение, это сосущее чувство под ложечкой. Оно походило на голод, только было острее, пронзительней. Оно было как предвкушение чего-то восхитительного. Предвкушение мороженого. Предвкушение шоколада. Предвкушение мягкой помадки, какой начиняют шоколадные батончики.

Значит, красный кардиган все-таки не перестал приносить удачу.

— Что случилось? — спросила Делла Ли, когда Джози отодвинула стул и подскочила к окну.

Он шел по дорожке, ведущей к дому. Сегодня он появился раньше обычного.

Дом Сиррини располагался в одном из старейших районов города. Когда Марко Сиррини заработал состояние на местном горнолыжном комплексе, он купил в районе, где всегда мечтал жить, дом, немедленно снес его и построил на

этом месте новый — просторный, ярко-голубой, в викторианском стиле. Он сказал, что хочет иметь дом, который стоял бы особняком даже среди особняков. Ему хотелось, чтобы каждый, кто бы ни проходил мимо, говорил: «Здесь живет Марко Сиррини». Остальные дома в округе находились чуть в глубине от улицы, и только дом Сиррини, самый роскошный, самый дорогой среди всех, стоял на виду, гордо красуясь, точно говоря: вот он я, дом, который построил сын бедных итальянских иммигрантов.

Адам должен был вот-вот появиться на крыльце.

Джози выскочила из комнаты.

Хелена и Маргарет болтали в гостиной. Джози спустилась по лестнице и заставила себя перейти с бега на шаг.

— Почта пришла! — сообщила она им.

Маргарет с Хеленой не стали отрываться от своего разговора, который звучал примерно следующим образом:

— Наоми О'Тул?

— Да, Олдгрет.

— Что, и она там была?

— Да, Олдгрет.

Джози открыла входную дверь, украшенную

затейливыми витражными панелями из цветного стекла, и толкнула сетчатый защитный экран, не сводя глаз со ступеней крыльца, чтобы не пропустить миг, когда покажется *он*. Внезапно экран застрял, наткнувшись на что-то мягкое, и Джози, к собственному смятению, поняла, что ударила дверью Адама Босуэла — он возился с черным почтовым ящиком, прикрепленным справа от входа.

— Тише-тише! — с улыбкой произнес Адам. — Куда вы так спешите, Джози?

На нем была форма, предназначенная для холодного времени года; брюки прикрывали шрамы на правой ноге — он слегка прихрамывал. Адам был привлекательный, атлетически сложенный мужчина. С его круглого лица весь год не сходил смуглый загар — кожа казалась золотистой, словно какой-то теплый сияющий свет озарял лицо изнутри. Адаму было чуть за тридцать, и у него была какая-то тайна. Джози не знала, какая именно, просто чувствовала, что она есть.

Адам был не из здешних. Три года назад он впервые появился у нее на пороге с почтовой сумкой на плече, и с того дня она потеряла покой и сон. Горнолыжный комплекс с его знаменитыми

своей крутизной спусками привлекал к себе массу любителей острых ощущений. Джози всегда задавалась вопросом, не они ли привели этого человека в их городок и не из-за них ли он осел в нем навсегда. Хотя ее мать продала комплекс почти сразу после смерти отца, Джози грела душу мысль о том, что она имеет какое-то, пусть и весьма отдаленное, отношение к появлению в их городе Адама.

Она молча стояла на пороге и таращилась на него, и он вытащил из одного уха наушник своего айпода.

— Джози, у вас все в порядке?

Кровь тут же бросилась ей в лицо. Он был единственным человеком на свете, в чьем присутствии она теряла дар речи, и в то же время единственным, с кем ей по-настоящему хотелось бы поговорить.

— Прошу прощения, — выдавила она. — Я не знала, что вы уже здесь. Что-то вы рано сегодня.

— Почты было немного. Вам только вот это.

Он протянул ей каталог, который собирался опустить в почтовый ящик, когда она наподдала ему дверью.

— Спасибо.

Он какое-то время смотрел на нее.

— У вас что-то прилипло, — он указал на ее губы, потом коснулся краешка собственного рта, — вот здесь.

Она немедленно провела пальцами по губам: к ним пристали крошки печенья. Смущенная, она смахнула их. Ну вот, теперь ей удалось блеснуть не только красноречием, но еще и опрятностью.

— Чудесный сегодня день, правда? — спросил он и вдохнул полной грудью. В холодном осеннем воздухе пахло прелой опавшей листвой и самыми стойкими из поздних цветов, уже прихваченных первыми заморозками. — Люблю осень.

Джози застыла, не отрывая пальцев от губ, словно загипнотизированная.

— И я тоже.

— Хочется выкинуть что-нибудь этакое, правда? — ухмыльнулся он. — Например, выйти из дома и… резвиться среди деревьев.

Эти слова рассмешили Джози. Адам посмотрел на нее с каким-то непонятным выражением. Как будто она его удивила.

— Ладно, до встречи, — произнес он наконец.

— Угу, — кивнула она. — Счастливо, Адам.

Она затаила дыхание (у нее была такая примета) и не дышала, пока он не спустился с крыльца и не перешел дорогу. Как только он оказался на

другой стороне улицы и покинул ее мир, она вернулась в дом и вошла в гостиную. Хелена вытащила гладильную доску и готовилась гладить платья Маргарет.

— Сегодня принесли только каталог, — сказала Джози. — Я заберу его к себе, ладно?

— Постой-ка. — Маргарет прищурилась и с ног до головы окинула дочь взглядом. — Ты что, ездила к врачу в этой кофте?

О нет. Она же хотела снять кардиган, когда приехала.

— Да, — сказала она, потом поспешно добавила: — Но я не снимала пальто.

— Джози, я же еще в прошлом году просила тебя выбросить эту кофту. Ее столько раз стирали, что она села.

Джози попыталась улыбнуться.

— Но она мне нравится.

— А я говорю, что тебе нужно найти что-нибудь по размеру. Я знаю, ты обожаешь свои каталоги. Подыщи себе что-нибудь размером побольше. К тому же красный цвет тебе совершенно не идет. Вот я в твоем возрасте носила красное, но я же блондинка. Попробуй белое. Или черное.

— Хорошо, мама.

Джози развернулась и вышла из гостиной. Она

поднялась к себе в комнату, уселась за стол и уставилась взглядом в стену. Потом машинально потянула за край кардигана.

— Ну и кто же он? — осведомилась из шкафа Делла Ли.

— Кто?

— Тот мужчина, к которому ты так спешила.

Джози немедленно выпрямилась. Она положила каталог на стол и раскрыла его, совершенно изумленная. Откуда эта нахалка обо всем узнала?

— Я не понимаю, о чем ты.

Делла Ли молчала, пока Джози грызла печенье и делала вид, что рассматривает каталог.

— Тебе кажется, что он завладел твоим сердцем, да? — произнесла она наконец. — Протянул руку и вытащил его из твоей груди. И бьюсь об заклад, он улыбается с таким видом, как будто ни о чем не подозревает, как будто понятия не имеет, что держит твое сердце в своих руках и что ты не можешь без него жить.

Никогда еще Джози не приходилось слышать ничего более верного, более метко сформулированного и более печального. Это было сродни впечатлению от церковного песнопения, когда слышишь его в первый раз, — это потрясение,

это страх от того, что, оказывается, вопреки всем твоим убеждениям кто-то способен заглянуть тебе в душу. Джози недоверчиво покосилась на Деллу Ли.

— Ты удивляешься, откуда я знаю. Такие уж мы, девушки: когда мы любим, то отдаем все, что у нас есть. Ну так кто он?

— Так я тебе и сказала.

Делла Ли подалась вперед.

— Честное слово, я никому не расскажу, — произнесла она подкупающим тоном.

— Угу, и мы обе знаем, чего стоит твое честное слово.

— Прекрасно. Расскажешь, когда созреешь. Знаешь что, а ведь я могу тебе помочь. Точно, так я и сделаю. Я тебе помогу.

Делла Ли отклонилась обратно. Джози обдало запахом табака и речной тины.

— Ты не в том положении, чтобы кому-то помогать. Что с тобой случилось, Делла Ли? У тебя такой вид, как будто ты до сих пор не обсохла.

Делла Ли оглядела свой наряд, коснулась безжизненных, прилипших к голове волос.

— А, я и забыла, — сказала она. — Я тут немного искупнулась.

— Ты купалась в реке в такое время года? — по-

разилась Джози.

— Тогда эта идея показалась мне удачной. Вроде как последняя глупость перед тем, как уехать на север. — Делла Ли пожала плечами. — Что-то вроде искупления.

— Искупления чего?

— Много чего. Послушай, будь другом, съезди в закусочную в здании суда. Она в холле на первом этаже, напротив лифтов. Ее держит одна девушка, Хлоя Финли, она тебе понравится. Она такие сэндвичи с помидором и тремя сортами сыра делает — пальчики оближешь. Привези мне штучку, ладно?

Перед глазами у Джози все еще стояла Делла Ли, окунающаяся в холодные воды реки Грин-Коув в соответствии с ее представлениями о духовном очищении, и потому столь резкая смена темы застала ее врасплох.

— Ты что, хочешь, чтобы я поехала тебе за сэндвичем прямо сейчас?

— А что?

— А то, что в половине первого мы с мамой обедаем. Потом приедет наш финансовый консультант, мне нужно присутствовать. Потом я должна буду искупать маму и уложить в постель.

— Ну тогда завтра, — нимало не смутившись, сказала Делла Ли.

— Завтра я везу маму на маникюр и педикюр.

— А в четверг?

— В четверг у мамы заседание дамского клуба.

— Ничего удивительного, что у тебя столько путеводителей. Представляю, с какой скоростью ты рванешь отсюда, если тебе когда-нибудь удастся выбраться из этого беличьего колеса.

— Никуда я не рвану, — возмутилась Джози, потому что хорошим дочерям не полагалось уезжать от своих матерей. И кому какое дело, что она мечтает об этом каждый божий день. — А вдруг мне нравится такая жизнь? Такое тебе в голову никогда не приходило?

Делла Ли фыркнула.

Джози накрыла коробку из-под печенья крышкой, поднялась и поставила ее вместе с недоеденным пакетом кексов обратно в шкаф.

— Можешь есть все, что найдешь. Некогда мне кататься тебе за сэндвичами.

— Нет, спасибо. Я подожду.

— Долго ждать придется.

Делла Ли рассмеялась:

— Дорогуша, чего-чего, а времени у меня навалом.

Глава 2
Сладкие пастилки

Почти сто лет городок Болд-Слоуп[1] влачил жалкое существование, оживая лишь на летние месяцы, когда в него стекались измученные жарой богачи из северокаролинского Пидмонта.[2] Каждый год с наступлением холодов город впадал в спячку, летние домики и большая часть магазинов в центре стояли заколоченные. Местные жители перебивались овощами, которые заготавливали впрок, и деньгами, которые удавалось скопить за лето. К тому времени, когда сходил последний снег, они успевали изголодаться и ослабеть и с нетерпением ожидали возвращения отдыхающих.

Марко Сиррини катался на лыжах на северном склоне местной горы еще мальчишкой. Лыжи были старенькие, привезенные его отцом из Италии. Никто не знал, откуда взялось семейство

---

[1] Примечания: 1

В переводе с английского — Лысый Косогор.

[2] Примечания: 2

Пидмонт — предгорное плато, окаймляющее восточный край Аппалачей.

Сиррини; они просто появились в городе в самый разгар зимы, приметные своими черными волосами, сияющими, точно угли на снегу. Они так и не смогли влиться в здешнее общество. Марко, впрочем, пытался. Зимой он водил стайки местных мальчишек в горы, учил их мастерить самодельные лыжи и кататься на них со склонов. За науку он брал с них мелочью, банками консервированных бобов и пряной красной капусты, которые они втихомолку таскали из скудных родительских запасов. Когда ему исполнилось девятнадцать, он решил, что пора двигаться дальше. Он пробудит Болд-Слоуп от зимней спячки! Дерзкий, не боящийся никакой работы и красивый той загадочной средиземноморской красотой, которая так отличала его от сдержанных горцев, он нашел инвесторов аж в самом Ашвилле и в Шарлотте, купил участок земли и собственноручно взялся за строительство лыжной базы, не обращая внимания на насмешки горожан. Они упорно цеплялись за сливки, картофель и давным-давно забытые баллады своих английских, ирландских и шотландских предков, некогда переселившихся в Южные Аппалачи. Их и так все устраивало. Перемены им были не нужны. На строительство ушло пятнадцать лет, но в

конце концов горнолыжный комплекс «Лысый Косогор» все же был завершен и, к всеобщему изумлению, мгновенно стал пользоваться популярностью.

Перемены оказались к лучшему!

Теперь лавки не нужно было закрывать на зиму. Точно грибы после дождя, начали возникать пансионаты, спортивные магазины и рестораны. Владельцы летних домиков, которые прежде вынуждены были заколачивать их на зиму, стали сдавать их любителям горных лыж. Некоторые дачники даже решили обосноваться в Болд-Слоупе насовсем и перебрались в свои летние дома с верандами и раскидистыми деревьями, основав таким образом местное высшее общество, которое сохранилось и по сей день. Самого Марко с радостью приняли в это круглогодичное общество, которое, в конце концов, своим появлением было далеко не в последнюю очередь обязано ему. Теперь о происхождении Сиррини никто не вспоминал. Значение имело лишь то, что он спас Болд-Слоуп, обеспечив ему зимнюю популярность, и за это ему прощалось все.

Теперь город принадлежал ему.

* * *

Джози притормозила перед маленьким желтым бунгало и сверила номер на почтовом ящике с адресом, который с утра переписала из телефонной книги. Номер совпадал. Она наклонилась вперед и посмотрела на дом через лобовое стекло. Краска на стенах казалась свежей, окна были чисто вымыты. Впрочем, до маленького дворика руки у Деллы Ли явно не доходили с самого лета. Вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, до сих пор торчали фигурки гномов и искусственные цветы, перед домом стоял забытый пластмассовый шезлонг, усыпанный красными в черную крапинку листьями, нападавшими с кустов кизила.

Джози подогнала большой золотистый «кадиллак» — идея купить его принадлежала ее матери — к обочине и заглушила двигатель.

Этот рабочий район был ей относительно знаком: в детстве они с отцом проезжали мимо него во время своих воскресных прогулок. Джози жила от одной такой прогулки до другой, лишь в эти несколько часов она вела себя спокойно. Все остальное время она беспрестанно конфликтовала с матерью, теперь и сама не понимала из-за чего. Ну почему она была таким несносным

ребенком? Что на нее находило? Мама определенно заслуживала лучшего. Однако во время этих поездок с отцом Джози утихомиривалась и слушала рассказы Марко. О Болд-Слоупе он знал все, изучил окрестности как свои пять пальцев. Когда родилась Джози, ему было уже под семьдесят, он был фигурой, в городе признанной, — богатый, седовласый и импозантный. Его отец работал трубочистом, и Марко, чтобы помогать ему, бросил школу в шестом классе. Он любил рассказывать Джози, как мальчишкой стоял на крыше, разглядывал чужие дома и мечтал обзавестись собственным, самым высоким в округе, чтобы никто не мог смотреть на его крышу сверху вниз, не говоря уж о том, чтобы смотреть свысока на него самого.

Когда Джози исполнилось девять, Марко умер, и его смерть стала для девочки переломным моментом. На нее словно вылили ушат холодной воды. Теперь у нее не осталось никого, кроме матери, а она так отвратительно с ней обращалась. Тогда она и дала себе слово, что загладит свою вину перед Маргарет, даже если на это уйдет вся ее жизнь. В тот день, когда умер отец, Джози впервые прикусила язычок, впервые приняла критику и не огрызнулась в ответ и впервые

поняла, как сложно ей будет изменить впечатление, которое у окружающих сложилось о ней по ее детским выходкам. Почти двадцать лет спустя она все еще не оставила этих попыток — повлиять на людское мнение.

Джози собралась с духом и вышла из машины.

Ей удалось улизнуть от матери после того, как она отвезла ту в салон красоты. Обыкновенно Джози дожидалась ее там, болтая с пожилыми дамами и сочувственно поддакивая в ответ на их сетования по поводу ишиаса и артрита. Но сегодня мать напомнила ей, что нужно забрать мятное масло — Маргарет заказывала его у Новы Берри, чудаковатой женщины, семье которой принадлежал магазинчик экологических товаров. Их собственные запасы подходили к концу, и вообще, пороги их жилища были окроплены явно недостаточно, иначе каким образом Делле Ли удалось проникнуть в дом?

Джози отправилась за маслом, но оказалось, что Нова еще не успела его приготовить. Она попросила Джози заехать через несколько дней, а потом в очередной раз повторила, как волшебно выглядит на ней красный цвет. Это Джози всегда была рада слышать, пусть даже Нова, скорее всего, и говорила так с расчетом сбыть ей красный

вязаный шарф или такую же шапку. Выходя из магазина, Джози собиралась просто прокатиться мимо дома Деллы Ли, ни на что другое у нее не было времени. И все же… Та сидела у нее в шкафу вот уже два дня, а Джози ни на шаг не приблизилась к разгадке, что она там делает и каким образом выкурить ее оттуда так, чтобы весь мир не узнал о ее сокровенных запасах. Быть может, она найдет в доме Деллы Ли что-нибудь такое, что даст ей возможность торговаться. Быть может, Делле Ли тоже есть что скрывать.

Ничто не способно так разнообразить скучный день, как небольшой взлом с проникновением.

Джози двинулась по двору, стараясь, чтобы это не выглядело так, будто она крадется. Под ногами у нее шуршали опавшие кизиловые листья. Она поднялась на крыльцо и с удивлением обнаружила, что дверь открыта, хотя день был прохладный. Выходит, Делла Ли живет не одна?

Джози подняла руку, чтобы постучать, но заколебалась. Какое-то время она нерешительно стояла, держа на весу сжатый кулак, потом все же стукнула в сетчатую дверь.

Никто не отозвался.

— Есть тут кто-нибудь? — позвала она.

Даже с крыльца она чувствовала спертый, душ-

ный, горячий запах, как будто кто-то передержал в сушильной машине старое белье. Отопление жарило на полную мощность.

И снова никто не отозвался. Джози подумала, что Делла Ли могла собираться в спешке и оставить дверь открытой. Все страньше и страньше.

Она оглянулась, чтобы убедиться, что никто за ней не наблюдает, потом открыла сетчатую дверь и вошла в дом.

Внутри царил беспорядок. Повсюду были разбросаны банки из-под пива, на полу валялись осколки чашки, а на дальней стене темнело кофейное пятно, как будто кто-то запустил чашкой в стену. Довершал картину разгрома перевернутый стул.

Джози сделала несколько шагов, наподдав ногой пивную банку и что-то похожее на оторванный рукав женской джинсовой рубашки, но вдруг застыла как вкопанная. Коже головы под волосами стало горячо, сердце заметалось в груди ошпаренной кошкой.

На диване спал какой-то мужчина.

Несколько секунд Джози стояла неподвижно, парализованная страхом. Вдруг она передвигалась недостаточно тихо и разбудила его?

Мужчина совершенно определенно был из тех,

кого лучше не будить.

Он был без рубашки и в расстегнутых джинсах, одна его рука наполовину скрывалась в недрах ширинки. На губах застыла самодовольная улыбка, как будто он даже во сне был уверен, что все женщины вокруг умирают от любви к нему, потому что он завладел их сердцами и спрятал в таком месте, где им ни за что не найти.

Его мускулистый торс свидетельствовал о том, что он проводит немало времени в спортзале. У него были выступающие скулы и длинные и прямые темные волосы. От него пахло алкоголем и чем-то еще, чем-то таким, как будто подожгли розовый куст. Запах был приятный, но терпкий и какой-то порочный, и у Джози закружилась голова, словно она готова была вот-вот ее потерять.

И тут ее осенило.

Так вот почему Делла Ли сбежала из дому!

Она явилась сюда в поисках компромата на Деллу Ли и вот что обнаружила. Джози попятилась, испытывая жгучий стыд. Лучше ей убраться поскорее. И сделать вид, что она ничего не знает.

Однако какая-то неясная сила остановила ее. Джози ощутила некую связь с Деллой Ли, связь, которую сама не могла объяснить. Она почувствовала эту женщину, с головой окунулась в ее

несчастливую жизнь, как будто в свою собственную. Она была такой знакомой, эта убежденность, что ничего все равно не изменится, ни к чему и пытаться.

Что ж, может быть, если Делле Ли станет известно то, что узнала Джози, это ей поможет. Помешает вернуться к этому… к этому хищнику.

Джози повернула голову и увидела небольшой коридорчик.

Она отступила еще на несколько шагов назад, не сводя глаз с лица спящего мужчины, чтобы не пропустить, если он вдруг шевельнется, затем развернулась и на цыпочках двинулась по коридору, обходя кучки грязной одежды. На стенах висели покосившиеся фотографии Деллы Ли в детстве. У нее были темные волосы и темные глаза. Интересно, когда она начала краситься в блондинку? На одном из снимков она была запечатлена на вершине сетки для лазания. На другом готовилась нырнуть в бассейн с высокого трамплина. На лице у нее было прямо-таки написано: попробуй подойди.

Спальня Деллы Ли, расположенная в конце коридора, оказалась воплощением подростковых грез Джози. Как-то раз она вежливо попросила у матери разрешения украсить стены плакатами,

на окна повесить пестрые занавесочки, а кровать застелить покрывалом с сердечками. Мать была крайне недовольна. Что за странные прихоти? Чем ей не нравится то, что у нее уже есть? Массивная дубовая кровать, старинный письменный стол и обитая замшей кушетка — Прекрасные Вещи. Джози, по всей видимости, Прекрасных Вещей не ценила.

Стены в комнате Деллы Ли были выкрашены в лиловый цвет, а на единственном окне висели прозрачные лавандовые занавески. Одну из стен украшал плакат с изображением персидской кошки, рядом с ним были налеплены вырванные из модных журналов страницы. На белом туалетном столике в беспорядке разбросаны тюбики и флаконч ики с разнообразной косметикой. Рядом в углу кучей валялись сумки с эмблемами косметических компаний, из тех, что дают в отделах косметики в подарок при покупке.

Джози взяла несколько штук сразу и принялась один за другим выдвигать ящики, пока не нашла тот, где хранилось белье и носки. Она набила одну сумку под завязку, потом сложила в другую косметику со столика.

С гулко бьющимся сердцем она подошла к шкафу и начала снимать с вешалок одежду, стараясь

производить как можно меньше шума. Затем присела подобрать что-нибудь из обуви. Обувь была двух совершенно разных видов: заляпанные жиром и едой кроссовки, которые Делла Ли, по всей видимости, носила на работу, и кожаные сапоги и босоножки на каблуках — в них она, должно быть, щеголяла по вечерам. Джози выбрала по две пары из каждой категории. Она уже собиралась вставать, как вдруг заметила в углу шкафа картонную коробку. Поверх были стопкой сложены свитера, а на боку виднелась сделанная зеленым фломастером надпись «личное».

Джози на четвереньках подползла к коробке и сдвинула свитера в сторону. Внутри оказались десятки старых блокнотов, кипы писем и фотографии. И еще несколько украшений, совсем простеньких, завернутых в пожелтевшую папиросную бумагу. Там же обнаружился школьный выпускной альбом с вытисненным на обложке именем Деллы Ли. Внутри, сложенное пополам, хранилось ее свидетельство о рождении.

Из гостиной неожиданно донесся какой-то шум. Джози оглянулась и случайно задела пальто, висевшее прямо над ней. Одно плечо съехало с вешалки, и она пугающе накренилась, угрожая свалиться совсем. Мужчина в гостиной вздох-

нул, потом до Джози донесся скрип диванных пружин.

Потом звук шагов в коридоре.

Все тело Джози напряглось, она целиком обратилась в слух, пытаясь определить, что делает мужчина. Она не сразу поняла, что он отправился в уборную, располагавшуюся прямо за стенкой шкафа.

Железная вешалка продолжала раскачиваться у нее над головой, негромко поскрипывая. Если пальто соскользнет, вешалка ударится о стену и он непременно услышит. Джози не сводила с нее умоляющего взгляда, шепча про себя молитвы.

Послышался звук сливаемой воды, и он, шаркая, вышел в коридор. Шаги у него были медленные, сонные.

Диванные пружины вновь заскрипели.

Все затихло.

Джози ждала, пока мышцы у нее не начали дрожать от напряжения, которого требовало долгое пребывание в одном и том же неудобном положении, потом выбралась из шкафа с коробкой в руках. С трудом разогнувшись, она подхватила сумки, подошла к двери спальни и выглянула наружу, затем медленно двинулась по коридору, но остановилась перед поворотом в гостиную.

До нее доносилось его дыхание.

Но было ли оно достаточно размеренным, чтобы можно было утверждать, что он снова уснул?

Джози собралась с духом и переступила порог гостиной.

И чуть не выронила свою ношу.

Он сидел на диване!

Но тут она увидела, что голова его покоится на подушках. Он заснул сидя. В пепельнице на кофейном столике перед ним еще дымился догоревший почти до фильтра окурок сигареты. Рядышком лежала потертая кожаная сумочка, из которой торчал глянцевый лиловый бумажник с белой буквой «Д».

Документы были бы Делле Ли очень кстати.

Дрожа, Джози преодолела несколько шагов, отделявших ее от сумочки. Ей пришлось наклониться, одновременно держа две сумки и коробку, чтобы аккуратно вытащить бумажник.

Она бесшумно отступила к выходу, бедром толкнула сетчатую дверь, до последнего не сводя глаз со спящего.

Потом она попыталась локтем придержать сетчатую дверь, чтобы та не стукнула, но было уже слишком поздно. Дверь с грохотом захлопнулась.

Джози слетела с крыльца. В доме было так жарко, что, очутившись на свежем воздухе, она почувствовала себя так, будто нырнула в холодную воду. Взмокшие волосы на затылке немедленно захолодили шею, и по коже побежали мурашки. Джози остановилась у обочины, опустила вещи Деллы Ли на землю у машины, выудила из кармана пальто ключи и одним нажатием кнопки открыла багажник — в ту самую минуту, как сетчатая дверь хлопнула во второй раз и на крыльце показался длинноволосый красавец.

— Эй! Что вы тут делаете? — окликнул он ее.

Голос у него был мелодичный, и ветер донес его до Джози, точно подарок. Она даже на миг замерла и обернулась к нему. Он, как прирожденный обольститель, немедленно понял, что она попалась.

— Ну-ка… — Красавец хищно улыбнулся и двинулся по ступенькам к ней. Он эффектно тряхнул головой и отбросил свои длинные темные волосы за плечи. — Да вы никак только что побывали в моем доме?

Где-то рядом каркнула ворона, предвестница опасности, и Джози вздрогнула. Высвободившись из-под его чар, она быстро побросала вещи в ба-

гажник и захлопнула крышку.

Поспешно она забралась в машину и под взглядом стоящего на тротуаре красавчика отъехала от обочины в своем самом большом и самом золотом «кадиллаке» на всем юго-востоке, а красавчик стоял на тротуаре и смотрел ей вслед.

Когда на ближайшем светофоре она свернула и набрала скорость, он все еще маячил на том же месте, мрачный, точно цыганское проклятие.

* * *

После того как вечером мать была уложена в постель, ее маленькие изящные ступни намазаны кремом, пахнувшим лимонным пирогом, на прикроватном столике приготовлены снотворное и вода, Джози крадучись спустилась по лестнице и подошла к машине. Она была босиком, и ледяная брусчатка заставляла ее поджимать пальцы, но так было тише.

Впрочем, это не помешало Хелене выглянуть из своей комнаты, когда Джози проходила мимо нее с вещами Деллы Ли.

— Все в порядке, Хелена. Ложись.

Голова служанки исчезла за дверью.

Джози принесла вещи в свою комнату, открыла дверь шкафа и поставила сумки и коробку перед

Деллой Ли.

— Что это? — удивилась та и отложила в сторону зачитанный до дыр журнал из запасов Джози.

С тех пор как они в последний раз виделись, она успела умыться, так что потеки туши вокруг глаз исчезли. И каким только образом она ухитрилась проделать это так, что никто ничего не заметил? Ни полотенец, испачканных косметикой, ни шума воды, бегущей по трубам, пока Джози с матерью и Хеленой смотрели телевизор внизу.

Джози улыбнулась. Весь день она с трудом сдерживалась, дожидаясь, когда мать наконец уляжется.

— Сюрприз! Я съездила к тебе домой!

— Куда-куда?!

Джози присела на корточки и открыла одну из сумок.

— Смотри. Я привезла тебе кое-какие вещи. Тут твоя одежда и косметика, а вот твой бумажник. И еще коробка. Мне показалось, она из тех вещей, которые не бросают.

Делла Ли покачала головой, сначала медленно, потом быстрее и быстрее.

— Я просила тебя привезти мне сэндвич, а не забраться ко мне домой!

— Я сделала это, чтобы тебе не пришлось воз-

вращаться туда. Сказала бы лучше спасибо!

— Ну разумеется, я не стану туда возвращаться! — Делла Ли не сделала никакой попытки приблизиться к вещам, наоборот, забилась в темное чрево шкафа. — Джози, избавься от этого хлама. И побыстрее! Никто не должен знать, что они у тебя.

— Тише! А то мать услышит, — шикнула на нее Джози. — И они не у меня. Они у тебя. Никто ничего не узнает.

Глаза Деллы Ли скользнули с Джози на коробку и сумки, потом вернулись обратно.

— Джулиан все еще там?

— Длинноволосый мужчина? Он спал на диване, засунув руку в штаны. Он что, все время так спит? Вот приснится ему дурной сон, еще повредит себе что-нибудь.

— Но ты его видела, — уточнила Делла Ли, пропустив мимо ушей столь небрежный отзыв.

— Да, видела.

— Тогда ты понимаешь.

Джози сглотнула.

— Да.

— Скотина! Какого черта он торчит в моем доме? Этот дом принадлежал еще моей матери. Интересно, что с ним теперь будет?

— Ну, — произнесла Джози, — если ты твердо решила уехать, можно его продать.

Делла Ли улыбнулась, как будто услышала понятную только ей одной шутку.

— Продать. Точно. Так я и сделаю.

— Я могу помочь тебе.

Улыбка Деллы Ли угасла.

— Джози, ты должна пообещать мне не делать так больше. Не езди к нему. Не связывайся с агентами по недвижимости. И никому не рассказывай про меня. Пообещай мне!

— Ладно, ладно. Обещаю.

— Я просто не верю, что ты осмелилась на такое ради меня.

Делла Ли нерешительно протянула руку к коробке, как будто не была до конца уверена, что она настоящая. Коснувшись пальцами картона, она удивленно рассмеялась.

— Когда ты поедешь на север, тебе понадобятся твои вещи.

Делла подтянула коробку к себе. Картон со скрипом поехал по деревянному полу.

— А, я поняла. — Она открыла крышку. — Ты пытаешься избавиться от меня, потому что я знаю про твою заначку.

— Ну, и поэтому тоже, — согласилась Джози.

— Джози! — послышался из коридора голос матери.

Джози обернулась.

— Никто еще не делал для меня ничего подобного. Знаешь, может, я смогу оставить эти вещи себе. — Делла Ли внезапно схватила сумки и прижала их к себе. — Мои вещички! — Она залилась смехом. — Мои вещички, мои вещички, мои вещички. Я уж и не думала, что увижу их снова. Послушай, можно мне побыть одной?

Джози поколебалась, потом поднялась на ноги.

— Закрой дверь, хорошо? И не забудь съездить в суд, к Хлое, купить мне сэндвич. — Делла Ли вытащила из сумки блузку, прижала к лицу и вдохнула ее запах. Она нахмурилась, потом снова обнюхала блузку. — Странно. Пахнет не так, как я помню.

Делла Ли потянулась за другой блузкой, и Джози закрыла дверь.

Она покачала головой. Если бы Делла Ли была конфетой, то непременно кисло-сладкой карамелькой. Не твердой, как камень, о которую можно сломать зубы, а с вязкой начинкой, которую нужно усердно жевать, пока слезы не брызнут из глаз, а губы против воли не растянутся в улыбку.

— Джози! — нетерпеливо повторила Маргарет.

Джози быстро развернулась и поспешила к матери.

* * *

Приняв снотворное, Маргарет любила рассматривать одну свою фотографию, потому что после этого ей иногда снился *он*. На снимке ей был тридцать один год, но выглядела она намного моложе. Так было всегда — до самого последнего времени. Теперь, глядя в зеркало, она видела незнакомку. Из зеркала на нее смотрела не юная красавица с фотографии, а старуха, тщившаяся быть красивой, с сухой кожей и морщинами словно трещины. Роскошно одетое сушеное яблоко.

Когда-то давно, в молодости, еще до того, как было сделано это фото, она решила, что здесь, в Болд-Слоупе, будет счастливее, чем в своем родном Ашвилле. Это был шанс оказаться подальше от ее родных с их притязаниями. Когда она выходила замуж за Марко, ей было всего двадцать три. Их брак устроил ее отец. Марко был почти на двадцать четыре года ее старше, зато у него имелись деньги и бездна обаяния, к тому же он не горел желанием иметь детей, так что этот вариант показался ей приемлемым. Маргарет получила то,

чего хотела она: возможность уехать подальше от родных и не присматривать больше за младшими братьями и сестрами, а ее семейство — то, чего хотели они: деньги. Но она и не подозревала, как одиноко ей будет в этом странном холодном городке с его готической архитектурой и культурой, направленной исключительно на то, чтобы залучить в город приезжих, от которых зависело выживание. Очень скоро она поняла, что Марко нужны были всего лишь красивая кукла в жены да ее громкая южная фамилия. Она сама его не интересовала. Но когда ей исполнился тридцать один, на один краткий восхитительный год она вырвалась из плена одиночества. Она была счастлива в первый и единственный раз на своей памяти.

Снимок сделали на каком-то светском пикнике, и *ему* на фотографии находиться было не положено. Рядом с ней его запечатлели совершенно случайно. Много лет назад она разрезала фотографию пополам, решив, что правильнее будет с корнем вырвать этого человека из своей жизни. Но на снимке осталась его рука, рука молодого мужчины, едва касающаяся ее руки. И мужчина этот был не ее муж.

Она слышала, как расхаживает у себя по ком-

нате Джози. Дочь разговаривала сама с собой; началось это совсем недавно, и Маргарет не знала, стоит ей беспокоиться по этому поводу или нет. Сегодня Джози слишком уж долго ездила за мятным маслом, тем более что Нова Берри не успела его приготовить. Значит, дочь занималась чем-то другим. При мысли о том, что у Джози появились какие-то свои дела, и притом за пределами дома, Маргарет стало неуютно. Она, Маргарет, отказалась от всего ради этой жизни, ради этого дома, ради этих денег. И ее дочь тоже должна.

Из комнаты Джози донеслось какое-то шуршание, как будто что-то волоком протащили по полу.

— Джози! — крикнула она, пряча фотографию под подушку.

Прошла минута, но никто не отозвался.

— Джози! — крикнула она снова.

Вскоре Джози постучала в дверь и вошла в спальню. Маргарет понимала, что матерью она была неважной, но ей почему-то было бы легче простить дочь за ужасное поведение в детстве, за все сломанные ею дорогие вещи, за все ее дикие выходки, за полученные по ее милости синяки и ссадины, не будь она так похожа на своего отца.

На Марко, который раз в неделю вывозил Джози на прогулку, потому что его заставляла Маргарет. Где он был все остальное время, когда негодница вопила как резаная или била дорогой фарфор? Первые девять лет жизни Джози Маргарет была в состоянии лишь смотреть на свою дочь, на эту скверную, избалованную девчонку, и вопрошать себя, не наказание ли это за ее грехи. Она родила Джози со злости и отчаяния, так что, наверное, получила по заслугам. Но Марко-то мог делать что хотел, и до свадьбы, и после нее, и жил припеваючи. Мужчинам всегда проще.

— Что такое, мама? Тебе что-нибудь нужно?

— Что ты делаешь у себя в комнате? Я слышала какой-то скрежет.

— Я сидела за столом, — сказала Джози, — и отодвинула стул. Все, я уже ложусь. Больше не буду шуметь.

— Ладно, — проронила Маргарет, и Джози двинулась к выходу. — Джози!

— Что, мама?

— Ты выбросила ту кофту, о которой мы с тобой говорили?

— Да, мама.

— Не подумай, что я к тебе придираюсь. Просто она тебе не идет.

— Да, мама, — повторила Джози.

Но правда заключалась в том, что этот красный кардиган изумительно шел ее дочери. И всякий раз, когда она его надевала, Маргарет становилось страшно.

Потому что Джози вступала в пору своего расцвета.

Маргарет проводила дочь взглядом.

Она была красавицей, первой красавицей здешних мест.

Маргарет снова вытащила тот давний снимок.

Только вот было это целую вечность назад.

Глава 3
Леденцовые карамельки

На следующее утро на другом конце города Хлоя Финли буравила взглядом дверь своей квартиры.

За дверью в коридоре стоял ее парень, Джейк.

Происходящее не укладывалось у нее в голове. Она только что выгнала Джейка, после того как он признался, что изменил ей.

Потрясенная, она развернулась… и немедленно споткнулась о лежащую на полу книгу.

Хлоя опустила глаза и вздохнула. Чего-то в этом духе она и ожидала. Нравилось ей это или нет, но книги всегда появлялись, когда она нуждалась в них. После знакомства с Джейком она стала меньше читать, и за последние пять лет, с тех самых пор, как они съехались, книги появлялись все реже и реже. Когда же они все-таки возникали, она игнорировала их. Как, скажите на милость, объяснить подобные вещи? Книги, появляющиеся из ниоткуда? Она всегда боялась, что Джейк примет ее за сумасшедшую.

Она очень хорошо помнила, как это произошло с ней впервые. Единственный ребенок, росший на

отдаленной ферме у своих прадеда с прабабкой, она часто маялась от скуки. Когда она перечитала все имевшиеся в наличии книги, стало еще хуже. Однажды, когда ей было двенадцать, она бродила вдоль ручья у полосы деревьев на границе их участка, удрученная и обиженная на весь белый свет, как вдруг увидела прислоненную к стволу ивы книгу.

Она подошла и подняла находку. Книга была такая новая, что корешок захрустел, когда Хлоя раскрыла ее. Это оказался самоучитель карточных фокусов.

На всякий случай она подала голос, несколько раз окликнула неизвестного владельца книжки. Никто не отозвался, так что она решила, что не будет никакого вреда, если она заглянет в книгу, и уселась под деревом. Она читала до темноты и, когда прабабушка позвала ее домой, хотела взять книжку с собой, но понимала, что не должна поступать так. Ведь хозяин книги непременно ее хватится. Поэтому она неохотно оставила книгу под деревом и побежала домой, пытаясь не позабыть ничего из прочитанного.

После ужина Хлоя вытащила из ящика на кухне колоду карт и отправилась к себе в комнату, чтобы попытаться повторить какой-нибудь фокус.

Но, как она ни билась, без картинок ничего не выходило. Она со вздохом собрала карты, разложенные на полу, поднялась и вдруг увидела книгу — ту самую, которую оставила под деревом у ручья, — на тумбочке у своей кровати.

Поначалу она считала, что это прадед с прабабкой устраивают ей сюрпризы. Она находила книги у себя на кровати, в шкафу, в своих излюбленных тайничках по всей ферме. И каждый раз это оказывались книги, которые в тот момент были ей нужны. Книги об играх или приключенческие романы, когда ей бывало скучно. Книги о взрослении, когда она стала старше. Однако когда прадед с прабабкой подступили к ней с вопросами, откуда она взяла деньги на все эти книги, Хлоя поняла, что они здесь ни при чем.

На следующий же день она обнаружила у себя под подушкой руководство по устройству тайников. Это было именно то, в чем она нуждалась, — совет, как спрятать ее книги.

С тех пор она смирилась с этим. Книги любили ее. Книги хотели о ней заботиться.

Она медленно подняла книгу с пола. На обложке значилось: «Искусство прощения».

Хлоя долго смотрела на книгу, чувствуя, как внутри у нее что-то закипает. Она не сразу поняла,

что это гнев. Книги хороши, когда хочешь развлечься занимательной историей или научиться карточным фокусам, но что они представляют собой на самом деле? Это ведь просто бумага, нитки и клей. Они пробуждают эмоции, поэтому люди чувствуют родство с ними. Но сами книги не способны испытывать эмоции. Им неведомо, что такое предательство. Им не дано испытывать боль.

Да что они вообще могут знать о прощении?

Она отправилась на кухню, сунула книгу в холодильник и захлопнула дверцу, потом опустилась на пол. Утром она проснулась оттого, что Джейк покрывал поцелуями ее живот. При одном воспоминании об этом по коже у нее побежали мурашки, несмотря на то что она была страшно зла на него, просто разорвать готова. Она вообще не могла управлять своими физическими реакциями, когда дело касалось Джейка. Порой ее саму пугала сила собственных чувств к нему, пугала его горячность, то, что он никогда не закрывал глаза, когда они с ним занимались любовью. Рядом с ним она чувствовала себя словно подхваченный ветром листок, как будто у нее не было своей воли. Она никогда в жизни никого так не любила, никогда в жизни не испытывала

такой страсти. И по сей день, когда они целовались, закипала вода в водопроводных трубах. И она считала, что Джейк точно так же одержим ею. В тот день, когда они встретились в суде, в первый же день его выхода на работу после окончания юридической школы, он забыл, куда шел, и остался сидеть у нее в кафе, не сводя с нее глаз, пока за ним не явилась окружной прокурор собственной персоной.

Нынче утром, распластанная под ним, она встретилась с ним глазами, и на нее нахлынула такая жгучая волна чувств, что ее тело едва совладало с ними. Это было почти невыносимо, но она уже не представляла себя без них.

— Я скорее умру, чем буду с кем-то другим, — сказала она и протянула руку, чтобы коснуться его лица.

Его глаза были прикованы к ней, их тела сплетены в единое целое.

«Я скорее умру, чем…» было их давнишней игрой. Одной из тех вещей, которые придумывают влюбленные парочки. Шуткой для посвященных. Если они шли в ресторан, один из них мог сказать: «Я скорее умру, чем так объемся снова». А другой отвечал: «Я скорее умру, чем позволю тебе умереть». Или, когда они гуляли по парку,

кто-нибудь из них мог со смехом произнести: «Я скорее умру, чем надену на свою собаку бандану». А второй отзывался: «Я скорее умру, чем позволю тебе умереть». Но в постели это переставало быть игрой. «Я скорее умру, чем оставлю тебя. Я скорее умру, чем устану от этого».

И тут Джейк вдруг закрыл глаза, чего не делал ни разу, когда они занимались любовью.

Он остановился и скатился с нее.

И все ей рассказал.

Она была единственной женщиной в его жизни. «Ты у меня одна, Хлоя».

Он сделал ошибку. Он не хотел.

Это случилось всего один раз, сказал он. Три месяца назад. В прокуратуре устроили вечеринку в честь выигранного дела по убийству Бисли. Они все отдали этому столько сил и так радовались, и нужно было дать какой-то выход эмоциям, и он сам не понял, как все произошло.

Но любит он Хлою, а не ту, другую женщину.

Он просил у нее прощения, клялся, что сделает все, чтобы загладить свою вину. Только назвать имя женщины, с которой изменил ей, отказался.

Хлоя сидела на полу перед холодильником и тупо смотрела перед собой, когда зазвонил телефон. После сигнала автоответчика послышался

голос Хэнка, одного из охранников в суде. Он хотел знать, почему ее нет на работе.

Она поднялась, оделась и пошла к выходу. Книга лежала на столике у двери. Хлоя хмуро глянула на нее.

Когда она садилась в машину, книга ждала ее на пассажирском сиденье.

Когда она отперла дверь в кафе, книга лежала рядом с кассовым аппаратом на прилавке.

* * *

В городе царило необычайное оживление. Джози совершенно позабыла, что уже начались приготовления к трехдневному фестивалю «Лысые и красивые», который проводился ежегодно в ознаменование начала горнолыжного сезона. Живая музыка и пиво привлекали на праздник студентов местного колледжа, а знаменитый конкурс лысин всегда получал самое широкое освещение в средствах массовой информации. Идея проведения фестиваля принадлежала Марко. В детстве Джози бывала с отцом на праздничных мероприятиях, но с тех пор, как она в последний раз присутствовала на фестивале, минуло уже без малого двадцать лет. После смерти Марко городские власти приглашали Маргарет с

Джози в качестве почетных гостей, но Маргарет неизменно отклоняла эти приглашения, и в конце концов приглашать их перестали. Все равно они являлись лишь слабым напоминанием о том обаятельном мужчине, который когда-то был королем этих мест.

Из-за предпраздничной суеты на то, чтобы добраться до здания суда и найти место для парковки, у Джози ушло больше времени, чем она рассчитывала. Наконец ей все же удалось найти достаточно просторный пятачок, чтобы припарковать Здоровую Лолу, как она называла свой «кадиллак», но потом, когда она вошла в здание суда, дважды срабатывал металлодетектор. В конце концов охранники все же позволили ей пройти, и она, миновав облицованный розовым мрамором круглый вестибюль, пропахший машинным маслом, которым смазывали лифты, подошла к небольшому кафе, о котором ей рассказывала Делла Ли. Издалека оно походило на газетный киоск из-за полок с газетами, журналами и книгами в мягких обложках, но, приблизившись, она заметила витрину с сэндвичами и два небольших столика.

За прилавком никого не было.

Джози покрутила головой по сторонам, потом с

беспокойством взглянула на часы.

Неожиданно из подсобки за прилавком донеслось:

— А ну сгинь! Только тебя мне тут не хватало!

— Прошу прощения? — изумилась Джози.

Из дверей подсобки выглянула девушка с самыми красивыми волосами, какие только Джози доводилось видеть в жизни.

— Ох, простите, — смутилась девушка и вышла из подсобки. — Я не знала, что здесь кто-то есть. Вы что-то хотели?

Щеки ее заливал яркий румянец, карие глаза блестели. Роскошные рыжие волосы густой вьющейся массой ниспадали на спину. Она точно сошла с картины, невесомая, воздушная… и пойманная за чем-то очень сокровенным.

— У вас все в порядке? — машинально спросила Джози.

Девушка вымученно улыбнулась:

— Да, спасибо. Будете что-нибудь брать?

— Поджаренный на гриле сэндвич с томатом и сыром, пожалуйста.

— Минутку.

Девушка отвернулась к грилю.

Джози присела за один из столиков. Она то и дело поглядывала на часы. Ей удалось улизнуть

с заседания дамского клуба, в котором состояла ее мать, и у нее, по собственным подсчетам, было около двадцати минут, чтобы вернуться в гостиную миссис Херцог до конца заседания. Джози не была членом клуба и всегда держалась в стороне, вместе с сиделками и компаньонками престарелых приятельниц матери. Даже они не обратили внимания, когда она выскользнула из гостиной. Единственным, от чьего внимания ее побег не укрылся, был Роули Пелхэм, пожилой владелец местной таксомоторной фирмы. Над родом Пелхэмов довлело загадочное заклятие, не позволявшее им нарушать обещания. Если кто-то из членов этого семейства давал слово, ему приходилось его держать. Если Роули обещал заехать за кем-то в десять часов, ровно в десять он стоял перед дверью. Аннабель Дрейк наняла его возить ее на собрания клуба, и он каждый раз ожидал ее на улице, не сводя глаз с дома, как будто собрание женщин в его стенах было загадкой, которую он пытался разгадать. Он улыбнулся Джози, стоя у своей машины с поднятым воротником куртки, чтобы не продуло на холодном ветру. Она знала, что он ее не выдаст. Он почему-то старательно избегал всяких разговоров с ее матерью.

Да, уходить с собрания было рискованно, но

нужно же кому-то позаботиться о Делле Ли. Насколько Джози было известно, та ничего не ела вот уже три дня, с тех самых пор, как появилась у них в доме, но упорно не желала брать в рот ничего, кроме сэндвича с томатом и сыром.

Джози снова взглянула на часы и вдруг ощутила сосущее чувство под ложечкой. Она машинально прижала руку к животу, подумав, что это от голода. В воздухе аппетитно запахло разогретым острым сыром и поджаристым хлебом. Джози решила, что отвезет сэндвич Делле Ли, а сама перекусит овсяным печеньем, конфетами и солеными тыквенными семечками из своих запасов, и на какое-то время погрузилась в мечты о том, как это будет.

Металлодетектор на входе задребезжал, и Джози обернулась.

Оказалось, под ложечкой у нее сосало не от голода.

Причиной тому был Адам.

Он вывернул карманы и снова прошел сквозь рамку металлодетектора. Он был в своей почтовой форме, но без сумки. На нем была потертая флисовая толстовка с капюшоном, на голове бандана.

У Джози приоткрылись губы: он направлялся

через вестибюль к ней.

Однако он даже не взглянул на нее, а двинулся прямиком к прилавку.

— Хлоя?

Рыжеволосая девушка оторвалась от гриля, бросила взгляд на вошедшего и без единого слова отвернулась обратно.

— Брось, Хло. Поговори со мной. Я только что вернулся с работы и обнаружил его у себя на крыльце.

— Мне все равно, — отозвалась Хлоя.

Адам уперся взглядом в ее спину, в ее прекрасные волосы.

— Он не хотел тебя обидеть.

— Ты что, обо всем знал? — вскинулась Хлоя.

Адам заколебался. Понятно: что бы ни было это «все», он об этом знал.

Хлоя вновь отвернулась.

— Уходи.

— Ничего не хочешь ему передать?

— Я с ним не разговариваю. И через тебя тоже. — Она, полуобернувшись, бросила на него быстрый взгляд. — Если, конечно, ты не хочешь сказать мне, кто она.

— Я не знаю, кто она, — сказал Адам. — Послушай, он попросил меня заехать к вам и привезти

ему кое-какие вещи; он ведь понимает, что ты сейчас не захочешь его видеть. Но я подожду, когда ты вернешься домой с работы, хорошо? Я позвоню тебе вечером, перед тем как заехать. Джейк пока поживет у меня. Телефон ты знаешь.

Он помолчал, ожидая от нее какого-нибудь ответа, но она ничего не сказала, и он развернулся и пошел к выходу, бросив мимолетный взгляд на Джози. Сделал еще несколько шагов и вдруг остановился.

— Джози, — произнес он, как будто не сразу узнал ее. — Какая неожиданность.

— Привет, Адам, — пролепетала она.

— Что вы здесь делаете?

— Жду сэндвич. — И поспешно добавила: — Это не для меня.

«Это не для меня». Блестяще.

— А, понятно. Конечно. — Он внимательно посмотрел на нее, и она провела рукой по губам, чтобы проверить, не прилипли ли к ним крошки. — У вас все в порядке?

— Вы постоянно меня об этом спрашиваете.

— Правда? Извините. Просто у вас немного грустный вид.

Она покачала головой.

— У меня все прекрасно.

Он взглянул на Хлою, потом вновь повернулся к Джози.

— Что ж, увидимся.

Она проводила его взглядом.

— Пока.

— Ваш сэндвич.

Хлоя выставила на прилавок белый бумажный пакет.

Она пробила чек, и Джози, поднявшись, приблизилась к прилавку.

— Значит, вы знакомы с Адамом, — спросила она как можно небрежней.

— Он… Мой парень… Мой бывший парень…

Хлоя тряхнула головой, точно досадуя на себя за то, что не может сформулировать, кем ей приходится Адам, и у Джози упало сердце. У этих двоих было общее прошлое. Их связывали какие-то отношения.

— Мой парень и он — лучшие друзья, — произнесла наконец Хлоя. — С вас ровно четыре доллара.

— Вот как. — Джози довольно долго рылась в сумочке, пока все же не набралась храбрости и не спросила: — Значит, вы с Адамом не вместе?

— Нет, — произнесла Хлоя таким тоном, как будто вопрос Джози несказанно ее удивил. — А

вы откуда его знаете?

Джози наконец-то вытащила деньги и передала их Хлое.

— Он приносит нам почту.

Хлоя взяла деньги и пристально посмотрела на Джози.

— Мы с вами случайно не знакомы?

— Вряд ли.

Хлоя внезапно улыбнулась.

— А, вспомнила! Вы же Сиррини, Джози Сиррини. Я видела вас на картине, вы там вместе с отцом. Она висит в вестибюле лыжной базы, и я смотрю на нее каждый раз, когда там бываю.

Джози давным-давно не вспоминала об этом портрете. Его заказала мать и настояла на том, чтобы он был повешен в вестибюле, у всех на виду. Несмотря на то что художник запечатлел ее толстым ребенком, Джози приятно было вспоминать о долгих часах, которые она провела на коленях у отца, пока они позировали для портрета.

— Надо же, я почти о нем забыла. Не знала, что он до сих пор там висит.

— Знаете, теперь я припоминаю, Адам как-то раз говорил, что носит почту в дом Сиррини.

— Правда?

— Но он никогда не упоминал, что знает вас.

Смущенная, Джози взяла теплый белый пакет.

— А он и не знает.

Она развернулась, чтобы идти, и сшибла с прилавка книгу, которую раньше не заметила. Она подняла ее и взглянула на обложку. «Искусство прощения».

— Извините. Это ваша?

— К несчастью.

Хлоя взяла у нее книгу. Джози вышла, а Хлоя скрылась в подсобке, шипя:

— Сгинь, я сказала.

* * *

— И тут вдруг появляется Адам! Я просто глазам своим не поверила! По всей видимости, парень Хлои — его лучший друг и временно живет у него. Мне кажется, они с ним жили вместе, но она его выгнала.

Джози сидела на полу перед шкафом и оживленно рассказывала. Белый пакет с сэндвичем, давно остывший, потому что Джози пришлось оставить его в багажнике машины до тех пор, пока ей не удалось тайком выбраться из дома и забрать его, лежал у нее на коленях.

Пока Джози отсутствовала, Делла Ли, очевидно

от скуки, забавлялась вещами, которые Джози привезла ей из дома. На ней была детская диадема и все старые бусы из коробки разом, а поверх футболки она натянула джинсовую рубашку со стразами. Наверное, на радостях от того, что ее косметичка вновь при ней, губы она намазала ярко-розовым блеском, а ногти выкрасила лаком разных цветов.

— Какой еще Адам? — осведомилась Делла Ли, дуя на ногти.

— Наш почтальон.

— Ага! — Делла Ли посмотрела на нее с торжествующей улыбкой. — Так вот почему вчера ты так поспешно выскочила из комнаты!

У Джози было такое ощущение, как будто ее застукали с полным ртом сладких драже.

Однако Делла Ли, похоже, не собиралась смущать ее.

— Я всегда беспокоилась, что Хлоя, кроме этого своего Джейка, никого больше вокруг не видит. Она совершенно себя не понимает. Так же, как мы с тобой. — Делла Ли улеглась на спальном мешке, который дала ей Джози, и, вытянув руки, полюбовалась своими разноцветными ногтями. — Мы даже ради спасения собственной жизни не способны приказать что-то своему сердцу. Твое так

вообще теперь живет у одного парня в почтовой сумке.

— Ты их знаешь? — спросила Джози.

— Не очень хорошо. — Делла Ли опустила руки и вскинула глаза на одежду Джози. — Но знаю, что Хлоя — славная девчонка. Ей лет… наверное, двадцать пять. Мне было десять, когда родилась ты, и двенадцать, когда родилась она.

Джози недоверчиво взглянула на нее.

— Ты помнишь, когда я родилась?

— Ну конечно. И, бьюсь об заклад, большинство народу в городе тоже. Ты ведь была любимой и единственной дочерью Марко Сиррини.

— О!

Делла Ли не сделала никакой попытки взять пакет, и Джози с гордостью поставила его на пол перед ней.

— Вот, держи свой сэндвич.

Делла Ли повернула голову и взглянула на пакет.

— Я тут немного угостилась твоими запасами, пока тебя не было. — Она приподняла угол спального мешка, под которым обнаружились конфетные фантики. — Я и не думала, что ты поедешь мне за сэндвичем. Ой, ну, то есть спасибо тебе большое, конечно. Ты так со мной возишь-

ся. Но я уже поела. Ты же сказала, что можно, правильно? Знаешь что? Съешь-ка сама этот сэндвич. Тебе ведь хочется. А мне завтра привезешь новый.

Джози покосилась на пакет. Съесть его было бы с ее стороны чистой воды эгоизмом, разве нет? Ей действительно этого хотелось, но она же привезла его Делле Ли. Это было совершенно не так, как если бы она покупала его для себя. Она не может съесть этот сэндвич. Или может?

— Ты уверена?

— Абсолютно, — с коварной улыбкой подтвердила Делла Ли. — Давай ешь. И расскажи мне, что там было с Адамом. Что сказал он, что сказала ты. Чем больше я знаю, тем лучше смогу тебе помочь.

Джози вздохнула и развернула пакет.

* * *

Когда вечером в дверь квартиры Хлои постучали, она отключила у телевизора звук, взяла книгу, которая появилась рядом с ней, и засунула ее под подушку дивана.

Не успела она подняться, как «Искусство прощения» оказалось на прежнем месте.

Она снова запихнула книгу под подушку, на

этот раз решительней. Обыкновенно книги сдавались, когда понимали, что она не намерена их читать. Но только не эта.

— Веди себя хорошо, — предупредила ее Хлоя.

Она пошла через гостиную, отделенную от кухни одним только мебельным островком. Все здесь было очень аккуратно, по-мужски. Никакого хлама, как любил Джейк. Она полностью растворилась в нем, в его вкусах. Она сама позволила этому произойти.

Прежде чем открыть дверь, она собралась с духом. Она знала, кто там. Перед тем как зайти, Адам позвонил и предупредил. Она сделала ему знак входить.

— Чемоданы под кроватью.

Адам вошел в квартиру и подождал, пока она закроет дверь.

— Как ты, Хло? — спросил он, расстегивая куртку.

— Я? Прекрасно. Идем в спальню и покончим со всем этим.

— Ты не представляешь, какое количество женщин говорило мне эти слова.

Хлоя против воли улыбнулась. Все в Адаме производило впечатление беспечности — его чувство юмора, его смуглая от природы кожа, его светлые

вьющиеся волосы. Он походил не то на серфера, не то на любителя горных лыж. И действительно, не было ни одного экстремального вида спорта, который Адам не попробовал хотя бы раз. Ну, то есть так было до того падения три года назад. После этого он решил, что настала пора угомониться. Никакого риска, никаких путешествий.

Но Хлоя всегда чувствовала, что на самом деле он здесь несчастлив.

Она двинулась за ним и остановилась у входа в спальню, глядя, как он достал из-под кровати чемоданы и принялся складывать в них вещи Джейка. Жаль, невозможно забрать с собой запах их хозяина, подумалось ей. Как было бы хорошо, если бы можно было собрать его в бутылку и заткнуть ее пробкой. Матрас, обои на стенах, диванные подушки — все здесь было пропитано им. Так животные метят свою территорию. Это была его вотчина. Его вещи. Теперь это больше не давало ей ощущения надежности, как было когда-то, когда она только переехала к нему. Это превратилось в злорадную насмешку, как будто Джейк говорил: «Посмотри, здесь все мое. Тебе нужно все это. Тебе нужен я».

— Джози Сиррини спрашивала о тебе сегодня, когда ты ушел из кафе, — сказала Хлоя, потому

что это была нейтральная территория. — Она решила, что мы с тобой вместе. Когда я сказала, что это не так, она, похоже, обрадовалась.

Адам прекратил складывать вещи и очень странно посмотрел на Хлою.

— Я так понимаю, тебя это удивило.

— Она приятная девушка, и я приношу ей почту. Это все.

— Она действительно очень приятная. И я никогда не думала, что она на самом деле совсем молодая, — продолжала Хлоя. — Не отпирайся, я вижу, что тебя интересует не только ее почта.

— От нее пахнет мятой, — поразмыслив, сообщил он.

— Вот видишь, я же говорила.

Но Адам не стал развивать эту тему дальше. Это не походило на их обычное добродушное подтрунивание друг над другом, когда она не упустила бы случая еще подразнить его. Он скрылся в примыкающей к комнате ванной, и она, сложив руки на груди, принялась разглядывать свои ноги.

— Ты исчезнешь из моей жизни, да? — спросила она, когда он появился на пороге ванной с туалетными принадлежностями Джейка.

Адам ей нравился, но он был другом Джейка до того, как стал их общим другом. Джейк по-

знакомился с ним в тренажерном зале. Адам тогда только поселился в Болд-Слоупе; со времени несчастного случая на склоне прошло всего несколько месяцев, и Джейк пригласил его выпить с ним и Хлоей. Все вокруг нее сперва принадлежало Джейку. Эта квартира, стильная, со стенами из красного кирпича, в отреставрированном здании пожарной части в историческом центре города. Он получил ее в подарок от родителей по случаю окончания юридической школы. После ее прадеда с прабабкой осталась кое-какая мебель вместе с сотнями коробок книг, которые накопились у нее за долгие годы и теперь хранились в съемном хранилище. Ей даже в голову не пришло попросить у него разрешения перевезти их сюда. Она и сама не знала почему. Наверное, считала, что они будут здесь не к месту. А ей хотелось занять в жизни Джейка прочное место, хотелось так сильно, что она позабыла о самой себе.

Адам подошел к ней и сжал ее локти. Ему пришлось чуть наклониться, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Никто из твоей жизни исчезать не собирается, и меньше всех я. Это случилось всего один раз, три месяца назад. Ну, сглупил человек. Людям

вообще свойственно делать глупости. Только не думай, что я о тебе. То есть о том, что ты его выгнала. То есть я хотел сказать…

Она снова улыбнулась ему:

— Адам…

— Что?

— У тебя плохо получается.

Ее слова, похоже, принесли ему облегчение.

— Я знаю. — Он отпустил ее локти. — Пожалуй, мне лучше уйти.

Он вернулся к кровати, застегнул чемоданы, и тут его взгляд упал на книгу на прикроватной тумбочке.

— Твоя? — спросил он, беря книгу в руки.

Хлоя взглянула на обложку, ожидая увидеть настырное «Искусство прощения», которое преследовало ее весь день.

Ее ожидал сюрприз.

Это была другая книга. «Старая любовь рождается вновь».

— Это правильно, Хло. — Он поднял книгу на ладони, словно взвешивал ее, как будто слова имели вес. — Правильно, что ты ее читаешь.

Озадаченная, Хлоя выглянула в гостиную и впилась взглядом в «Искусство прощения», как ни в чем не бывало лежащее на диване.

С ума сойти. Оно вернулось с подкреплением.

— Мне пора. — Адам отложил книгу, подхватил чемоданы и двинулся к выходу из квартиры; Хлоя пошла за ним. — Может, Джейку что-нибудь передать? — спросил он у порога.

Она распахнула перед ним дверь.

— Что я довольна и счастлива?

— Хло…

— Не нужно ничего передавать. Спокойной ночи, Адам.

Она закрыла за ним дверь и круто развернулась. «Старая любовь рождается вновь» присоединилась к «Искусству прощения» на диване, как будто они вдвоем собирались поговорить с ней.

Превосходно. Ее преследуют самоучители по устройству личной жизни.

Хлоя решительно закрылась в ванной и забралась под душ. В ванной книги не появлялись никогда. Они, словно кошки, ненавидели воду. Она стояла под упругими струями, пока не остыла вода. Когда она решила, что изгнала из головы все мысли о Джейке и теперь сможет спокойно заснуть, и открыла дверь ванной, книги лежали перед ней на полу, сложенные аккуратной стопочкой одна поверх другой.

— Если еще раз увижу вас сегодня, спущу в

туалет обеих, — пригрозила она и, перешагнув через них, направилась к кровати, чтобы завести будильник.

Когда она оглянулась, книг на полу не было.

Глава 4
Шоколадные чипсы в сахарной обсыпке

На следующий день, когда в работе наступила передышка, Хлоя принялась читать журналы, которые принесли с утренней почтой. Ей хотелось отвлечься на что угодно. Хотелось забыть, какая тишина стояла в квартире вчера вечером, как не по себе ей было там в одиночку. Да еще «Искусство прощения», как назло, упорно продолжало появляться на прилавке, бередя душу, напоминая ей об этом. Хорошо хоть «Старая любовь рождается вновь» решила остаться дома; правда, с утра она вывалилась из коробки с готовыми завтраками и плюхнулась прямо в тарелку, отчего хрустящие кукурузные колечки разлетелись во все стороны. Хлоя увидела, что какая-то женщина направляется к ее киоску, и в очередной раз смахнула настырную книгу с прилавка.

Женщина приблизилась, и Хлоя встрепенулась.

— Ой, это вы! — воскликнула она с необъяснимой радостью.

Джози Сиррини остановилась и принялась озираться по сторонам, пытаясь понять, к кому обращается Хлоя, но никого не увидела и решила уточнить:

— Это вы мне?

— Вам, вам, — засмеялась Хлоя. — Опять поджаренный сэндвич с помидорами и сыром навынос?

Джози подошла к прилавку.

— Надо же, вы запомнили.

— Я всегда помню, кто что заказывает. Это у меня от прадеда. — Хлоя отвернулась от прилавка, натянула одноразовые полиэтиленовые перчатки и принялась сооружать сэндвич. — Раньше это кафе принадлежало ему, а он оставил его мне. Сэндвичи с помидорами и сыром берут не часто. Была одна женщина, которая всегда их заказывала, но она что-то давно не появлялась.

— Да? — спросила Джози таким тоном, как будто это ее заинтересовало.

Хлоя пожала плечами.

— Такая симпатичная, постарше вас, немного грубоватая. Осветленные волосы, тонна косметики. Каждый раз, когда я ее видела, она шла с заседания суда. И каждый раз по очередному делу о семейном скандале. Кроме того раза, когда ее

судили за проституцию. — Хлоя умолкла и оглянулась на Джози. — Я не сплетничаю. Она сама мне об этом рассказывала. И Хэнку тоже. — Хлоя кивнула на охранника у рамки металлоискателя перед главным входом. — Она этого не стыдилась. У некоторых людей просто такой образ жизни.

Как только хлеб подрумянился, а ломтики сыра начали с шипением плавиться, Хлоя поддела сэндвич лопаткой и упаковала в вощеную бумагу. Когда она обернулась, Джози уже держала в руках деньги.

На этот раз на ней было длинное серое пальто, застегнутое на все пуговицы до воротника, из-под которого выглядывал красный кардиган. Вообще-то, она была очень хорошенькая. Ее изумительная бледная кожа разительно контрастировала с темными глазами и волосами, точно снег и черный мрамор. Выглядело это исключительно эффектно, создавалось впечатление чего-то холодного на ощупь. Зато пахло от нее вкусно, леденцами. Нет, не так, мысленно поправила себя Хлоя. От нее пахло Рождеством.

— Адам прав, — сказала она и поставила пакет с сэндвичем на прилавок перед Джози. — От вас пахнет мятой.

— Адам сказал, что от меня пахнет мятой? —

переспросила Джози внезапно севшим голосом.

— Ага. Вчера вечером, когда мы с ним разговаривали.

— Это хорошо или плохо?

— Я бы сказала, что хорошо, — ответила Хлоя, пытаясь удержаться от улыбки при виде волнения, в какое привели Джози ее слова. Это было так мило. Им с Джейком не довелось пережить период этой трепетной влюбленности, этих переживаний на тему «любит — не любит». Их роман развивался стремительно, как ураган. На традиционные ухаживания времени у них не оказалось.

Она взяла у Джози деньги и пробила чек, и тут из распахнувшихся дверей дальнего лифта хлынула толпа клерков в костюмах. Начинался обеденный перерыв.

Хлоя вскинула глаза и мгновенно отыскала в толпе его. Такое впечатление, что ее мысли о нем заставили его материализоваться.

У Джейка развязался шнурок, но он этого не замечал. Из портфеля у него торчали какие-то бумаги, и кто-то указал ему на это. Вид у Джейка был потерянный. Он справлялся со всем этим ничуть не лучше, чем она, и Хлоя испытала приступ странного удовлетворения.

Джейк двинулся к ее киоску. У него тоже были темные волосы, но не черные, как у Джози, а теплого коричневого цвета, как шоколадный торт. И светло-зеленые глаза колдовского оттенка, который она различала даже с такого расстояния. От него исходили какие-то флюиды. Интересно, та, другая женщина тоже это почувствовала? А он полностью сосредоточился на ней, как сейчас был сосредоточен на Хлое? И она оказалась бессильна сопротивляться? Неодолимая волна накрыла Хлою и повлекла к нему. Ей захотелось бросить Джози, закусочную и все остальное и устремиться в его объятия. Он обнимет ее и начнет целовать, и вода в кофеварке забурлит, и все будет по-прежнему. Все опять пойдет по наезженной колее, но это и хорошо. Во всяком случае, лучше, чем сейчас, когда ее жизнь разваливается на куски.

И все же Хлоя заставила себя остановиться. Это ничего не исправит. Нельзя прощать только потому, что другого выбора, как ты считаешь, у тебя нет. Это уже не прощение, это капитуляция. А она всегда капитулировала перед Джейком. Всегда.

И вообще, как может она его простить, если он не желает даже признаться ей, с кем переспал?

— Извините, — пробормотала она, разворачи-

ваясь, чтобы скрыться в подсобке.

— Вам нехорошо? — встревожилась Джози.

Хлоя снова взглянула на Джейка. Он был уже совсем близко.

— Я просто не хочу встречаться с одним человеком.

Джози обернулась посмотреть, о ком она говорит.

— С Джейком Ярдли?

— Вы его знаете?

— Немного. — Джози снова повернулась к ней.

Ее ответ не удивил Хлою. Джейк был прокурором и все лето, пока тянулось судебное разбирательство по делу об убийстве Бисли, едва ли не каждый вечер появлялся в вечернем выпуске новостей на местном телевидении. Убийство в маленьком городке — всегда тема настолько животрепещущая, что никто не может остаться к ней равнодушным. Люди до сих пор подходили к Джейку на улице, чтобы из первых уст услышать о том, что происходило за кулисами судебного процесса, и удостовериться, что Уэйда Бисли упрятали за решетку на всю оставшуюся жизнь.

— Он изменил мне, — произнесла Хлоя впервые за все это время вслух.

— Ох, — только и сказала Джози.

Хлоя поспешно скрылась в подсобке. Когда прадед с прабабкой заболели, ей пришлось бросить колледж и продать ферму, чтобы устроить их в дом престарелых. Жить ей было негде, она тайком перебралась в эту подсобку и прожила там почти шесть месяцев. Все, что она зарабатывала, уходило на оплату ухода за стариками. Единственным, кто знал о ее тайне, был Хэнк, но он не стал ее выдавать. Старики умерли один за другим, с разницей всего в несколько месяцев. Почти сразу после смерти прабабки Хлоя встретила Джейка и уцепилась за него, как утопающий за соломинку. Она потеряла практически все, и тут появился он, предлагавший так много.

— Хлоя, пожалуйста, выйди сюда, — послышался его голос.

— Мне кажется, она не хочет.

Хлоя склонила голову набок. Голос принадлежал Джози.

— Хлоя, если ты не выйдешь ко мне, я сам приду в подсобку.

Он словно бы и не слышал слов Джози.

Хлоя собралась с духом и приготовилась сопротивляться. В его присутствии она могла вмиг забыть о том, что это капитуляция. Могла забыть вообще обо всем на свете. А тесная подсобка была

не в состоянии вместить то, что возникало между ними, когда они оказывались вдвоем. Все вокруг накалялось. Лед плавился. Яйца поджаривались прямо в коробках. После того как это произошло несколько раз, когда они только познакомились, она запретила ему появляться у нее на работе, потому что каждое такое появление оборачивалось для нее немалым уроном.

Прошло несколько секунд.

— Ну все, я иду, — предупредил он.

— Нет, — заявила Джози. — Никуда ты не идешь.

— А вы, собственно, кто такая? — осведомился Джейк прокурорским тоном, и Хлоя забеспокоилась. Когда Джейк включал прокурора, тягаться с ним было не по зубам даже Джози.

Однако, к своему удивлению, она услышала, как Джози с некоторым раздражением произнесла:

— Я — Джози Сиррини, Джейк. Когда мне было шесть, я стащила у тебя кусок шоколадного торта на рождественском утреннике у твоей бабушки и довела тебя до слез.

— Джози! — воскликнул Джейк, как будто сам изумился собственной забывчивости. — А где твоя мать? И что ты тут делаешь?

— Помогаю своей подруге.

— Я знаю всех Хлоиных подруг.

— Может быть, тебе так только казалось? — парировала Джози. Повисло молчание, потом до Хлои донеслось: — Он ушел.

Она смущенно выбралась из подсобки. Надо ей было держаться уверенней.

— Спасибо, — поблагодарила она Джози.

— Надеюсь, я не…

Джози махнула рукой в том направлении, куда, по всей видимости, удалился Джейк. Взгляд ее упал на часы у нее на запястье, и она охнула:

— Нет, только не это. Мне пора.

— Я провожу вас.

Хлоя кинулась следом за Джози, которая взяла пакет с сэндвичем и поспешила к выходу. Они пересекли фойе и вышли на улицу. В парке перед зданием суда шли последние лихорадочные приготовления к открытию фестиваля «Лысые и красивые», назначенного на вечер. Хлопали натягиваемые полотняные навесы, создавая ветер, который взметал с газонов палую листву. По светло-серому сияющему небу плыли низкие облака.

— Подождите, — сказала Хлоя, когда они очутились на крыльце. Она не ожидала от Джози такой прыти и немного запыхалась. — Вы идете сегодня

на праздник?

Джози с опаской взглянула в сторону парка.

— Нет. А вы?

— Вообще-то, я обычно хожу. Ну, то есть всегда ходила с Джейком. Если вы пойдете, я тоже пойду.

Она встретилась с Джози взглядом. Они были приблизительно одного роста, и глаза у обеих были совершенно одинакового оттенка, темно-карие.

— Разве вам больше не с кем пойти?

— Все остальные станут приставать ко мне с вопросами про Джейка. А вы… у меня такое чувство, что вы не будете.

— Это не мое дело.

— Вот видите! Ну, соглашайтесь.

Джози с негромким смешком покачала головой:

— В последний раз я ходила туда еще в детстве. — Она опустила глаза и недоуменно нахмурилась, потом нагнулась и подняла книжку, лежавшую на ступенях. — Разве это не ваша книга?

Хлоя вздохнула:

— Да, спасибо.

— Вы же оставили ее на прилавке?

— Да. Наверное, я все-таки схожу на праздник. Я никогда ничего не делала одна, без него. Так больше нельзя. Пора положить этому конец.

Джози перевела взгляд с книги на лицо Хлои.

— Думаете, вы простите его?

— Пока не знаю. — Хлоя подошла к урне и сунула в нее «Искусство прощения». — Послушайте, если вы все-таки передумаете и решите прийти, я буду в районе сцены около восьми.

* * *

— На, ешь скорее, — сказала Джози, открывая дверь шкафа.

Она поставила пакет с сэндвичем перед Деллой Ли, которая сидела на полу на спальном мешке. На ней по-прежнему была детская диадема и все ожерелья, но сегодня она надела поверх футболки несколько рубашек сразу и, похоже, еще одну пару джинсов вдобавок к тем, что на ней уже были. Джози не очень понимала, зачем Делла Ли это сделала. Возможно, просто от скуки. А может быть, она считала, что единственный способ взять с собой свои вещи — надеть их все и сразу.

Впрочем, о возвращении домой она даже не заикалась. И, учитывая, что Джози там видела, это было к лучшему. Вообще говоря, Делла Ли,

похоже, вполне неплохо чувствовала себя и здесь, по крайней мере, она не изъявляла никакого желания встать и поразмяться, во всяком случае днем, когда Джози ее видела. И уж кто-кто, а Джози отлично ее понимала. Если бы Делла Ли не оккупировала ее шкаф, она сама немедленно забралась бы туда и принялась читать какой-нибудь из любовных романов, заедая его малиновой карамелью и вишней в шоколаде.

Джози сняла длинное серое пальто и скинула свой счастливый красный кардиган. Ну и как, принес он ей сегодня удачу? Джози и сама не очень понимала, что чувствует. Ее жизнь менялась в мелочах, но этих мелочей было достаточно, чтобы выбить ее из наезженной колеи. Сначала появилась Делла Ли. Потом Хлоя. А теперь Адам заявил, что от нее пахнет мятой.

Он обратил внимание на то, как от нее пахнет!

— А зачем есть скорее? — поинтересовалась Делла Ли.

Джози подошла к синему креслу и положила на него сумочку и кардиган с пальто.

— Я хотела довезти твой сэндвич до тебя теплым, поэтому положила его в сумочку, пока выгружала покупки. Но, боюсь, мама учуяла запах.

Она отвернулась и принялась приводить в порядок растрепанные волосы.

— И что? — не унималась Делла Ли.

— А то, что я не хочу, чтобы она обнаружила его здесь. Я задержалась, заставила ее волноваться. А если она вдобавок еще решит, что я тайком ем у себя в комнате… в общем, ей будет неприятно. А я и так за свою жизнь уже доставила ей предостаточно неприятностей.

На самом деле тайком у себя в комнате она ела все время, просто раньше к этому никогда не имел отношения никто другой. Каждую неделю, отправляясь в продовольственный магазин, она покупала себе горы сладостей, а расплачивалась за них собственной кредиткой, чтобы мать ни о чем не догадалась. Вот и сейчас в ее багажнике дожидались своего часа кокосовые драже, леденцовая крошка и несколько пузатых бутылок оранжада. Обычно она оставляла покупки в багажнике до позднего вечера, пока мать не укладывалась в постель, а потом украдкой проносила их в дом. Хелена знала о том, что Джози по вечерам наведывается к машине, но, видимо, не находила в этом ничего предосудительного и скоро перестала предлагать ей помощь, чтобы отнести вещи в дом. Она лишь выглядывала из

своей комнаты, желая убедиться, что там Джози, а не какой-нибудь полуночный призрак.

— И чем же ты ей так насолила? — полюбопытствовала Делла Ли. — По мне, так ты ради нее поставила крест на своей собственной жизни.

Джози покачала головой:

— Я была ужасным ребенком.

— И что? — повторила Делла Ли снова.

— А то, что я перед ней в долгу. И потом, она моя мать, единственный родной мне человек.

— Единственный, которого ты знаешь, — усмехнулась Делла Ли.

— На что ты намекаешь?

— Шучу. Это была шутка. — Она покачала головой. — Хватит уже тебе преклоняться перед своей мамочкой. Она вовсе не такая уж святая. К тому же ты ей до лампочки. Ты и с отцом так же себя вела.

— Откуда ты знаешь?

— Да об этом весь город знает. Ты обожала своего отца.

— Да, представь себе. Я любила своего отца. Вот такая я ненормальная.

— Спасибо за сэндвич, но я уже поела. Держи. — Делла Ли поставила пакет перед дверью шкафа. — Съешь сама.

Джози посмотрела на пакет. Если она съест этот сэндвич, то почувствует себя лучше. И хуже одновременно. Это была знакомая дилемма. Ничто в ее жизни никогда не было просто и однозначно хорошо для нее. Интересно, такое вообще возможно?

Она со вздохом подошла к Делле Ли, уселась на пол перед шкафом и открыла пакет.

— Я сегодня разговорилась с Хлоей. Она вспомнила тебя — не имя, а то, что ты всегда заказывала такой сэндвич. — Джози развернула вощеную бумагу. — Она сказала, что ты каждый раз выходила из суда. Семейные скандалы и проституция.

Она надкусила сэндвич, не глядя на Деллу Ли. После первого куска ей всегда становилось легче. Некуда было отступать. Ну вот, теперь придется доесть сэндвич до конца.

— И это, разумеется, оскорбило твою высоконравственную натуру.

— Никакая у меня не высоконравственная натура. — Джози наконец оторвала взгляд от сэндвича. — Ты в самом деле была проституткой?

— Я занималась этим, чтобы заставить Джулиана ревновать. Ну, иногда и ради денег тоже. В какой-то момент это даже стало очень легко.

Ты поразишься, с какой легкостью начинаешь делать некоторые вещи, на которые, как тебе казалось, не пойдешь никогда, стоит только сбросить со счетов самоуважение. — При виде выражения, которое промелькнуло на лице Джози, Делла Ли с улыбкой взмахнула рукой. — Ладно, это не важно. Значит, Хлоя меня вспомнила? Приятно слышать. Не думала, что она меня помнит.

— Она пригласила меня на открытие фестиваля «Лысые и красивые» сегодня вечером.

— Это же здорово! Я так и знала, что вы найдете общий язык.

Джози покачала головой и откусила еще от сэндвича.

— Я не могу пойти.

— Почему? Надень эту свою кофту, которую ты так любишь, ну, которую ты только что сняла. Она тебе идет. Пойди и посмотри, что будет.

Джози опустила сэндвич.

— Ты считаешь, эта кофта мне идет?

— Ты ведь сама знаешь, что хочешь пойти, — тоном искусительницы сказала Делла Ли и наклонилась вперед, так что ее волосы рассыпались по плечам и на Джози пахнуло речной тиной. — Сходи, а потом расскажешь все мне. Я тут обдумываю для тебя один план.

— Делла Ли, ты оккупировала мой шкаф, шантажируешь меня сладостями, а в данный момент на тебе надето ровно шестнадцать предметов одежды. И ты еще считаешь, что это у меня проблемы? Придумала бы лучше план для себя самой.

Делла Ли покачала головой:

— На себя я уже давным-давно махнула рукой. А вот ты еще не совсем безнадежна.

* * *

Джози принялась пробираться к сцене. На конкурс лысин она опоздала: к выступлению уже начинали готовиться музыканты. Вокруг было полно молодежи студенческого возраста; держа в руках пластиковые стаканчики с пивом, они сбивались в группки и весело болтали в ожидании музыки. Хлою, благодаря копне ее рыжих волос, сиявших в свете прожекторов точно коричный сахар, Джози заметила сразу. Она стояла у палатки горнолыжного комплекса «Лысый Косогор» справа от сцены. В палатке раздавали бесплатные билетики на подъемник, чехлы для компакт-дисков и лыжные шапочки с логотипом комплекса.

Джози направилась прямиком к ней. Она твердила себе, что никто на нее не глазеет, просто у нее такое ощущение, потому что Делла Ли

настояла, чтобы она распустила волосы и позаимствовала у нее кое-что из косметики.

Косметика. С ума сойти.

Девчонкой она экспериментировала у себя в комнате с тюбиками помады и баночками румян, которые таскала с маминого туалетного столика, пытаясь стать такой же красивой, как Маргарет. Но перед другими она никогда прежде накрашенной не появлялась. Ее мать всегда утверждала, что при такой яркой внешности, как у Джози, косметика лишь придаст ей вид дешевки. А Сиррини и дешевизна — понятия несовместимые.

Вот почему Джози решила не говорить матери, что вечером собирается уйти, а дождалась, когда та примет снотворное и крепко уснет. Возможно, мама и не стала бы возражать, однако, скорее всего, Джози пришлось бы выслушать массу упреков и язвительных замечаний, а ей этого не хотелось.

Ей ведь двадцать семь лет. В том, чтобы в таком возрасте уходить из дома тайком, было что-то глубоко неправильное.

Однако же она уходила тайком.

Когда Джози наконец пробралась к Хлое, та явно ей обрадовалась.

— Джози! Я уж думала, ты не придешь. — Она

отступила на шаг. — Мм, прекрасно выглядишь.

Джози застенчиво коснулась своей щеки рукой в перчатке.

— Вообще-то, я обычно не крашусь.

— Ну и зря. Эта прическа и макияж очень тебе идут.

Джози поколебалась, потом заправила волнистые волосы за уши; комплимент Хлои ее ободрил.

— Ну, что будем делать? — спросила она.

— Не хочешь пива?

— Пива? — Джози слегка улыбнулась. — Можно.

— Почему ты улыбаешься? — спросила Хлоя.

— Я знаю одну женщину, которая очень порадуется, когда я расскажу ей об этом.

Они раздобыли себе по стаканчику с пивом, и Хлоя спросила:

— Может, хочешь чего-нибудь съесть?

Джози ничего не ответила, потому что прилюдно ответить на подобный вопрос утвердительно было выше ее сил, но Хлоя уже направлялась к лоткам с закусками, так что ей оставалось только последовать за новой подругой. Все вокруг заволакивал теплый ароматный пар, поднимавшийся над фритюрницами, где жарился хворост.

В воздухе сладко пахло ванилью.

В детстве Джози никогда не подходила к лоткам с закусками. Во время конкурса лысин она сидела за судейским столом рядом с отцом, а потом шофер отвозил ее домой. Маргарет неизменно встречала ее на пороге вопросами. Представил ли он ее кому-нибудь? Все ли видели их вдвоем? Она зорко следила, чтобы Марко демонстрировал всем, что гордится своей единственной дочерью, хотя сама была на это не способна.

Они с Хлоей съели по яблоку в карамели и по пирожку с пеканом — их пекли сухонькие старушки из жестоко соперничающих между собой церковных кружков. Мало-помалу Джози начала расслабляться. Никто на нее не глазел. Она ела на людях, и это не вызвало у нее никаких неприятных ощущений. Наоборот, ощущения были приятные. Изумительные. Возможно, дело было в еде. Возможно — в обыденности всего происходящего.

Понемногу Джози осмелела и принялась оглядываться по сторонам. Кое-кого из присутствующих она даже узнала, однако ее саму, похоже, не узнавал никто. С Хлоей дело обстояло с точностью до наоборот. Ее то и дело кто-то останавливал, чтобы перекинуться словечком. Сначала это

была Бриттани, с которой Хлоя вместе училась в старших классах. Потом Джун — за той она когда-то присматривала в свободное от учебы время. А потом какая-то женщина по имени Филиппа пригласила их на рекламную презентацию посуды «Тапервер». Все происходящее наполняло Джози странным ощущением раскрепощенности, как будто она обрела возможность жить другой, тайной жизнью, какую-то сверхъестественную способность. Она может ходить по улицам в таком виде, и никто не узнает в ней Джози Сиррини. Она превратилась просто в Джози, подругу Хлои. Она может есть у всех на глазах, и никто ничего не скажет и не посмотрит на нее косо.

Перед тем как отойти от лотков с закусками, она купила себе порцию голубой сахарной ваты и понемногу отщипывала от нее, следуя за Хлоей вдоль ряда, где предлагали свой товар местные умельцы, которые все лето выстругивали деревянные салатницы и мариновали арбузные корки, чтобы продать их на фестивале. Снег начал падать крупными хлопьями, и они вились под ногами, словно домашние кошки. Джози словно попала в какой-то сказочный мир, похожий на игрушечный стеклянный шар со снежинками.

Они дошли до конца ремесленного ряда и уже

собрались вернуться обратно к сцене, потому что Хлоя хотела послушать музыку, как кто-то вдруг окликнул Хлою по имени.

Под разноцветной гирляндой, натянутой между рядами лотков, стоял Джейк Ярдли. Люди обходили его, бросая в его сторону любопытные взгляды. Умный и энергичный, он со своими колдовскими зелеными глазами, которые отличали всех мужчин Ярдли, просто завораживал. Поговаривали, что Ярдли с их глазами видят человека насквозь. Сиррини и Ярдли вращались в одном кругу, поскольку оба семейства владели деньгами и крупной недвижимостью в городе, однако Джейк был несколькими годами старше Джози и ходил в частную школу, а обучением Джози занималась длинная череда домашних учителей, поэтому в детстве их пути пересекались нечасто. На тех редких светских мероприятиях или праздничных вечеринках, когда это все же случалось, Джози чувствовала себя совершенно очарованной им, его глазами, тем, какой он был воспитанный и как беспрекословно слушался родителей. Она никогда ничего подобного не видела. Опыта общения со сверстниками у нее практически не было, поэтому ей казалось вполне допустимым ущипнуть его, чтобы привлечь к себе внимание,

чтобы заставить его взглянуть на нее. В детстве он каждый раз заливался слезами, с возрастом же стал смотреть на нее с такой искренней жалостью, что она вынуждена была убегать.

— Хло, пожалуйста, — позвал он еще раз. В голосе его слышалось отчаяние, язык слегка заплетался.

— Черт. Не ожидала его здесь увидеть. По-моему, он выпил, — натянутым голосом сказала Хлоя и потянула Джози прочь, оглядываясь через плечо. — А, вот хорошо, по крайней мере, с ним Адам.

Это имя, точно команда гипнотизера, заставило Джози обернуться, как будто у нее не было собственной воли. Адам стоял перед Джейком и пытался что-то втолковать ему. Джейк махнул в сторону Хлои, Адам повернулся — и застыл, разинув рот. Его взгляд был прикован к Джози. Неужели он узнал ее? И что означало это выражение? Обычно мужчины не смотрели на нее так. Особенно он. Взглядами с ног до головы окидывали женщин вроде Деллы Ли и Хлои, но никак не Джози. Она оглядела себя, пытаясь понять, что же его поразило. Она увидела свою красную кофту, но все остальное было полностью скрыто огромной порцией сахарной ваты, которую она

держала в руке. Джози поспешно спрятала вату за спину, но было слишком поздно. Адам уже отвернулся и потянул за собой Джейка.

— И давно это? — спросила Хлоя.

Джози обернулась и поймала на себе внимательный взгляд Хлои.

— О чем ты?

— Давно ты влюблена в Адама?

Джози вытащила из-за спины руку с ватой.

— У меня это что, на лбу написано?

Хлоя улыбнулась.

— С первой же минуты, как только его увидела, — тихо произнесла Джози.

— Думаю, он ни о чем не догадывается, Джози.

— Ох, ну еще бы он догадывался.

Хлоя вновь взглянула вслед Адаму с Джейком, потом взяла Джози за руку:

— Идем.

Они принялись пробираться к сцене, и Джози выкинула дурацкую вату. И вообще, где это видано, чтобы взрослые ели вату? Как же она сглупила!

Перед сценой яблоку негде было упасть, и Джози вслед за Хлоей оказалась в центре разгоряченной, взбудораженной толпы. Это чувство, ощущение единения, не походило ни на одно дру-

гое, которое ей доводилось испытывать прежде. Она словно растворилась в колыхавшейся вокруг теплой людской волне. Поначалу ее охватило беспокойство, она испугалась, что потеряет Хлою или задохнется, но потом отдалась на волю потока, и он понес ее, точно вода.

Это оказалось прекрасно.

Басы рокотали так громко, что гудела земля, и Джози чувствовала этот гул даже сквозь подошвы своих сапог. Много лет подряд она лежала в постели и слушала отголоски чужого веселья, но ей и в голову не приходило, что когда-нибудь и она сама окажется здесь.

Примерно через час Джози неожиданно перестала двигаться вместе с толпой. Она поняла, что он здесь, еще до того, как он заговорил.

— Хлоя?

Та чуть повернула голову.

— Привет, Адам, — сказала она и отвернулась обратно к сцене.

— Я отвез Джейка домой. — Адам наклонился вперед и повысил голос, чтобы перекрыть шум. — К себе. Он немного перебрал. Он пытается не вторгаться в твое пространство, Хлоя, честное слово. И страшно переживает из-за того, что произошло.

— Ясно.

Взгляд Адама упал на Джози, и в нем зажегся интерес.

— Э-э… привет, Джози.

— Привет, Адам.

Он выпрямился, и Джози снова отвернулась к сцене, продолжая всей кожей ощущать его присутствие. Она почувствовала, когда он слегка переместился, оттесненный толпой. Теперь он стоял позади, прямо у нее за спиной.

Крохотные волоски у нее на руках встали дыбом, точно наэлектризованные. Стоило ей совсем немного отклониться назад, и она прикоснулась бы к нему. Джози закрыла глаза и представила, что почувствовала бы, если бы он сейчас в самом деле обнял ее. Под ложечкой у нее тревожно засосало. Этот нервозный зуд она обыкновенно снимала едой. Эх, зря она выбросила сладкую вату.

Он придвинулся еще на самую чуточку ближе. Интересно, она это вообразила или он действительно наклонился и едва не уткнулся носом в ее волосы?

Джози открыла глаза.

Он пытался понюхать ее.

О господи. С тех пор как Делла Ли обосновалась

у нее в шкафу, ее жизнь приняла странный оборот. Неужели все это происходит на самом деле? Или это плод ее воображения? Может, она просто сходит с ума?

Этот страх показался Джози настолько реальным, что она стремительно обернулась, просто чтобы убедиться.

И уткнулась прямо Адаму в грудь.

Он подхватил ее за локти, чтобы не упала, и она вскинула голову. Его синие глаза повидали слишком много солнца. Светлые кудри были облеплены снежными хлопьями. Намокнув, волосы у него начинали виться мелким бесом. Джози не раз это видела, когда он под дождем поднимался к ним на крыльцо. Ей всегда казалось, что он любит дождь, и сейчас, в снегопад, он тоже явно находился в своей стихии.

Она немедленно отвернулась, и он отпустил ее. Джози склонилась к Хлое и сказала на ухо:

— Мне пора.

Та перевела взгляд с Джози на Адама, потом обратно.

— Что-то не так?

— Все в порядке. Просто мне нужно идти.

— Ладно. Адам, проводишь Джози до машины?

— Не надо! — выпалила Джози, потом попыта-

лась улыбнуться. Хлоя с Адамом смотрели на нее как на умалишенную. — Нет, правда, спасибо, не нужно. Я дойду сама. Прогуляюсь. До машины. Спасибо. Увидимся.

«Дура, дура, дура», — твердила она себе, удаляясь.

* * *

Адам с Хлоей провожали Джози взглядом, пока она не затерялась в толпе.

— Ты ведь догадываешься, что происходит? — спросила Хлоя.

Адам покачал головой.

— С Джози всегда так.

— Она влюблена в тебя.

Он немного помолчал.

— Что ты сказала?

— Джози Сиррини влюблена в тебя, — повторила Хлоя громко, как будто в первый раз он не расслышал ее из-за шума.

Разумеется, он ее слышал, просто не поверил своим ушам.

— Чепуха.

— Она сама мне сказала. Она говорит, что любит тебя с первого дня, как увидела. Раскрой наконец глаза, Адам. Тот несчастный случай не

убил в тебе мужчину. Не проморгай ее. Почему вы, мужчины, в упор не видите своего счастья?

Хлоя круто развернулась и оставила его стоять на месте.

Он только остолбенело глядел ей вслед.

Ему всегда нравилось, как от Джози пахло. Он вспомнил ее вьющиеся черные волосы, которые впервые сегодня увидел распущенными, облегающий кардиган, в котором она столько раз выходила ему навстречу, — этот красный цвет так разительно контрастировал с ее бледной кожей. И он был здесь не единственным мужчиной, кто обратил на нее внимание.

И провалиться ему на этом месте, если она не была накрашена.

Неужели все это ради него?

Внезапно ему стало тревожно, как становилось всякий раз, когда в его жизни возникала какая-то новая возможность.

Вот черт.

Еще и нога разболелась.

Пора было идти домой.

* * *

На следующее утро Адам встал с постели и вышел на кухню своего маленького домика, рас-

положенного в двух шагах от школы. У него ушел не один месяц на то, чтобы найти правильное место, с правильным видом. Ему хотелось жить там, откуда была видна вершина горы, как будто за ней требовалось приглядывать.

Его брат Бретт, радуясь, что Адам, по крайней мере, прекратил рисковать жизнью ради спорта, каждую неделю звонил ему с одним и тем же вопросом: «Что ты нашел в этом Болд-Слоупе? Тебя всегда ждут здесь. Плюнь ты на этот городишко и возвращайся домой».

Все еще полусонный, Адам сварил себе кофе, крепкий и горький, в самый раз для такого утра, когда боль сверлит ногу раскаленной кочергой. Он вырос в горах Калифорнии и к старшим классам стал отличным горнолыжником. Он любил холода, особенно снег, вот за вчерашнее стояние в снегу и поплатился. Кроме всего прочего, эта гора лишила его возможности наслаждаться снегом. Каждый день с самого утра она властно заявляла о его ничтожности в сравнении с ней, а ноющая нога служила постоянным напоминанием о том, что бывает с теми, кто слишком долго испытывает судьбу. Он с этим завязал. Больше никакого экстрима. Место, которое сломило его, стало для него тихой гаванью. Здесь он был в безопасности.

Тут, в этой глуши, он надежно укрыт от всех искушений огромного мира, от скал, с которых можно прыгать, от океанов, в которых можно плавать с аквалангом.

Он знал, что больше не вернется к юриспруденции. Его брат был на десять лет старше и владел солидной юридической фирмой, так что, когда Адам окончил университет, работа уже ждала его. Но он ненавидел ее. Она была для него всего лишь способом заработать деньги, в которых он нуждался, чтобы во время отпуска заняться тем, что было ему действительно по душе.

В теперешней ситуации он не знал, что ему делать, и потому не предпринимал ничего. Это же безопаснее всего, разве нет?

Из коридора донеслись нетвердые шаги Джейка, Адам вздрогнул от неожиданности и обернулся. Он никак не мог привыкнуть к тому, что в доме он не один. Но Джейк ему нравился, что было забавно, учитывая род его занятий. Противостоять его обаянию было очень трудно, хотя Адам и пытался. После того несчастного случая ему не хотелось никаких друзей, не хотелось вообще ни с кем общаться. Он хотел быть один. И тем не менее в конце концов вынужден был признать, что Джейк с Хлоей сделали его пребывание в этом

городке сносным.

Джейк появился на пороге кухни, и Адам хмыкнул:

— Ну и видок у тебя!

— Приятно слышать. Значит, мне не показалось. Давай рассказывай. Сильно я накуролесил вчера вечером?

— Как, ты не помнишь байкеров? И как стриптиз танцевал перед ними в баре? А игуану? Ну ты даешь. Хоть игуану ты помнишь?

— Ха-ха-ха. Как смешно. Я помню, что видел Хлою. Пытался догнать. Она от меня убежала?

— Ушла.

— А с кем она была?

Адам повернулся к шкафчику и достал пузырек с обезболивающим.

— С одной девушкой. С Джози Сиррини.

— А, точно. Она никогда не говорила, что они знакомы.

Адам ждал, что Джейк скажет еще что-нибудь о Джози, но тот не стал развивать эту тему.

— Значит, я не разговаривал с Хлоей? Я не наговорил ей каких-нибудь глупостей?

— Нет.

Адам проглотил три таблетки и повернулся к Джейку.

— Я должен сказать ей, что очень сожалею о произошедшем.

— Я вчера привез тебя сюда и вернулся обратно. Я все ей объяснил.

— Спасибо, дружище.

Адам прислонился к косяку.

— У меня к тебе один вопрос, Джейк.

— Только ничего сложного. — Джейк подошел к кофеварке и налил себе кофе. — У меня голова раскалывается.

— Какого рожна ты рассказал ей об этом? Прошло три месяца. Она ни о чем не подозревала.

— Ты прямо как мой папаша. — Джейк глотнул кофе и поморщился, потом отставил чашку и ладонями с силой потер щетину на щеках. — Потому и сказал, что она ни о чем не подозревала, — произнес он наконец. — Она доверяла мне, а я ее обманул. И продолжал жить дальше как ни в чем не бывало. Как будто это сошло мне с рук. А потом тем утром она посмотрела на меня своими глазищами и сказала, что никогда в жизни не смогла бы изменить мне с другим мужчиной. Я ее недостоин.

Адам скрестил руки на груди.

— Я правильно понимаю, что ты признался ей, чтобы наказать себя? Другого способа сделать это,

кроме как причинить ей боль, не было?

— Я и не говорю, что это был очень умный поступок. Я люблю Хлою. У меня в голове не укладывается, как я мог так поступить с ней. Господи, если бы можно было все изменить! Если бы можно было повернуть время вспять. Я ни за что не сделал бы так больше.

Адам покачал головой. Будь его воля, брат никогда не узнал бы о том несчастном случае, но тогда его состояние было критическим, и врачи связались с Бреттом, его ближайшим родственником. Теперь он до конца жизни будет припоминать ему этот случай. Иногда боль лучше ни с кем не делить. Иногда лучше справляться с ней в одиночку.

— Глупо, приятель. Глупо.

— Я знаю.

* * *

В понедельник почты было много. В начале недели так обычно и бывало. Это означало, что до того района, где живут Сиррини, Адам доберется позднее обычного. До сих пор он никогда не задумывался о том, что видит Джози почти каждый день и что она, похоже, откуда-то знает о его приближении к ее дому. Он поднял глаза на

окна безукоризненного особняка в викторианском стиле, в очередной раз отметив, что на фоне остальных домов он торчит, точно гигантский голубой палец. Ни одна занавеска не шелохнулась. Чем она занимается в этом доме целыми днями?

Он двинулся вверх по ступеням, и тут входная дверь распахнулась и на пороге, точно призрак в черном платье, выросла она. Хорошо хоть на этот раз без своей красной кофты. Но, когда он приблизился, на него вновь повеяло знакомым ароматом мяты. Черт, до чего же от нее хорошо пахнет. Она всегда вызывала у него улыбку и заставляла вспоминать о таких вещах, о которых он и думать забыл, — о рождественских праздниках, о посиделках за горячим шоколадом в кругу семьи и за рюмочкой шнапса в баре после катания на лыжах. Он поднялся на крыльцо и остановился.

— Привет, Адам, — поздоровалась она.

— Привет, Джози, — с опаской произнес он, передавая ей почту.

— Спасибо.

— Не за что.

Он попытался припомнить, не давал ли ей каких-нибудь поводов. Любой приветливый взгляд мог быть истолкован неверно. Его улыбка

померкла. Он не смог придумать ничего лучшего, кроме как молча развернуться и уйти.

Джози в замешательстве провожала его взглядом. Он перешел улицу, и лишь после этого она вернулась в дом.

Адам свернул к дому Фергюсонов, чувствуя себя полным болваном. Черт, он ведь не хотел ее обидеть. Просто он хотел не того, чего хотела она… чего бы она ни хотела. Кстати, а чего она хочет?

Миссис Фергюсон, полная женщина лет шестидесяти, в наглухо застегнутой мохнатой кофте и розовых митенках, маникюрными ножницами подстригала траву у дорожки. Миссис Фергюсон была страшная зануда. Ее муж почти целыми днями пропадал в клубе, который на самом деле представлял собой табачную лавку в центре города, лишь бы только находиться подальше от женушки. У Адама ушел почти год, пока он не научился доставлять ей корреспонденцию в полном соответствии с ее требованиями. Газеты и журналы следовало сложить в аккуратную стопочку и для надежности скрепить резинкой. Письма — в отдельную стопку. И не дай бог положить стопки в почтовый ящик одна на другую! Только рядом.

— Добрый день, миссис Фергюсон, — поздоро-

вался он, открывая почтовый ящик и складывая в него почту.

— Рада вас видеть, Адам, — сказала та. — Знаете, она каждый день так.

Он остановился, заглянул в сумку, чтобы подготовить почту для пары соседних домов.

— Прошу прощения, вы о чем? — спросил он рассеянно.

— О Джози. Она каждый день смотрит, как вы переходите улицу.

Адам вскинул на нее глаза.

— Она милая девочка. — Миссис Фергюсон с кряхтением поднялась на ноги. — Жаль, что никто этого не видит.

— Почему это?

— Вы ведь нездешний. Вы не представляете, какую репутацию Джози заработала в детстве.

— И какую же?

— Она была самым несносным, самым невоспитанным, самым несчастным ребенком из всех моих знакомых. Если она не получала чего хотела, то могла закатить такой скандал, что я слышала ее у себя дома. По-моему, она перебила и переломала почти все вещи, которые были у ее матери. А уж какие истерики она устраивала на публике! Если не верите, спросите у кого угодно.

У хозяина каждого магазина в этом городе есть в запасе своя история — и счет за ущерб. Она воровала сладости. Ее отец единственный мог держать ее в узде, но его никогда не было рядом. Ох и намучилась же с ней мать. Вот почему Маргарет так и не отдала Джози в школу. Она нанимала учителей, и девочку учили на дому.

— Джози? — переспросил Адам недоверчиво.

— Я вас понимаю. Если бы я не видела этого собственными глазами, и не один раз, я тоже бы не поверила. Такая приятная выросла девушка. Но у нее всегда такой грустный вид, вы не находите? Она напоминает мне Рапунцель. Из сказки, помните? Если она когда-то и выходит из дому, то лишь ради того, чтобы куда-нибудь отвезти мать или выполнить какое-то ее поручение.

«Нет, — подумал Адам. — Не только».

Он обернулся и, против воли заинтригованный, взглянул на голубой особняк.

Рапунцель время от времени тайком сбегала из своей башни.

Глава 5
Лимонные драже

Джози отдала письма матери, а сама торопливо поднялась к себе в комнату и бросилась к окну. Адам все еще разговаривал о чем-то с миссис Фергюсон. Внезапно он оглянулся на ее окна, и она, ахнув от неожиданности, отшатнулась.

Адам вел себя странно, и у нее было нехорошее чувство, что это как-то связано с вечером пятницы. В их отношениях была система, постоянство, они двигались по наезженной колее. Очевидно, она напугала его, отступив от привычного ему порядка. Хотя в глубине души ее грела мысль о том, что Адам наконец-то увидел ее в ином свете, ей было очень страшно потерять то, что у них уже было. Она подошла к шкафу и открыла дверцу.

— Больше никаких советов, — заявила она.

Делла Ли листала один из старых блокнотов, которые Джози привезла ей из дома. На ней так и были надеты несколько сразу, если не все до единого, предметы ее гардероба. Волосы она собрала в узел, с трудом удерживаемый на месте диадемой. Она вскинула на Джози глаза и пере-

спросила:

— Что?

— Я сказала, больше никаких советов. Не пытайся больше помочь мне. Мне не слишком нравится, как работает твой план.

— Почему?

— Потому что Адам ведет себя странно, — ответила она. — Если бы ты не отправила меня в пятницу вечером на фестиваль, я не столкнулась бы там с ним и… и не отпугнула бы его.

— Ты что, к нему приставала? Такого я тебе не советовала.

— Разумеется, я к нему не приставала.

Делла Ли закрыла блокнот, который читала, и задумчиво почесала лоб. С каждым днем она становилась все бледнее и бледнее; ее кожа приобрела какую-то восковую прозрачную белизну. Наверное, она простыла после купания в реке. Что ж, в другой раз будет умнее. Кто купается в реке Грин-Коув в ноябре?

— Тогда каким же образом ты его отпугнула?

— Тем, что появилась за этими стенами, — Джози обвела рукой свою комнату, — накрашенная и с распущенными волосами.

— Господи боже мой, так ты хочешь сказать, он заметил, что ты женщина? Ну и что в этом такого?

Ты не переживешь, если люди начнут относиться к тебе как к взрослой, а не как к десятилетке?

Джози фыркнула:

— Можно подумать, это случится.

— Еще бы, — хмыкнула Делла Ли. — Сначала тебе придется перестать вести себя как десятилетка.

Джози насупилась, потом протянула руку к фальшпанели в шкафу, сдвинула ее и достала с полки пакет попкорна с арахисовым маслом в белом шоколаде и упаковку рулетиков в шоколадной глазури.

Делла Ли отклонилась назад, чтобы не мешать ей, потом снова уселась прямо.

— Вот об этом я и говорю. Такой шкаф явно возник не за один день. Судя по всему, ты обдумывала его долгие годы. Это мечта каждого пухлого и застенчивого ребенка в Америке.

Джози подошла к письменному столу и села.

— Каждый пухлый и застенчивый ребенок в Америке мечтает о том, чтобы у него в шкафу поселилась посторонняя тетка средних лет? Вот уж не знала.

— Никакая я не тетка средних лет, — возмутилась Делла Ли. — Я просто хочу сказать, что, если бы ты употребила хотя бы половину того

времени, которое ушло на этот шкаф, на то, что находится за его пределами, возможно, ваш почтальон не стал бы таращиться на тебя как на инопланетянку всякий раз, как вы встретитесь на публике.

— Ты так со мной говоришь, словно я не знаю, в чем проблема. — Джози надорвала пакет с попкорном. — Я это знаю, так что не воображай, будто я хочу измениться. Меня отлично устраивает все как есть.

— Все как есть — это смерть для тебя, — сказала Делла Ли так резко, что Джози застыла, не донеся до рта пригоршню попкорна. — Ты потеряешь себя, Джози. Так и будет, если ты не изменишься. Уж я-то знаю. Я потеряла себя, пытаясь найти счастье в отношениях с теми, кто не отвечал мне взаимностью.

Джози заколебалась, глядя на попкорн, который держала в руке, потом все же сдалась и высыпала его в рот. После этого всегда становилось легче. Она прожевала и проглотила. Ну вот.

— Мне неприятно тебе это говорить, но я думаю, что ты не вправе давать советы из области отношений, — сказала она, чувствуя себя лучше. — Все, я больше тебя не слушаю.

— Кто же тогда вправе, если не я? — не смути-

лась Делла Ли. — Чтобы понять, как правильно строить отношения, нужно знать, как их строить неправильно. А уж по этой части я настоящая мастерица.

Джози развернулась в кресле и уселась лицом к шкафу.

— Ладно, можешь дать мне один самый последний совет. Один. И на этом закончим. Только пусть он будет хорошим.

— Самый последний совет. Ну вот, теперь ты на меня давишь. — Делла Ли ненадолго задумалась, потом сказала: — Мы с Джулианом познакомились в баре. Я была там с девочками с работы. Я тогда встречалась с одним парнем из наших клиентов, так что не была в поиске. Нет, это неправда. Я всегда была в поиске. Это моя ошибка номер один. Когда я увидела Джулиана, то прямо обомлела. Он приблизился ко мне, и мне показалось, что я сейчас умру. У меня кружилась голова и по всему телу бегали мурашки. Но когда он в конце концов подошел, все оказалось превосходно. Я отдала ему свое сердце еще до того, как мы успели выйти из бара. Это ошибка номер два. Господи, такого секса, как в ту ночь, у меня в жизни еще не было. Через три дня он переехал ко мне. Ошибка номер три. — Делла Ли печально улыбнулась. — В

баре Джулиан в своей стихии. Он двигается так медленно, что ты не понимаешь, как он хорош. Он как паук. Ты не догадываешься, что попалась, пока не становится слишком поздно. Впрочем, именно поэтому мы с ним так спелись. Джулиан никогда не встречал женщину себе под стать, пока не познакомился со мной.

Джози ждала продолжения, но на лице Деллы Ли появилось удовлетворенное выражение человека, который высказал все, что хотел.

— Так, погоди, — уточнила Джози. — Твой самый последний совет, который ты хочешь мне дать, — это не влюбляться в Джулиана?

Делла Ли пожала плечами:

— Жаль, в свое время никто не дал такого совета мне.

* * *

Хлоя нередко вспоминала историю, которую Джейк рассказал ей о своем первом годе в закрытом пансионе. Он хотел приручить тощую бродячую кошку, которая повадилась крутиться у них в столовой во время еды. Каждый день Джейк пытался приманить ее то сосиской или яйцом во время завтрака, то куском копченой колбасы или гамбургером во время обеда, и

каждый день она удирала от него. Но Джейк не сдавался. Даже когда его свалил желудочный грипп, он тайком сбежал из изолятора, чтобы попытаться накормить ее. Он не намерен был отступать. Он наблюдал за ней из окон класса. Он даже сочинил о ней стихотворение и послал его в письме матери. Три месяца спустя кошка наконец оголодала настолько, что доверилась ему. У него ни разу не возникло мысли о том, что она может так к нему и не подойти. У него ведь было что ей предложить!

Все выходные, одна в своей квартире, Хлоя то и дело ловила себя на побуждении позвать Джейка, когда по телевизору показывали что-то смешное или когда она разгадывала кроссворд и у нее возникал какой-то вопрос. В конце концов в воскресенье вечером ей пришло в голову, что, возможно, Джейк именно этого и добивался. «Он понимает, что тебе нужно личное пространство», — сказал тогда Адам. Пространство, чтобы понять, как сильно он ей нужен. Она, как та самая кошка, сидит в этой квартире и ошалевает от голода. Она делает ровно то, чего хочет от нее он, уверенный, что в конце концов она пойдет к нему.

У него ведь есть что ей предложить!

Хлоя знала, что кое-кто из сослуживцев Джейка после работы заглядывает пропустить стаканчик-другой в «Джиггериз», бар на противоположной стороне площади от здания суда. Джейка в понедельник оказаться там не могло, потому что по понедельникам он традиционно обедал у родителей, и она решила, что завтра вечером отправится в бар. Ей хотелось, чтобы коллеги Джейка увидели ее там и рассказали об этом ему. Пусть знает, что она прекрасно обходится и без него. А может быть — чем черт не шутит! — ей удастся выудить из его сослуживцев какую-нибудь информацию. Ей отчаянно хотелось узнать про ту женщину, из-за которой заварилась вся эта каша. «Да, кстати, — бросит она как бы вскользь, — кто был на той вечеринке в офисе три месяца назад, ну, помните, по случаю победы в деле Бисли?»

В понедельник после работы она отправилась домой, переоделась и с особым тщанием накрасилась. Ей хотелось хорошо выглядеть, но не производить при этом впечатления, как будто она старалась специально. Чтобы найти эту грань, пришлось попотеть. Несколько часов спустя она вошла в «Джиггериз», возбужденная и готовая действовать. Переступив порог, Хлоя остановилась, огляделась по сторонам… и поняла,

что не видит ни одного знакомого лица. Она так долго собиралась, что пришла слишком поздно. С поникшим видом она подошла к стойке бара и заказала коктейль с лимонным соком и водкой.

Его взгляд она почувствовала еще до того, как увидела его самого. Это было как ощущение надвигающегося дождя в воздухе. Он сидел у противоположного края стойки и смотрел на нее — красавец, точно тщательно прорисованный угольным карандашом, каждая черточка безукоризненна, каждая растушевка неслучайна. Когда он пошевелился, она даже удивилась, что он настоящий. Он прихватил свой стакан и двинулся к ней.

Она смотрела на него, затаив дыхание, хотя сама не смогла бы объяснить почему.

— Я не хочу показаться навязчивым, — произнес он, приблизившись к ней, и его голос звучал точно мелодия всех ее любимых песен разом, — и клянусь, что не пытаюсь к вам клеиться, но вы не будете возражать, если я присяду рядом? Я жду друзей, а отсюда лучше видно дверь.

Хлоя наконец смогла перевести дух. Да что с ней такое? Откуда эта паника? Можно подумать, никто и никогда не пытался раньше с ней познакомиться. Жаль только, ее не видит никто из

знакомых Джейка.

— Пожалуйста.

Он уселся на табурет рядом с ней.

— У вас что-то случилось?

— У меня все в полном порядке, — ответила она.

Ей не хотелось рассказывать, что она чувствует себя так, будто у нее отрезали левую руку. И признаваться, что она не представляет, как дальше жить без Джейка, тоже не хотелось, поэтому она упорно твердила: «У меня все в полном порядке». То же самое она сказала и Хэнку, который дежурил на входе в здание суда, и всем остальным, кто звонил ей в эти выходные, и отцу Джейка, который заглянул сегодня к ней в кафе. Только он со своими необыкновенными, колдовскими светло-зелеными глазами оказался так похож на Джейка, что она вынуждена была отойти от него подальше и в итоге разговаривала с ним практически из подсобки.

— А почему вы спрашиваете?

— Во-первых, из-за выражения вашего лица. А во-вторых, из-за этой книги.

Он кивнул в сторону бара, не спуская с нее глаз.

Хлоя наконец-то отвела от него взгляд и обна-

ружила на столе рядом со своим бокалом книжку под названием «Как удержать мужчину. Пособие для девушек». Книга выглядела совершенно новой, как и все остальные, которые появлялись у нее, однако на самом деле издана была давно. На обложке красовалась молодая женщина в платье с пышной юбкой по моде пятидесятых годов, в туфлях на высоких каблуках и в безукоризненно отутюженном фартучке. Она подавала кофе молодому мужчине, сидевшему с газетой в руках перед камином в гостиной.

— А, эта, — произнесла Хлоя таким тоном, как будто носить с собой литературу подобного толка в бар было самым естественным делом на земле. Она поспешно перевернула книгу так, чтобы скрыть заголовок.

— Вы пытаетесь удержать мужчину? — спросил он мягко. — Не сочтите за назойливость.

— Просто… — Вот черт. Эти книжки совсем свихнулись, вот что. Если бы не они, она ни за что не стала бы откровенничать с абсолютно незнакомым человеком. — На прошлой неделе я узнала, что мой парень мне изменил.

— Ну надо же. — Он отвел взгляд и поднес к губам кружку с пивом. — Похоже, мы с вами в одной лодке. На прошлой неделе моя девушка

бросила меня без предупреждения.

— Ну надо же.

Эти слова вызвали у него улыбку.

— Если вы здесь, то, должно быть, не воспринимаете эту книжку слишком серьезно.

— Если вы здесь, то, должно быть, не верите, что ваша девушка к вам вернется.

— Сердца разбиваются, и с этим ничего не поделаешь, остается только ждать. Время лечит. Помогает алкоголь. И возможность поговорить с кем-нибудь об этом.

И тут Хлою словно прорвало.

— Я хочу знать, кто эта женщина, — призналась она, придвигаясь ближе к нему. Ощущение было сродни притяжению — так мужчина привлекает женщину к себе в объятия, с той лишь разницей, что этот мужчина и пальцем к ней не притронулся. — Я хочу знать, с кем он переспал. Ни о чем другом просто думать не могу. Я знаю только, что она была на вечеринке у них в офисе три месяца назад, вот там-то все и случилось. Здесь бывают люди с его работы. Я хотела поспрашивать у них, но пришла слишком поздно.

Он кивал, побуждая ее говорить дальше.

— Он работает в суде?

— В прокуратуре.

— Вот что. Я буду настороже, вдруг что-нибудь промелькнет. Посмотрим, что мне удастся выяснить.

Его предложение стало для нее полнейшей неожиданностью, однако она приняла его без единого вопроса. Его близость действовала на нее опьяняюще, мысли у нее путались, но это было почти облегчением.

— Я никогда вас здесь раньше не видела.

— А я вас. Обычно я бываю здесь по вечерам в выходные. Просто сегодня договорился встретиться тут с друзьями. — Его взгляд устремился поверх ее плеча, он забрал свою кружку и сполз с табурета. — А вот и они. Если снова захотите поговорить, вы знаете, где меня искать.

Хлоя крутанулась на своем табурете ему вслед. Она видела, что волосы у него собраны в хвост на затылке, но не подозревала, насколько они длинные, пока он не обернулся к ней спиной. Это было восхитительно. Ей захотелось потрогать их.

— Постойте! Как вас зовут?

Он улыбнулся ей через плечо. Не подмигнул. Не опошлил весь их разговор.

— Джулиан.

* * *

Сотовый телефон Джейка зазвонил ровно в ту минуту, когда его матушка подавала в гостиной коктейли. Давненько он не бывал на обеде в родительском доме в одиночку. Без Хлои он чувствовал себя здесь как открытая рана, которую мать жаждала перевязать, а отец упорно продолжал бередить. Джейк был у Кайла и Фейт Ярдли единственным сыном. Мать души в нем не чаяла. Она до последнего сопротивлялась желанию мужа отправить Джейка в закрытый пансион, но Кайл Ярдли хотел воспитать в своем сыне характер и независимость, а жизнь под крылышком у матери, которая безбожно его баловала, этому не способствовала. Кайл Ярдли был неизменно скуп на слова одобрения, потому что именно таким способом зеленоглазые мужчины Ярдли из поколения в поколение выражали сыновьям свою любовь. «Ты можешь лучше. Ты способен на большее».

— Джейк, ты же знаешь, я не люблю, когда ты в нашем присутствии говоришь по телефону. Мы и так почти тебя не видим, — шутливо упрекнула его мать.

Он отставил свой бокал в сторону и вытащил

телефон из кармана.

— Мне могут звонить по работе.

Откровенно говоря, он очень надеялся, что звонок окажется по работе. Его родители были осведомлены об их с Хлоей размолвке, и Джейк чувствовал бы себя куда лучше, если бы ему удалось избежать ее обсуждения под звон столового серебра о парадный фарфор. Что может быть достойнее, нежели превратить его сердечные дела в предмет застольной беседы?

Он взял телефон и вышел на крыльцо. Было темно и промозгло, как и полагается поздней осенью. Мать уже украсила дом к Дню благодарения гирляндами из листьев и замысловатыми композициями из тыкв, и на двери красовался венок, который она каждый год делала из листьев паслена, растущего у гостевого домика на заднем дворе.

Джейк открыл телефон и сказал:

— Слушаю!

— Джейк, это Брендон.

Слава богу. Звонок действительно по работе. Брендон был его коллега, помощник окружного прокурора.

— Что случилось, Брен?

— Перейду сразу к делу, — произнес Брендон.

Джейка это не насторожило. Этими словами Брендон начинал любой разговор. Если он собирался перекусить, то сообщал об этом так: «Перейду сразу к делу. Я иду в „Макдоналдс“».

— После работы я зашел в «Джиггериз», а потом, когда приехал домой, то обнаружил, что оставил там бумажник. Короче говоря, я вернулся туда и увидел там Хлою.

Джейк, который расхаживал по крыльцу, чтобы не замерзнуть, остановился как вкопанный.

— Хлоя была в «Джиггериз»? Одна?

— В том-то и дело, что нет. Она разговаривала с одним типом. Джулиан его зовут, не помню фамилию. Я несколько раз видел его в суде. Дела были пустяковые, но он альфонс. Я в курсе, что у вас с Хлоей проблемы, но я подумал, что ты должен об этом знать.

Джейк весь напрягся, точно до предела сжатая пружина. Он не допустит, чтобы кто-то снова причинил Хлое боль. Разумеется, у него и в мыслях не было, что она на самом деле станет встречаться с другим мужчиной. Она ведь сама сказала, что скорее умрет. Не может же она… нет, конечно нет. Хлоя на это не способна. Но, господи, одна мысль об этом… Он просто не мог представить себе, что творилось в ее душе, когда она узнала — узнала о

том, что он был с другой женщиной.

— Спасибо, Брен. Я сейчас подъеду.

Джейк захлопнул телефон и сунул его обратно в карман пиджака. Он развернулся, собираясь забрать пальто и предупредить родителей, что вынужден уйти, и увидел отца — тот стоял у двери, прислонившись к косяку, с бокалом в руке.

— Что-то случилось? — поинтересовался Кайл почти лениво.

— Мне нужно уйти, пап. Прости.

— Никуда тебе не нужно.

— Это по работе…

— Я все слышал. Дело в Хлое. А я ведь говорил тебе, когда она тебя выгнала, сын. Не дави на нее, дай ей пространство. Если твои знакомые по твоей указке будут шпионить за ней, а ты потом будешь появляться в тех местах, где ее видели, тебе лично это ничем не поможет. Не надо было вообще ей об этом рассказывать.

Хотя все, кто был в тот вечер в прокуратуре, договорились держать язык за зубами, потому что иначе все усилия, затраченные на выигрыш дела об убийстве Бисли, могли пойти псу под хвост, слухи о том, что любимчик фортуны Джейк опрометчиво позволил себе поразвлечься с какой-то неизвестной женщиной, все же просочились за

пределы прокуратуры. В конце концов эти толки достигли его отца, который, так уж получилось, был мэром Болд-Слоупа. Кайлу удалось жестко пресечь эти слухи, и дальше судейского круга они не пошли, однако даже он не знал, с кем переспал Джейк. Коллеги Джейка секрет хранили стойко, хотя Кайлу до смерти хотелось это узнать, а Джейк был нем как рыба.

— Я никого не просил за ней шпионить, — возразил Джейк.

— Я сегодня заходил к ней в кафе поговорить.

Джейк сжал кулаки. Отец велел ему не искать встреч с Хлоей, а сам ходил к ней в кафе.

— Спасибо за заботу, но я в состоянии сам разобраться со своими проблемами.

— Нет, не в состоянии. Она с трудом выдержала даже мое присутствие. В ваших отношениях никогда не было равенства. Не дави на нее. Пусть сама поймет, что ты ей нужен. Если будешь давить, она уйдет. И не думай, что я говорю это все ради тебя. Меня беспокоит она. Хлоя тебе подходит. Я хочу, чтобы она стала членом нашей семьи. Ты уже один раз наломал дров, так вот, не повторяй больше своих ошибок, потому что иначе потеряешь ее навсегда, а она останется у разбитого корыта, и пойти ей будет некуда. Ты

этого хочешь?

— Разумеется, нет.

Кайл отошел от двери.

— Тогда иди в дом, скажи матери, что платье ей очень к лицу, и пообещай, что все будет хорошо.

— Ты, наверное, никогда таких глупостей не делал, — сказал Джейк, провожая отца взглядом.

— Если бы и делал, черта с два я бы стал рассказывать об этом твоей матери, — отозвался Кайл, не оборачиваясь.

* * *

Во вторник вечером, после долгого дня, не принесшего ничего нового, после бесконечных попыток не высматривать в толпе Джейка и не ломать голову над загадкой Джулиана, после того, как она в восемьдесят второй раз спихнула с прилавка местами обгоревшее «Искусство прощения», Хлоя уже почти собиралась вымыть гриль и неохотно отправиться домой. Но тут она увидела, что к ней через вестибюль направляется Джози, и действительность показалась ей чуть менее мрачной.

— Джози! — воскликнула она. — Как я рада, что ты зашла! Тогда вечером ты так стремительно убежала. Я не знала, как с тобой связаться, узнать,

все ли в порядке.

— Я знаю. Я зашла извиниться, — сказала Джози, подойдя к прилавку. — Просто я временами… веду себя как десятилетка. — Она поморщилась, как будто это признание далось ей с трудом. — У меня есть сотовый телефон. Я буду проверять голосовую почту на тот случай, если ты вдруг захочешь позвонить. У тебя есть на чем записать? Я продиктую тебе номер.

Хлоя вытащила из небольшой стопочки у кассового аппарата визитку и вместе с ручкой протянула ее Джози. Та перевернула картонный прямоугольник чистой стороной и записала свой телефон.

— Ну, что будешь брать сегодня? — спросила Хлоя. — Сэндвич с поджаренным томатом и сыром?

— Спасибо, ничего не надо. — Джози надела на ручку колпачок и положила ее рядом с визиткой.

— Да ну, — сказала Хлоя. — Я делаю отличный сэндвич с яичницей. Хочешь попробовать?

Хлоя смотрела на нее с ободряющей улыбкой до тех пор, пока Джози не сдалась.

— Ну ладно, — кивнула она.

— Отлично! — Хлоя надела одноразовые пер-

чатки и вытащила из холодильника сливочное масло и два яйца. — Вот, возьми визитку. Можешь звонить мне прямо сюда, если захочешь. А в самом низу мой сотовый.

Хлоя плюхнула на гриль кусок масла, дождалась, когда оно растает, потом разбила оба яйца, одно рядом с другим, так что белки слились. Когда яичница начала скворчать, она намазала маслом два ломтика хлеба и положила их на гриль.

— Не знала, что твое кафе называется «Рыжик», — заметила Джози, глядя на визитку.

Хлоя улыбнулась, как и всегда, когда вспоминала о прадеде.

— О, это еще одна семейная традиция. У моего прадеда были рыжие волосы. И у мамы тоже.

Хлоя посолила и поперчила яичницу, приправила ее щепоткой сушеного укропа, потом поддела лопаткой и перевернула. Хлеб уже начал подрумяниваться, и она перевернула и его тоже. Все свои детские годы она наблюдала за тем, как прадед проделывает это, и теперь это кафе было единственным местом, где она ощущала его близость.

— Здесь будешь есть или тебе завернуть?

— Заверни.

Хлоя еще немного посолила и поперчила яич-

ницу, убедилась, что желтки слегка схватились, затем накрыла их сыром. Она дождалась, когда сыр расплавится, сняла яичницу с гриля и положила ее на ломтик поджаренного хлеба. Готовый сэндвич она завернула в бумагу и упаковала в бумажный пакет, потом повернулась к Джози.

— За счет заведения. — Она замахала руками, когда Джози все же сделала попытку заплатить. — Может, подождешь минутку, пока я уберу? Тогда пойдем вместе.

Джози облокотилась на прилавок, а Хлоя принялась чистить гриль.

— Я вижу, ты вытащила книжку из урны, — заметила Джози.

Хлоя оглянулась через плечо. «Искусство прощения» снова лежало на прилавке. Джози погладила обложку и сочувственно прищелкнула языком, заметив следы гари: утром книга материализовалась перед Хлоей прямо на гриле. Хлоя прямо-таки слышала, как бесстыжая книга мурлычет от такого внимания. Нахалка.

— Э-э… да.

— Где ты берешь книги? В библиотеке? Или покупаешь в магазине?

Хлоя заколебалась. Она закончила с грилем, потом протерла прилавки. Ее всегда тянуло поде-

литься с кем-то своими отношениями с книгами, рассказать, каким образом они попадают к ней. Ей хотелось услышать, что это нормально, что и с другими людьми тоже случаются странные вещи. Но она так и не смогла заставить себя сделать это. Слишком силен был страх, что она одна такая ненормальная, что никто ее не поймет.

— Я их собираю, — сказала она наконец и перешла к раковине. — У меня несколько сотен коробок с ними в съемном хранилище.

— Ого!

— А ты много читаешь?

Хлоя сполоснула посуду и отключила воду.

— У меня есть любимые книги, которые я зачитываю до дыр. Ну и время от времени прикупаю себе что-нибудь новенькое, когда оказываюсь в магазине.

— Можешь взять почитать что-нибудь у меня, — предложила Хлоя, вытирая руки. — Послушай, а поехали в хранилище прямо сейчас!

Предложение явно застало Джози врасплох.

— Сейчас?

— Мне нужно еще подсчитать выручку, а потом я свободна. Ты не против?

— Нет, — ответила Джози. — Но если это только ради меня…

— Это и ради меня тоже. Я уже давно не была в хранилище. Там я держу кое-какие вещи, оставшиеся от прадеда с прабабкой. Пожалуй, пора украсить чем-нибудь мою квартиру.

Хлоя подсчитала выручку и отнесла мешочек с деньгами в подсобку в сейф. Она опустила защитные рольставни, и они вдвоем вышли на улицу. Дни становились все короче, и солнце уже клонилось к закату.

— Я сегодня пешком, — объяснила Хлоя. — Я живу в двух кварталах отсюда, так что до моей машины придется немного прогуляться.

— Ничего страшного. Я сама на машине. — Джози махнула в дальний конец парковки, где бок о бок стояли синий «лендровер» и сверкающий и переливающийся золотистый «кадиллак», похожий на исполинскую танцовщицу из Лас-Вегаса.

Они спустились по ступеням и двинулись через парковку. Хлоя остановилась перед «лендровером», но Джози направилась к здоровенному золотистому «кадиллаку».

— Ой, а я думала… — Хлоя покачала головой и прошла вперед. — Что ж, очень милая машинка.

Джози рассмеялась и отперла дверцу дистанционным электронным ключом.

— Я одолжила ее у Элвиса.

Они уселись в машину, и Хлоя назвала хранилище. Джози знала, где оно находится, и они поехали к выезду на шоссе. Первые несколько минут Хлоя украдкой разглядывала машину. Обычно автомобили так или иначе отражают характер владельца и потому могут многое рассказать о своем хозяине. Этой машине было года два, но она до сих пор пахла как новая. И внутри все было очень аккуратное и очень чистенькое, так что Хлоя боялась ненароком до чего-нибудь дотронуться. Этот автомобиль был начисто лишен индивидуальности и казался совершенно стерильным. В нем не было ровным счетом ничего от Джози.

Когда Хлоя наконец очнулась от своих размышлений и увидела, где они находятся, то неожиданно воскликнула:

— Погоди! Останови машину.

Джози резко затормозила.

— Что такое? Что случилось?

Их путь лежал через южную окраину города. Улица, по которой они ехали, называлась Летней дорогой. Такое название она получила потому, что в былые времена дачники, перебиравшиеся в Болд-Слоуп на лето, въезжали в город именно по ней. Местные жители беспрестанно поглядывали

на эту дорогу, ожидая их появления. Ребятишки забирались на деревья, чтобы лучше видеть караван повозок, а впоследствии и автомобилей. По обеим сторонам улицы стояли маленькие домишки, похожие на рассыпанные детские кубики, светло-розовые, желтые и зеленые.

— Вот здесь, — сказала Хлоя. — Этот дом. Как он тебе?

Джози с любопытством покосилась на Хлою, потом наклонилась вперед и посмотрела на бледно-желтый домик с белым цоколем. На ухоженной лужайке перед домом красовалась табличка «Продается».

— Нынешние хозяева прожили в нем больше тридцати лет. Сейчас этот район переживает второе рождение, сюда переехало много молодых семей. — Джози отклонилась обратно и покачала головой. — Только они чересчур много за него запрашивают. Дом уже больше года назад выставлен на продажу, а они так и не снизили цену. Они слишком сильно к нему привязаны.

— Откуда ты все это знаешь? — рассмеялась Хлоя.

— Нам предлагали его купить в качестве вложения денег. Предложение нас заинтересовало, но не за такую цену.

— А-а. — Хлоя снова отвернулась к дому. Она никогда не была зациклена на деньгах, но сейчас позавидовала богатству Джози. Та не хотела покупать этот дом, но могла себе это позволить. — В прошлом году они пару раз устраивали что-то вроде дня открытых дверей. У них просто изумительная библиотека, от входа сразу направо. Вон то окно. Видишь? В таком маленьком домике обычно не ожидаешь встретить нечто подобное. Помню, я как вошла туда и увидела ее, так сразу и подумала: вот то, что мне нужно. — Хлоя вздохнула. — Я люблю этот дом. Постоянно мимо него езжу. Даже если мне нужно совсем в другую сторону. Джейк считает, что у меня заскок.

— Ему не нравится дом?

— Нравится. Потому что он нравится мне. Но они заломили такую цену, что мы нипочем не сможем позволить себе купить его без помощи родителей Джейка. Для Джейка это больной вопрос. Это они подарили ему квартиру, в которой мы живем, так что он и так чувствует себя неловко.

— Значит, квартира не ваша общая?

— Нет, она только его.

— Он уступит ее тебе? — забеспокоилась Джози. — Ну, если вы не помиритесь?

— Не знаю.

В машине на миг повисла тишина. Жизнь без Джейка. Хлоя почувствовала, как под ложечкой у нее липким комом вспухает страх, но выдавила из себя улыбку. Не хватало только расклеиться на глазах у Джози.

— Собственно, все. Я просто хотела показать тебе дом.

— Он очень красивый, — сказала Джози.

Они отъехали от обочины, и Хлоя вывернула шею, провожая дом взглядом.

— Да.

Когда они доехали до хранилища — огромного запутанного лабиринта приземистых построек на черном асфальте, — солнце уже почти село, но фонари горели так ярко, что было светло, почти как днем. Суммы, которую она выкладывала за аренду, хватило бы на съем небольшой квартирки. Каждое помещение было оборудовано регулятором температуры и освещалось лампой дневного света.

Когда Хлоя открыла дверь и включила свет, Джози ахнула:

— Ничего себе, сколько вещей!

Хлоя последовала за ней внутрь. Она и забыла, что здесь пахнет почти так же, как в их старом доме на ферме, — мебельной политурой и борным

мылом. Внезапно на нее снизошло необъяснимое спокойствие. И почему она не приехала сюда раньше? Когда она продала ферму девелоперской компании, они позволили ей оставить их скарб в доме еще на несколько месяцев. Кое-что из мебели она все-таки продала, а потом, когда встретила Джейка, все остальное отправилось прямиком в это хранилище. Джейк никогда не предлагал ей перевезти вещи в квартиру, и отчасти она сама была в этом виновата. Она была так счастлива с ним, так мечтала переехать в его жилище и войти в его жизнь, что ей и в голову не пришло взять с собой что-то из своего прошлого.

Хлоя подошла к длинному штабелю коробок высотой ей по грудь. Здесь хранились все ее книги.

— Ну и что ты любишь читать? — Она положила ладонь на одну из коробок. — У меня есть детективы, любовные романы, исторические романы. Серия «Помоги себе сам». Классика.

— Любовные романы, — сказала Джози.

— Вот смешно, их у меня как раз больше всего, — сказала Хлоя и направилась к коробкам в дальнем углу. Джози последовала за ней. — Я зачитывалась ими, пока не познакомилась с Джейком. Уйму перечитала. Как только заканчи-

вался один, появлялся другой.

— Настоящее волшебство! — восхитилась Джози.

Хлоя замялась.

— Иногда книги ошибаются. Но, может быть, они предназначались не для меня, а для тебя. Для вас с Адамом. — Она открыла одну из коробок и сказала: — Выбирай что хочешь.

Джози на миг замерла с разинутым ртом, как будто слова Хлои лишили ее дара речи.

— Э-э… послушай… насчет Адама. Не говори ему ничего про меня, ладно? В последнее время он вообще какой-то странный.

— Ой-ой-ой, — пискнула Хлоя.

— Ой-ой-ой?

— Вообще-то, я уже сказала.

— Что сказала?

— Что он давно тебе нравится. — При виде выражения лица Джози Хлоя рассмеялась, потом протянула руку и сжала ее пальцы. — Да это же здорово, Джози! Адам ни с кем не встречается. Он переехал сюда из другого города, значит он хочет здесь жить, просто у него пока не получилось освоиться. Ему нужно больше бывать вне дома. А ты могла бы куда-нибудь его пригласить. В этом нет ничего такого. У тебя все в порядке?

Джози поспешно улыбнулась и кивнула:

— Да-да. У меня все в порядке!

— Точно?

— Разумеется! С чего вдруг чему-то быть не в порядке? Особенно с таким выбором любовных романов! Это просто рай.

Джози принялась рыться в коробке, а Хлоя стала бродить вокруг. Она прикасалась к вещам и улыбалась. Вот изголовье старой детской кроватки, в которой спала еще ее мать. Буфет. Сервант. Эти вещи не просто так занимали здесь место. Все это время они дожидались, когда пригодятся ей. Мебель была куда терпеливее книг. Она дожидалась, когда в жизни Хлои для нее появится место, а не возникала сама по себе, требуя внимания.

Приблизительно через полчаса на полу возвышалась внушительная стопка книг, которые отобрала для себя Джози.

— Я постараюсь прочитать побыстрее, — пообещала она.

Хлоя пробралась между стульями с высокими спинками и коврами, скатанными в рулоны и поставленными вертикально.

— Не торопись. Можешь держать их у себя сколько захочешь. В конце концов они все равно ко мне вернутся, — сказала она, очутившись

рядом с Джози. Они отыскали пустую коробку и сложили в нее книги. — Что ты делаешь на выходных?

Джози пожала плечами:

— Везу маму в гости в субботу. И все.

— Не хочешь куда-нибудь сходить? Боюсь, еще одних выходных в одиночестве в этой квартире я не вынесу.

— Не знаю. Посмотрим, — ответила Джози неуверенно. Она накрыла коробку крышкой и подняла ее. — Ну как, что ты решила взять с собой?

Хлоя обернулась и обвела хранилище взглядом.

— Ничего.

— Совсем? — удивилась Джози.

— Совсем.

Хлоя глубоко вздохнула, и решение пришло к ней еще до того, как она полностью осознала его. Эти вещи нужны ей. Она и так отказалась от большей части того, что составляло ее личность. Однако вещам нужно место. Да, это не совсем хеппи-энд, верить в который ее приучили книги. Впрочем, чего еще ждать от бумаги с нитками и клеем? Нечего вообще было им верить.

— Думаю, мне нужно куда-нибудь перебраться

из квартиры Джейка.

* * *

Лишь поздно вечером Джози наконец удалось вытащить коробку с книгами из машины и перенести их к себе в комнату. По дороге она забежала в кухню забрать из холодильника сэндвич с яичницей, который припрятала там для Деллы Ли. Теперь она знала, что ее незваная гостья все-таки ест — по ночам, когда все спят. Тогда же, очевидно, она и мылась, а возможно, даже и стирала свои одежки. Хелена уже несколько дней жаловалась, что по ночам предметы перемещаются по дому, а с утра она то и дело находит водопроводные краны отвернутыми, а дверцу холодильника чуть приоткрытой, отчего коробки с молоком и банки с джемом запотевают.

Она зашагала по лестнице и, даже не оглядываясь, поняла, что Хелена снова выглядывает из своей спальни.

— Все в порядке, Хелена. Ложись, — сказала Джози.

Дверь комнаты Хелены щелкнула, закрываясь.

Джози поднялась к себе и подошла к шкафу.

— Я выяснила, почему Адам ведет себя странно, — выпалила она, открыв дверь.

Делла Ли даже не оторвалась от чтения очередного блокнота.

— И почему же?

— Хлоя сказала ему, что я его люблю, — удрученно произнесла Джози и села, не выпуская из рук коробку с книгами и пакет с сэндвичем.

Эту новость Делла Ли, очевидно, сочла заслуживающей пристального внимания, поскольку наконец-то посмотрела на Джози.

— Откуда она знает?

— Я ей сказала.

Джози сама себе не верила. Адам был куда более страшной тайной, чем сладости, и все-таки она поделилась ею с Хлоей. Какая муха ее укусила?

Делла Ли закатила глаза:

— И после этого ты пыталась свалить вину на меня?

— Ну, ничего этого не произошло бы, если бы не ты.

— Всегда пожалуйста. — Делла Ли кивнула на коробку. — А это что? Господи, ты что, опять была у меня дома?

— Нет. Хлоя дала мне почитать кое-какие книги. — Джози взяла пакет с сэндвичем и положила его перед Деллой Ли. — Держи. Тут сэндвич с холодной яичницей.

— Спасибо, я не голодна. Съешь сама, — сказала Делла Ли. Упрашивать Джози ей не пришлось. После сегодняшнего гордость вполне можно было проглотить. — И что же за книги она дала тебе почитать?

— Любовные романы, — сказала Джози, вынимая сэндвич из пакета.

Делла Ли растопырила руки, будто пыталась занять как можно больше места в шкафу.

— Только не вздумай сложить их сюда.

Джози надкусила сэндвич и с любопытством взглянула на Деллу Ли.

— Но все остальные мои книжки хранятся там.

— Ты что, так ничего и не поняла? Ты выясняешь, что вашему почтальону известно о твоей влюбленности, и что же ты делаешь? Привозишь кучу любовных романов, чтобы читать их у себя в шкафу.

— Ну, вообще-то, я не могу читать их у себя в шкафу. Потому что там ты.

Делла Ли раздраженно фыркнула.

— Адам знает о твоих чувствах. Почему бы тебе не предпринять что-нибудь? Пригласи его на свидание. Да что угодно.

— Ты прямо как Хлоя. Он не хочет, чтобы я приглашала его на свидание. Он узнал, что нра-

вится мне, и перепугался. Сильно. Он ломает себе голову, чем таким дал мне повод и как нужно было себя вести, чтобы этого не случилось. Я не собираюсь ставить нас обоих в еще более дурацкое положение, чем то, в котором мы уже оказались. Скоро эта история забудется и все станет по-прежнему.

— Когда наконец тебе так надоест это все, что ты сделаешь что-нибудь со своей жизнью?

Джози прищелкнула пальцами, как будто поймала Деллу Ли на слове.

— Знаешь что, начну-ка я с того, что выставлю тебя за порог.

В дверь постучали, и Джози подскочила от неожиданности. Она поспешно спрятала сэндвич и утерла губы.

— Подвинься, — прошептала она, пытаясь запихнуть в шкаф коробку с книгами.

— Нет уж. Их здесь не будет.

— Делла Ли…

Стук повторился.

— Минутку! — крикнула Джози.

Она задвинула коробку под кровать, потом сунула недоеденный сэндвич обратно в пакет и забросила его следом. После этого быстро закрыла дверь гардеробной, поднялась и сказала:

— Входите.

Дверь отворилась. На пороге стояла Хелена в длинном халате и папильотках, поверх которых была повязана шелковая косынка; Джози подарила ее служанке летом на день рождения. Хелена застыла в дверном проеме и настороженно оглядела комнату.

— Олдси, — сказала она и вытащила из кармана халата небольшую банку из-под арахисового масла. — Вот, я принести.

Джози подошла к Хелене.

— Арахисовое масло?

Служанка отвинтила крышку и показала содержимое банки.

— Земля.

— А-а, — кивнула Джози, хотя совершенно не понимала, к чему Хелена клонит. — Ясно. Земля.

— Смотреть. Смотреть, как я делать. — С этими словами Хелена посыпала землей порог комнаты Джози. — Ты делать так у тот дверь.

Она махнула на дверь в гардеробную.

— Ты хочешь, чтобы я насыпала землю перед входом в шкаф?

— Да. Земля с моя родина. Сестра присылать. — Хелена указала на баночку. — Отгонять злой дух. Больше не ходить вниз.

— А, ясно.

Хелена поняла, что в их доме что-то нечисто и что это имеет какое-то отношение к шкафу Джози. Замечательно.

Джози подошла к шкафу и бросила щепотку земли перед дверью, чтобы успокоить Хелену. Время от времени она обнаруживала, что служанка вышила по подолу очередного ее платья небольшие кресты — на удачу, и она всегда трижды стучала по дверному косяку, прежде чем войти в пустовавшую более двух часов комнату, — чтобы отогнать духов. Хелена не слишком часто упоминала о родных краях, но, очевидно, верования тех мест глубоко в ней укоренились.

Она вернула баночку служанке, и та удовлетворенно кивнула.

— Теперь все. Олдси спать. Злой дух нет.

— Спасибо, Хелена.

— Олдси хорошая девочка, — сказала Хелена и удалилась.

Джози закрыла дверь и направилась прямиком к кровати.

— Ты живешь в дурдоме, — подала голос Делла Ли из шкафа.

— Можешь уйти в любой момент. — Джози опустилась на колени и забралась под кровать

за сэндвичем.

— И лишиться такой развлекухи? Ну уж нет.

Глава 6
Кисленький жевательный мармелад

В субботу после обеда Маргарет сменила три пары туфель, две сумочки и рявкнула на Джози, которая провинилась исключительно тем, что терпеливо стояла и ждала, когда мать будет готова ехать на чай к Ливии Линли-Уайт.

Маргарет ненавидела эти чаепития. Она по нескольку раз меняла каждый свой наряд и даже репетировала перед зеркалом ответы на вопросы, которые могла задать Ливия. Маргарет понимала, что давным-давно пора перестать бояться этой женщины, ведь Ливии исполнился уже девяносто один год. В подобном возрасте ни один человек не должен иметь такую власть над людьми.

Однако же старуха имела, да еще какую. Она единственная в городе, за исключением Марко, знала о романе Маргарет. Это было более сорока лет тому назад, но Ливия не давала ей оставить все в прошлом. Каждый месяц, точно королева, она повелевала Маргарет явиться к ней на чай, и каждый месяц Маргарет волей-неволей вы-

нуждена была подчиниться. Они встречались в укромном, скрытом от посторонних глаз кабинете в кондитерской в бывшем фамильном особняке Ливии, старейшем строении во всем Болд-Слоупе. Тридцать лет назад Ливия с подачи Марко пожертвовала этот особняк обществу охраны памятников истории, и его превратили в музей с кондитерской. Ливия полагала, что Марко плохого не посоветует. Она даже консультировалась с ним, где лучше построить новый дом. Теперь она жила в этом доме вместе со своей сиделкой, прислугой и совершенно забитой внучкой. Хотя из своего дома-музея Ливия выехала уже три десятилетия назад, она до сих пор считала себя вправе наведываться туда, когда ей заблагорассудится, забавляя, а иной раз и оскорбляя туристов, а также по-хозяйски заявляться на кухню и поучать кондитера.

Наконец Маргарет с Джози двинулись в направлении дома-музея Линли-Уайтов, хотя Маргарет все же осталась не до конца довольна выбранными ею туфлями. Впрочем, если бы она опоздала, было бы еще хуже, поэтому она удовольствовалась тем, что было. Они остановились у дома-музея, и Джози проводила мать в кабинет. На этом всегда настаивала Маргарет. Она хотела,

чтобы Ливия видела, какая у нее заботливая дочь. Но это была не единственная причина. После операции на бедре Маргарет не очень уверенно держалась на ногах, и Джози поддерживала ее под локоть, чтобы она не споткнулась. В присутствии Ливии мать не ходила с палкой. Такого удовольствия она ей доставлять не собиралась. Сама Ливия никогда в палке не нуждалась. Худая, высокая и прямая, она напоминала окаменевшее дерево.

Ливия уже ждала ее в крошечной комнатке. Она демонстративно взглянула на часы, хотя Маргарет знала, что явилась без опоздания. Когда они с дочерью подошли к столу, Ливия приказала:

— Джози, подожди за дверью вместе с Амелией.

— Хорошо, миссис Линли-Уайт, — произнесла Джози и вышла.

— Чего ты ждешь, Маргарет? Садись.

— Хорошо, Ливия.

Маргарет отодвинула стул и опустилась на него; ей с большим трудом удалось проделать это грациозно и не поморщиться.

— А твоя дочь изменилась, — заметила Ливия; ее длинные узловатые пальцы играли жемчужным ожерельем, которое украшало ее шею. — Что

произошло?

Маргарет разложила на коленях салфетку.

— По-моему, она ничуть не изменилась.

— В детстве она никогда не была хорошенькой, да?

— Да, Ливия.

— Мы готовы! — крикнула Ливия, и Маргарет на миг прикрыла глаза.

Директор музея, как и всегда, сдвинула ширму, которая отгораживала небольшой закуток от всей остальной кондитерской, и вкатила тележку с чайным сервизом. Прочий персонал делать это отказывался.

— При том, что ты красавица, это просто удивительно. Не верится даже, что она твоя дочь. Зная твой характер, я бы усомнилась и в том, что она дочь Марко, не будь у нее его глаз, — продолжала Ливия, пока директор музея разливала чай по изящным фарфоровым чашечкам. — Впрочем, моя Амелия тоже не красавица. Чем девушка безобразней, тем больше от нее толку, вот что я тебе скажу. На хорошеньких нельзя положиться.

— Джози никуда от меня не денется, — сказала Маргарет.

Директриса выставила на стол вазочку с кусковым сахаром, тарелочку с ломтиками лимона

и трехъярусное блюдо с крохотными, на один укус, сэндвичами с огурцом, слоеными язычками с малиновым джемом и кружевными ломтиками ромового кекса и поспешно удалилась, не произнеся ни слова. Маргарет позавидовала ей.

— Мечтай-мечтай. — Ливия опустила в свою чашку два кусочка сахара. — Ну, расскажи мне, как прошел твой месяц. Я слышала, ты была на собрании дамского клуба.

— Да. Было очень мило.

— А накануне ты сделала маникюр и педикюр.

Маргарет с улыбкой кивнула; ее злило, что Ливия задает вопросы, заранее зная ответ на них. Она просто проверяла Маргарет. Ливия обладала разветвленной сетью знакомых, которые снабжали ее сведениями обо всем и вся. Маргарет ни на миг не забывала о том, что в любом общественном месте, куда бы она ни поехала, непременно будет кто-нибудь, кто вольно или невольно окажется глазами и ушами Ливии.

— Таков мой распорядок.

— А что, Роули Пелхэм все так же возит Аннабель Дрейк в своем такси на собрания дамского клуба?

— Полагаю, да, — ответила Маргарет.

— Поговаривают, он к ней неравнодушен.

Маргарет протянула руку к щипцам для сахара.

— Да?

— Тебя это интересует, Маргарет? — подозрительно осведомилась Ливия.

Маргарет поразила сила собственных эмоций. Столько лет она делала то, что должна была делать, жертвуя счастьем ради своего положения в Болд-Слоупе, а боль никуда не делась. Ее глупое старое сердце все так же сжималось при одном упоминании о нем. Три кусочка сахара спустя Маргарет все же удалось выдавить:

— Нет, Ливия.

— Столько времени прошло. Не может быть, чтобы ты до сих пор испытывала к нему какие-то чувства. Ты меня разочаровываешь. Все эти годы я так старалась наставить тебя на правильный путь, подтолкнуть в нужном направлении.

— И я весьма вам признательна.

— Болд-Слоуп — не ваш Ашвилл. У нас тут другие правила. И забывать их не следует. Я всегда надеялась, что ты продолжишь мое дело и позаботишься о том, чтобы все здесь шло как надо, когда я умру.

Маргарет сделала глоток чая вместо того, чтобы вслух усомниться в том, что Ливия когда-нибудь

умрет.

— Все говорили, что ты знаешь правила. Милая маленькая Маргарет из Ашвилла. «Она не способна сделать ничего дурного». О, до чего все здесь тебе завидовали. Но я знала, что ты недостаточно хороша для Марко. Жаль, его больше нет с нами и он не видит, как я тебе помогла.

— Жаль, — напряженно повторила за ней Маргарет.

Ливия была влюблена в Марко. Маргарет поняла это в ту же минуту, когда они познакомились. А Ливия не спускала с нее глаз, ожидая малейшей ее промашки — чего угодно, что скомпрометировало бы Маргарет, доказало, что она недостойна великого Марко Сиррини. И дождалась. Она не могла не знать обо всех похождениях Марко, но, с ее точки зрения, в этом не было ничего предосудительного. Быть может, она даже питала надежду, что когда-нибудь он заведет роман с ней самой.

Но чтобы Маргарет урвала себе кусочек счастья?

Еще чего.

* * *

В зале кондитерской Джози в обществе внучки Ливии, Амелии, сидела за столиком у окна. Им подали чай, но Амелия безучастно уткнулась в окно, глядя, как ветер гонит по двору палую листву.

Приземистая и серьезная, Амелия имела привычку грызть ногти и постоянно стригла свои светлые волосы под горшок. Так уж ее воспитывали. Когда малышка появилась на свет, Ливия бросила всего один взгляд на ее красное сморщенное личико, покрытую молочной коростой головку и грубоватые, неправильные черты и объявила:

— Она будет ухаживать за мной.

И мать Амелии, которой очень хотелось сохранить свой трастовый фонд, всю жизнь внушала девочке, каково ее предназначение. На следующий же день после окончания школы Амелия переехала к бабке и с тех пор превратилась в ее личную прислугу.

Джози вытащила из сумочки пакет с карамелью и шоколадными конфетами; по опыту бесчисленных прошлых чаепитий она знала, что Амелия неизменно выбирает на десерт шоколадно-карамельный торт.

— Вот, Амелия, смотри, что я тебе принесла, — сказала она.

Джози каждый раз приносила Амелии сладости, хотя это было все равно что пытаться подружиться с тряпичной куклой.

Взгляд Амелии переместился на ширму, отделявшую их от Ливии с Маргарет.

— Мне не следует их брать.

— Я знаю.

Амелия печально взяла пакет.

— Ты плохо на меня влияешь! Мадам всегда говорит: «Не ешь столько, не то станешь как Джози Сиррини».

Джози сокрушенно улыбнулась:

— Да, мной всегда пугают детей.

— Она терпеть не может твою мать. Понятия не имею, зачем она приглашает ее на чай.

— А я понятия не имею, почему мама соглашается. Наверное, это не наше дело. Не хочешь прогуляться по улице?

— Нет, вдруг мадам что-то понадобится.

Амелия вскрыла пакет, который дала ей Джози, и вытащила шоколадную конфету. С отсутствующим видом глядя в окно, она сунула лакомство в рот.

— У тебя когда-нибудь были свои личные пла-

ны, Амелия? — вдруг спросила Джози. Амелии было слегка за сорок, и порой Джози, глядя на нее, задавалась вопросом, не ждет ли ее та же судьба. Мысль эта не радовала. — Или есть сейчас? Я имею в виду, хотела ли ты заниматься чем-нибудь более интересным, чем-нибудь другим?

— Мой долг — заботиться о мадам. Мой отец скончался в прошлом году, так что, возможно, в самом ближайшем будущем моя мать съедется с мадам и я буду ухаживать за ними обеими.

Джози поколебалась, но все же спросила:

— Ты никогда не думала о том, чтобы уехать куда-нибудь?

— Мадам не любит путешествовать.

— Нет, я имею в виду, одна, без нее.

Эта мысль, похоже, ужаснула Амелию.

— Одна?!

Ответ был более чем красноречив.

— Ты когда-нибудь была влюблена?

Амелия вспыхнула:

— Нет.

— Ты любишь читать?

— Не особенно.

— Тебе никогда не хотелось уехать, устроить себе каникулы? Увидеть океан?

Амелия отодвинула пакет со сладостями.

— Ты плохо на меня влияешь.

— Тогда я надеюсь, что в твоем шкафу никогда не появится скандалистка с дурной репутацией, — сказала Джози. — Боюсь, ты этого не переживешь.

— Ты ненормальная, Джози, — сказала Амелия. — Пересяду-ка я вон за тот столик.

* * *

После чаепития, когда все вышли на улицу, на них немедленно налетел неожиданно резкий порыв ветра. Холодало. Сверчки перебирались за камины, поближе к теплу. Мохнатые черно-коричневые гусеницы, по которым можно предсказывать погоду, почти целиком почернели. Семечки у хурмы, которой торговали в овощных лавках, выгнулись, как ложки. Что это означает, знал каждый. Уроженцы Болд-Слоупа безошибочно распознавали эти признаки, предвещавшие приближение снегопада. Джози очень надеялась, что это будет по-настоящему сильный снегопад, хотя ждать его в ноябре было самонадеянно. На западе Северной Каролины по-настоящему сильные снегопады бывают в конце зимы, даже ранней весной.

Ливия с Маргарет распрощались, развевающи-

еся на ветру полы их черных пальто походили на стаи черных дроздов. Ливия развернулась и двинулась к своей машине, Амелия плелась позади, точно обрывок бессвязной мысли.

Джози и Маргарет смотрели им вслед, на лицах у обеих застыло одинаковое выражение.

— Ну вот и все, — вздохнула Маргарет.

— Да, — эхом отозвалась Джози.

— До следующего месяца.

— Мне только кажется, или ты каждый раз надеешься, что это будет приятней, чем оказывается на самом деле?

Маргарет покачала головой:

— Я уже давным-давно ни на что не надеюсь. Надежды — удел глупцов, Джози. Поехали домой.

* * *

Пока Джози с Маргарет изнывали в кондитерской, Хлоя на другом конце города читала газету объявлений о сдаче жилья внаем. Джейк вел себя в точности так, как и в прошлые выходные, — не объявлялся. Он просто ждал. Ждал, когда она опомнится. Конечно, что еще, по его мнению, ей остается? И он ведь полагал так не от заносчивости, потому что не был заносчив. Просто

некоторые вещи он считал незыблемыми. Например, еженедельный обед по понедельникам в родительском доме. Или что он всегда будет всем нравиться. Что они с Хлоей всегда будут вместе. Думал ли он об этом, когда спал с той, другой женщиной? «Это ничего не значит. Это не считается. Хлоя всегда будет со мной».

Она в сердцах обвела очередное объявление. Хватит уже зависеть от Джейка во всем, что касается общения, крыши над головой, ощущения стабильности. Она вычеркнет его из своей жизни. Очень скоро она забудет его голос, забудет, как чудесно ей было рядом с ним, какое восхитительное у него тело, что он способен творить с ней в постели. И прекратит представлять, как он вызывает те же чувства у другой женщины.

Она положила ручку на газету. Всю неделю Джулиан незримо присутствовал где-то на задворках ее сознания, мягко, ненавязчиво. Он сказал, что по выходным обычно бывает в «Джиггериз». Может, сходить туда вечерком, поболтать с ним об их общем несчастье? Уж он-то понимает, каково это, когда человек, которого ты любишь, причиняет тебе боль. Это был крошечный шажок к освобождению, а теперь вся ее жизнь в этом и заключалась. Шаг за шагом, не важно куда, в лю-

бом направлении, лишь бы оказаться подальше от того, кто причинил ей боль.

Она снова долго и тщательно укладывала волосы и красилась, даже наложила перламутровые тени на веки. Надела туфли на каблуках, короткую юбку из шотландки и свой любимый мягкий свитер с вязаными косами. Хлоя посмотрелась в зеркало и осталась довольна тем, что увидела. Если он и переспал с другой, то не потому, что она недостаточно хорошо выглядит. Или все-таки потому?

В конце концов она решила, что все зависит от того, как выглядит та, другая.

Джулиана она заметила сразу же, едва переступила порог «Джиггериз». Он был куда красивее Джейка. Или, вернее, смазливее. Джейк выглядел преуспевающим мужчиной. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы сказать, что он из состоятельной семьи. Что в детстве он учился в престижной частной школе. Что он умеет играть в поло, в гольф и в сквош, хотя на самом деле он уже разучился в них играть. Он не хотел для себя той жизни, какую вели его родители. Когда он поступил в юридическую школу, они возлагали на него большие надежды и были жестоко разочарованы тем, что он пошел работать в окружную

прокуратуру. Однако теперь даже они признали, что в своем деле он настоящий ас и пойдет очень далеко.

От Джулиана тоже исходило ощущение уверенности в себе, только оно было другим, изменчивым. Он мог перевоплотиться в кого угодно. Он сидел в баре, окруженный женщинами, которые существовали лишь ночью, — похожими на тонкие стальные листы, сплошные острые углы и нестерпимый блеск, гибкими и переливчатыми.

При виде Хлои Джулиан немедленно бросил их и поднялся ей навстречу. Это ей польстило.

— Привет, — промурлыкал он. — В прошлый раз я не спросил, как тебя зовут.

— Хлоя.

— Хочешь чего-нибудь выпить, Хлоя? Давай присядем.

Он повел ее к концу барной стойки, мимо этих гибких переливчатых женщин, которым оставалось лишь ждать, когда он к ним вернется. Они с Хлоей уселись, и он заказал напитки. Он даже помнил, что в прошлый раз она пила лимонный коктейль с мятой.

— Я вижу, на этот раз ты без книжки. Как дела?

Она кивнула:

— Нормально. Уже лучше.

— Рад, что ты пришла. Я как раз хотел с тобой поговорить. Даже пару раз заглядывал сюда на неделе, думал, вдруг ты появишься. Твоего приятеля, случаем, зовут не Джейк Ярдли?

Хлою охватило дурное предчувствие.

— Откуда вы узнали?

— Поспрашивал кое-кого и, похоже, раздобыл кое-какие зацепки.

Хлоя в замешательстве посмотрела на него.

— Ты же говорила, что хочешь узнать, что это за женщина, — пояснил он. — С которой он тебе изменил.

У Хлои учащенно забилось сердце.

— Вы узнали, кто она?

— Пока нет. Но скоро узнаю. За последние три месяца в окружной прокуратуре была всего одна сомнительная история, и мне сказали, что в ней замешан золотой мальчик по имени Джейк Ярдли. Но пока что никто не захотел поделиться подробностями.

— Мне просто не верится, что вы готовы сделать это для меня. Вы меня даже не знаете.

Она приложила руку к груди. Он проводил ее движение глазами. Его взгляд задержался на ее груди — ненадолго, но все же задержался.

— Я сразу вижу, когда человеку плохо. Я должен задать тебе еще один вопрос: ты в самом деле хочешь узнать ее имя? Потом пути назад уже не будет.

— Я хочу это знать, — без колебаний ответила Хлоя.

— Тогда я выясню все для тебя. У меня есть кое-какие связи в суде.

Им принесли напитки, и Хлоя сделала глоток из своего бокала, пытаясь не таращиться на Джулиана в открытую, но у нее ничего не получилось.

— Вы ведь не работаете в суде? Никогда вас там не видела.

— Нет, но мне не раз приходилось улаживать там дела, так что у меня завязались знакомства с людьми, которые могут помочь мне, если понадобится.

— Тогда что я могу сделать для вас? Мне хотелось бы чем-нибудь вам помочь.

— Для начала можешь снять куртку и немного посидеть со мной.

Он спустился со своего табурета, подошел к ней сзади и медленно снял с нее куртку, еле уловимо прикоснувшись к ее шее.

Куртку он положил на стойку бара, потом снова уселся рядом с Хлоей. У нее голова шла кругом.

Она несколько раз поморгала, пытаясь собраться с мыслями.

— Ну и как, э-э… не объявилась ваша подруга?

— Нет.

— Вам, наверное, сейчас нелегко. Неужели она не оставила вам ни записки, ничего?

— Нет. — Он обхватил кружку с пивом ладонями и уткнулся в нее взглядом. — В последнее время мы постоянно ругались. После нашей последней ссоры она села в машину и уехала. Она вообще вела себя странно, была подавленной и раздражительной, как будто уже решила уехать и только ждала следующего скандала, чтобы найти предлог. Но она не взяла с собой ни одежду, ни сумочку. Потом, через пару дней после того, как она исчезла, какая-то женщина пробралась в дом, пока я спал, и забрала кое-что из ее одежды и бумажник. Значит, она до сих пор где-то поблизости, просто не хочет возвращаться или встречаться со мной.

— Значит, между вами все кончено?

— Наверное. — Он взглянул ей в глаза. — А как у вас с Джейком?

— Я не знаю.

Он слабо улыбнулся:

— Ты до сих пор его любишь.

Она отвела глаза, потом сказала:

— Я не могу ничего с собой поделать.

— Этот твой Джейк, он такой высокий кудрявый блондин?

Она с любопытством обернулась на Джулиана:

— Нет.

— Значит, он среднего роста, с темными волосами и странными светлыми глазами?

Он начинал ее пугать.

— Я не назвала бы их странными, но можно сказать и так. А что?

— Потому что здоровенный блондин и парень пониже со странными глазами только что вошли сюда и смотрят на нас. И вид у них не слишком довольный.

Он улыбнулся, как будто не воспринимал это всерьез, словно все это его забавляло.

Хлоя обернулась к двери и схлестнулась взглядами с Джейком. Страсть в его глазах едва не сшибла ее с ног. Несмотря на все обаяние Джулиана, несмотря на все его усилия, он не мог вызвать в ней такие чувства, как Джейк. Это все равно что сравнивать легкую щекотку с ударом.

Джейк двинулся к ней, Адам за ним. Путь им преградила группа сверкающих женщин. Пробираться через нее было как через внезапно нале-

тевший пылевой смерч. Мужчины показались с другой стороны, взъерошенные и помятые.

Когда они очутились рядом с ней, Джулиан исчез.

Хлоя огляделась по сторонам, недоумевая, как он мог ускользнуть так, что она ничего даже не заметила. Он словно сквозь землю провалился.

— Хло, что ты делаешь? — спросил Джейк.

Его взгляд вобрал ее всю, он словно пил ее, как пьют сладкий чай с лимонадом. Он скучал по ней. Она ощущала это столь же отчетливо, как и собственное чувство утраты.

Хлоя слезла с табурета и взяла куртку.

— Тебя это не касается.

— Ты не знаешь этого типа. Он подонок.

— Да что ты говоришь? — процедила она. — Вот что я тебе скажу, Джейк: ты потерял право что-то указывать мне, когда переспал с другой женщиной.

— Я с ней не спал.

— Теперь ты будешь цепляться к словам?

— Да, если дело настолько важное, то буду. Мы с ней занимались сексом, и только. Это ничего не значит. Все устали, все были опьянены победой, всех переполняли эмоции, которые нужно было куда-то выплеснуть. Это не было сознательное

решение…

— Ты сам-то понимаешь, что говоришь? — Хлоя почти кричала, на них уже начали оборачиваться, но ей было все равно. — Ты сваливаешь вину за свою измену на уголовное дело! Ты оказался перед необходимостью принять решение, делать это или нет, и ты его принял. Не уголовное дело. Ты. Кто она?

Он молчал, и на один ослепительный миг ей показалось, что сейчас он назовет ей имя. Но потом он сказал:

— Никто.

— Убирайся!

Хлоя попыталась отпихнуть его, но он не шелохнулся.

Он поймал ее за руки.

— Хлоя, пожалуйста, обещай мне, что будешь держаться от него подальше.

— Я никогда не требовала от тебя держаться подальше от других женщин! Я доверяла тебе.

— Тебе я доверяю, — сказал Джейк. — Я не доверяю ему. Он уголовник.

Она с такой силой втянула в себя воздух, что чуть не поперхнулась.

— А ты откуда знаешь? Ты что, шпионил за мной? Ты думаешь, я не в состоянии сама о себе

позаботиться. Ты считаешь, что я без тебя пропаду. Ты думаешь, что я не смогу жить со знанием, с кем ты переспал. Я докажу тебе, Джейк. — На этот раз ей удалось прорваться мимо него. — Вот увидишь.

* * *

Джейк бросился за ней, но она подбежала к своей машине, которую оставила на парковке сбоку от бара, и без единого слова рванула с места. Он проводил ее взглядом. Она уехала в сторону их дома. И то хлеб.

Он вернулся обратно и нашел Адама в баре. Тот уже заказал им обоим пиво.

— Ты знал, что она окажется здесь? — спросил он Джейка, когда тот сел. — Поэтому ты хотел прийти?

— Ребята с работы сказали, что заходили сюда на неделе и видели, как она разговаривает с этим подонком. Я просто хотел предупредить ее, кто он такой.

— Да ты меня использовал!

Джейк попытался выдавить из себя улыбку. Он и не подозревал, что способен так отчаянно скучать по кому-то. Когда он увидел Хлою у стойки бара, сердце у него едва не выскочило из груди.

Ему недоставало ее пылкости и непосредственности, ее беспечного смеха, ее тепла. Он тосковал по запаху ее кожи. Ему отчаянно хотелось вновь прикоснуться к ней. Но когда она заметила его, у нее сделался такой удрученный вид, что кулаки у него сами собой сжались от досады. Он не знал, как это исправить, и, судя по всему, своим сегодняшним появлением в баре лишь наломал еще больше дров. Впервые за все время у него закралось сомнение в том, что все действительно будет хорошо.

Он взял свою кружку и взглянул туда, где только что сидела Хлоя. Ее бокал — должно быть, с лимонно-мятным коктейлем, потому что это был ее любимый напиток, — так и остался стоять на месте. А рядом с ним лежала книга. Джейк был уверен, что это ее книга. Когда они с ней только познакомились, он ни разу не видел ее без книги. А еще у нее была уйма книг в хранилище — никогда и ни у кого раньше он не видел столько книг. Его всегда восхищало, сколько слов она прочла, сколько разных историй, рассказанных на тысячи разных ладов, умещалось в ее голове. Ему казалось, что она немного стесняется своих книг, поэтому он старался обходить эту тему. Но эта книга была способом увидеть ее снова. Он вернет

ее Хлое и скажет, как сильно виноват перед ней. Так можно начать хоть какой-то диалог. И к черту отцовские наставления.

Он отставил пиво в сторону и двинулся вдоль барной стойки, не сводя глаз с книги. По пути он вновь оказался в центре стайки возбужденных подвыпивших женщин.

— Без паники! — донесся до него возглас Адама. — Они чуют твой страх.

В конце концов ему все же удалось отвязаться от них.

Но книга уже исчезла.

* * *

Хлоя проснулась оттого, что у нее пересохло горло и раскалывалась голова.

— Джейк, — слабым голосом позвала она и потянулась на соседнюю половину кровати.

Когда она заболевала, от одной его близости ей становилось лучше. Но сейчас пальцы наткнулись на пустоту, и она вспомнила. Его здесь нет. Его нет, а она есть. В постели. Одетая. Она медленно уселась, морщась от боли в голове.

Хлоя свесила ноги и села на краю кровати, обхватив голову руками. Вчера, вернувшись домой, она проплакала несколько часов, сжавшись в ко-

мочек на полу. Она так плакала, что ей казалось — у нее разорвется сердце. Ей было физически больно от этого плача. Это был такой плач, от которого содрогались стены, гнулся металл, а полная луна обращалась в прозрачный тонкий серп.

Ее начала бить дрожь, и она натянула на себя куртку, комком валявшуюся в ногах. В нос ей ударил запах въевшегося в ткань табачного дыма. Хлоя медленно встала и поплелась на кухню за водой, не обращая внимания на книжку «Старая любовь рождается вновь», притулившуюся на одной из лопастей лениво вращавшегося потолочного вентилятора над кроватью. Другая — «Как удержать мужчину. Пособие для девушек» — устроилась на кофейном столике.

Бумага, нитки и клей.

Хлоя машинально сунула руки в карманы куртки. Левая рука что-то нащупала, и она вытащила находку.

И остановилась как вкопанная, глядя на нее. Это была бумажная салфетка с нацарапанным на ней номером телефона и именем.

«Джулиан».

Глава 7
Леденцы на палочке «Сладкий папочка»

В понедельник днем, по пути в лавку за мятным маслом, которое наконец было готово, Джози заехала в здание суда повидать Хлою. Еще на полпути через фойе, едва она увидела свою новую подругу, как немедленно поняла: что-то случилось. Хлоя сидела за одним из двух столиков у прилавка с чашкой кофе и смотрела прямо перед собой.

— Хлоя?

Та мгновенно вскинула глаза, увидела, кто это, и улыбнулась:

— А, привет, Джози.

На ее лице не было никакой косметики, хотя ко лбу прилипло несколько блесток, а рыжие волосы были собраны в спутанный хвост. От всего ее облика веяло печалью, придававшей ей болезненную матовую бледность.

— Что случилось?

Хлоя поднялась с чашкой в руке.

— Ничего, все в порядке.

Она подошла к раковине и выплеснула в нее недопитый кофе.

Джози подошла к прилавку.

— Неправда.

Хлоя пожала плечами. Движения у нее были угловатые, неловкие.

— Наверное, это просто последствия шока. Сначала Джейк признался мне, что переспал с другой женщиной, потом я выставила его вон. Ну вот, в выходные меня и накрыло. Бам!

Джози вдруг стало стыдно за свои страдания по поводу Деллы Ли. Вот у Хлои — настоящие проблемы. А у нее, Джози, всего-навсего чужая женщина в шкафу.

— Чем я могу помочь?

— Ничем. Мне бы очень хотелось, чтобы можно было что-нибудь сделать, ну, понимаешь, чтобы все это поскорее закончилось. Чтобы все наконец осталось позади и мне стало получше.

Джози попыталась придумать что-нибудь утешительное, что-нибудь насчет того, как медленно порой течет время, или как быстро иной раз все в жизни может перемениться, или как, когда все прочие средства испробованы, помогает обычная шоколадка.

Но тут Хлоя покачала головой:

— Прости, я не хотела вывалить все это на тебя. Хочешь сэндвич? С помидорами и сыром? Или с яичницей?

Судя по всему, приготовление еды отвлекало Хлою от печальных мыслей, поэтому Джози сказала:

— А ты сама что любишь больше всего?

— Я? — Хлоя задумалась, как будто никто и никогда не задавал ей этот вопрос. — Наверное, с индейкой на сырном хлебе с перцем халапеньо.

— Отлично, вот его я и попробую.

— Тебе завернуть с собой?

— Ага. Мне еще нужно в лавку за мятным маслом. Я просто заехала поздороваться и еще раз поблагодарить тебя за книги. Как продвигаются поиски квартиры?

— Пока просматриваю объявления и назначаю встречи. — Хлоя соорудила сэндвич, упаковала его и передала Джози. — Мятное масло? Вот почему от тебя всегда пахнет Рождеством?

Джози рассмеялась.

— Мама требует, чтобы все двери и окна у нас в доме регулярно окропляли мятным маслом. Это якобы отпугивает незваных гостей. Уверена, травница из органической лавки нарочно распускает такие слухи и наживается на них.

Она утверждает, что умеет делать приворотные зелья, эликсиры, которые приносят хорошие сны, и амулеты, которые увеличивают количество часов в сутках. И все это изготавливается из натуральных ингредиентов, собранных в горах. Она очень своеобразная женщина, эта Нова Берри.

— Никогда про нее не слышала.

Джози расплатилась за сэндвич, хотя Хлоя пыталась отказаться от денег.

— Про нее вообще мало кто слышал. Она берет клиентов только по рекомендации.

Хлоя убрала деньги в кассу и спросила задумчиво:

— Послушай, а ты не можешь меня рекомендовать?

— Конечно могу. А что тебе нужно?

— Не знаю, — ответила Хлоя. — Может, она мне скажет.

* * *

Нова Берри походила на дерево гикори — такая же высокая, тонкая и узловатая. Она могла бы перечислить всех своих предков, живших в Аппалачах на протяжении нескольких сотен лет. Теперь ее ремесло считалось экзотикой, однако были времена, когда женщины семьи

Берри славились своими природными снадобьями далеко за пределами здешних мест. Кора вяза от несварения. Красный клевер от кожных недугов. Цветки календулы от ежемесячных женских недомоганий. Только теперь, когда в любой аптеке можно было без труда приобрести средства вроде маалокса или мидола, Нове волей-неволей приходилось немного приукрашивать действительность. Поэтому она пустила слух, что ее снадобье от изжоги обладает свойством исцелять разбитые сердца, а средство от колик способно сделать женщину более — или менее — плодовитой, по желанию. И в половине случаев ее средства действительно помогали, потому что если женщины в семействе Берри и передавали из поколения в поколение какое-то тайное знание, то заключалось оно в том, что самая главная составляющая любого чудодейственного снадобья — это вера.

Дела в лавке вели дети Новы, а сама она занимала комнатушку в глубине магазина. Джози провела Хлою внутрь, отодвинув занавеску, отделявшую маленькую мастерскую от остальной лавки. Нова сидела на деревянной скамье и пестиком перетирала в ступке лаванду, слушая Пэтси Кляйн на проигрывателе компакт-дисков,

который подарили ей внуки.

Она посмотрела на вошедших.

— Джози! Вот мятное масло для твоей матушки. Пожалуйста, передай ей мои извинения за задержку. В округе прямо-таки эпидемия запоров, так что на меня свалилась масса работы.

Она поднялась и протянула Джози небольшой стеклянный пузырек. Та незаметно передала ей деньги, и Нова сунула их в лифчик.

— Ну, может быть, на этот раз мне удастся уговорить тебя купить у меня шарф? — Она махнула в угол, в сторону корзин и полок, заваленных мотками пряжи. Каждую неделю Нова вязала пару-тройку шарфов, и они были развешаны повсюду, даже между пучками сухих трав. — Красный — твой магический цвет, Джози. Возьми что-нибудь красное.

— Нет, спасибо. — Джози поманила стоящую у порога Хлою, та повиновалась, хотя и с опаской. Джози взяла ее за руку и подтащила к себе. — Нова, это Хлоя Финли.

Нова смерила ее взглядом.

— Из тех Финли, которые выращивали кукурузу?

Хлоя откашлялась.

— Да, мои прадед с прабабкой когда-то этим

занимались.

— В детстве я была знакома с твоей прапрабабкой. Она принесла моей матери не один бушель белой кукурузы в обмен на снадобье из конского каштана против варикоза. Ты здесь за этим?

— За средством от варикоза? — изумилась Хлоя. — Нет.

— Зачем же тогда? — осведомилась Нова.

Хлоя заколебалась, и Нова велела Джози:

— Ступай к зеркалу и примерь мои шарфы. Красный, Джози. Красный цвет поможет тебе добиться всего, что ты захочешь. Ступай.

Когда Джози отошла в угол, Нова ухватила Хлою за локоть и увлекла ее еще подальше, в сторонку, однако это не помешало Джози расслышать ее слова, когда она произнесла:

— Ну, чем Нова может тебе помочь?

— Я хочу простить одного человека, — сказала Хлоя, — или продолжить жить дальше. У вас есть что-нибудь, что могло бы мне помочь?

Нова на миг призадумалась.

— Тебе нужен отвар жгучей крапивы, вот что. — Она подошла к своему столу и откупорила одну из многочисленных стеклянных банок. — Заваривай ее листья вместо чая и пей.

Нова отсыпала сухой крапивы из банки в

небольшой бумажный конвертик.

— Жгучая крапива, — повторила Хлоя. Она попыталась произнести это со смешком, но голос у нее дрогнул. — Звучит пугающе.

— Иногда любовь ранит. Впрочем, крапива ничего тебе не сделает. Она подскажет твоему сердцу, что делать. Запомни, девочка: твоему сердцу. Когда придет время принять решение, слушай свое сердце.

— Спасибо, — сказала Хлоя, сжимая конверт. — Сколько с меня?

— За все заплатит Джози, — заявила Нова. — Будет знать, как подслушивать.

* * *

Джози высадила Хлою у здания суда и поехала домой. Едва она переступила порог, как Маргарет, выговорив ей за слишком долгое отсутствие, забрала мятное масло и отправилась на поиски Хелены. Окропить маслом все дверные и оконные проемы нужно немедленно, заявила она, ведь День благодарения и Рождество уже совсем на носу, а в праздники люди склонны заявляться в гости без приглашения. Маргарет была намерена пресечь это безобразие.

Джози поспешила подняться к себе, чтобы не

попасться матери под горячую руку. Маргарет терпеть не могла праздники. Она появлялась на всех праздничных мероприятиях, потому что этого от нее ожидали, однако Рождество почему-то неизменно приводило ее во взвинченное состояние. Джози давным-давно усвоила, что в такие минуты лучше держаться от матери подальше.

Она на ходу расстегнула пальто, вошла в комнату и с порога направилась к шкафу, потому что делала так всегда. Раньше ей просто хотелось сладкого. Теперь же ей нужно было увидеть Деллу Ли, поговорить и поспорить с ней. Более того, она с нетерпением ждала этого момента.

Выходит, Делла Ли все же добилась своего и свела ее с ума.

Когда Джози открыла дверь гардеробной, Делла Ли сидела там же, где и всегда, на спальном мешке, однако на этот раз без неизменного блокнота в руках. Вся ее одежда по-прежнему была на ней, но она успела смыть косметику и держала на коленях маленькую диадему, глядя на нее с тоской в глазах.

— Делла Ли?

Та вскинула голову и улыбнулась. Без косметики она выглядела моложе, и кожа у нее казалась полупрозрачной, как у маленького ребенка.

— Я выиграла ее на конкурсе «Маленькая мисс Болд-Слоуп», когда мне было шесть.

Джози опустилась на корточки, полы ее длинного пальто разметались по полу.

— Ты, наверное, в детстве была очень хорошенькая.

— Была. — Она положила тиару на пол и подвинула ее к Джози. — На, держи. Примерь.

Джози покачала головой.

— Не с моими волосами. Она в них просто потеряется.

— Ну пожалуйста!

Джози со вздохом водрузила диадему на голову и развела руками, как будто приглашала Деллу Ли отпустить насмешливый комментарий. Однако та сказала:

— Очень мило. Да, кстати, симпатичный шарфик.

Джози посмотрела вниз и поспешно стянула с себя шарф. Слава богу, он был под пальто.

— Спасибо, что напомнила. Нова Берри всучила мне его буквально силком, но мама не выносит, когда я надеваю красное. Я купила тебе кое-какой непортящейся еды, которую можно хранить прямо здесь, но она осталась в машине. Я схожу за ней, когда мама уляжется спать. И прошу тебя,

перестань передвигать вещи внизу. Это сводит Хелену с ума. Она не может понять, что происходит. Да, еще я купила тебе сэндвич у Хлои, но съела его сама по пути домой.

— Джози, я должна сказать тебе одну важную вещь, — серьезным тоном произнесла Делла Ли. — Я все думала, имеет ли она какое-то отношение к тому, что я оказалась здесь, и решила, что все-таки имеет, поэтому я считаю, что ты должна это знать.

— Неужели ты надумала признаться, что специализируешься на незаконном захвате чужих шкафов и я не первая твоя жертва?

— Нет. — Делла Ли порылась в углу шкафа и вытащила коробку, которую Джози привезла ей из дома. Она поставила коробку перед собой, потом подвинула ее немного поближе к Джози. — Загляни внутрь.

Джози подтянула коробку к себе и подняла крышку.

— Видишь блокноты? — спросила Делла Ли. — Они принадлежали моей матери. Можешь их просмотреть.

Джози вытащила из коробки верхний блокнот. Это был самый обычный блокнот на спирали, какие ребятишки берут с собой в школу. Тон-

кие листки посерели от времени, но чернила остались все такими же темными и чуть расплывшимися; должно быть, писали фломастерами.

— Это дневники?

— Скорее что-то вроде журнала наблюдений. Моя мать следила за Марко Сиррини и записывала, что он делает. Она занималась этим без малого двадцать лет. В детстве она таскала меня с собой в машине по всему городу — куда он, туда и она. Я помню, как мы часами торчали у какого-нибудь очередного дома, конторы или у лыжной базы, когда он заходил внутрь. Мама все время бормотала что-то себе под нос, в основном бранила Марко, и делала эти записи. Иногда, стоило ему оставить автомобиль у обочины, она вылезала и ломала ему дворники или царапала дверцу, а потом пряталась в нашей машине и смеялась. Она просто помешалась на слежке за ним.

Джози пробежала глазами несколько страниц, ей было не по себе. Большинство записей практически ничем не отличалось от самой первой, двадцатитрехлетней давности, датированной тридцатым марта.

«Марко проехал по Хайленд-стрит. Припарковался на седьмом месте от угла. Опустил в счетчик две монеты по десять центов. Был одет в

серый костюм с бордовым галстуком. Они стояли на тротуаре и разговаривали. Марко три раза рассмеялся. Она прикасалась к его рукаву. Номера машин, припаркованных поблизости: ZXL-33, GGP-40, DIW-07, FNE-82, HUN-61, CMC-75, DFB-93».

Джози закрыла блокнот, оставляя под обложкой исходящее от его страниц ощущение маниакальной одержимости.

— Ничего не понимаю. Зачем твоей маме это понадобилось?

Марко Сиррини был в городе человеком очень знаменитым, но, насколько было известно Джози, настоящих врагов никогда не имел. К стыду своему, она почти ничего не знала о своем отце, за исключением того, что все им восхищались, и тех крох, которыми он изредка делился с ней во время их воскресных прогулок. У него была своя квартира в горнолыжном комплексе, так что дома он даже ночевал крайне редко.

Делла Ли задумчиво провела языком по кривоватым верхним зубам.

— У мамы было не все в порядке с головой, — произнесла она наконец. — И она была слишком красивая для ненормальной. По ее виду никто бы не догадался, что у нее не все дома. В шестнадцать лет она сбежала из дому, потому что отчим при-

ставал к ней. Она бросила школу и устроилась работать кассиршей в супермаркете. Когда она познакомилась с моим отцом, то вообразила, что он станет ее спасителем. Она любила рассказывать мне историю, как однажды в воскресенье сидела на скамейке и пила из бутылки пепси-колу через соломинку, а он подошел к ней и сказал: «Никогда в жизни не видел такой красавицы. Вы позволите угостить вас обедом?» В общем, прямо как в кино. Девять месяцев спустя на свет появилась я. Ей тогда было восемнадцать.

Джози напряглась и смутно припомнила мать Деллы Ли, миниатюрную и хорошенькую, хотя и грубоватую, как и ее дочь, с большими зелеными, как у куклы, глазами.

— Твою маму звали Зеленоглазка Баркер, верно?

— Да.

— По-моему, я довольно часто ее встречала.

— Еще бы. Увязаться за вами во время ваших воскресных поездок было ее любимым занятием.

— Она следила за ним, когда мы гуляли?

Делла Ли кивнула.

Джози посетило ощущение, что ее собственная жизнь и жизнь Деллы Ли начали, точно волокна пряжи, сплетаться в единую нить, образуя це-

лостную картину.

— И ты тоже была с ней?

— Иногда. Но как только я достаточно подросла, чтобы сидеть одной, то стала оставаться дома. Я ненавидела следить за вами. Просто ненавидела. Но тогда она все пересказывала мне, когда возвращалась: куда он тебя возил, как ты смеялась. Иногда я даже затыкала уши, чтобы не слышать. Мне не хотелось знать, что он ведет себя с тобой как примерный папочка.

— А что случилось с твоим отцом?

— Он умер, когда мне было девятнадцать.

— И он позволял твоей матери этим заниматься?

— Не уверена, что он был в курсе. До девяти лет я вообще не знала, кто он такой. Когда я родилась, он откупился от моей матери. Купил ей дом, машину. Купил ее молчание.

— Но зачем ему понадобилось это делать? — спросила Джози в совершенном замешательстве.

— Наверное, чтобы его жена ни о чем не узнала. Но моя маменька, не тем будь помянута, все-таки пошла к его жене. Мне тогда было девять. «Это дочь вашего мужа, — помню, заявила она. — Поглядите на нее. Она — его родная дочь, а он даже знать ее не желает».

— Тебе, наверное, было очень тяжело?

— Вообще-то, после этого все встало на свои места, — сказала Делла Ли. — И я поняла, почему моя мать преследует Марко Сиррини.

— Почему же?

Взгляд Деллы Ли устремился мимо Джози на комнату.

— Я уже была у тебя дома. Тогда, в девять лет. Я стояла в твоей гостиной. Правда, тогда тебя еще не было, так что, наверное, это еще не была твоя гостиная. Я и представить себе не могла, что в доме может быть так красиво. В нем даже пахло богатством.

Джози почувствовала, что начинает замыкаться в себе, отрешаться от этой истории. Нет, нет. Не желает она слышать ее окончание.

— Твоя мать тоже дала моей матери денег. Тоже купила ее молчание. Она далеко не дура, эта Маргарет, — протянула Делла Ли, качая головой. — У Марко вполне могли быть дети, но она единственная могла родить ему законного ребенка. Все были в курсе, что Маргарет и Марко никогда не хотели детей, но через год после того, как Маргарет узнала о моем существовании, на свет вдруг появилась Джози, позднее дитя. Дитя, которое призвано было навеки связать Маргарет

с денежками Марко, что бы ни случилось.

Джози поднялась и попятилась прочь от шкафа. Она запнулась о полы собственного пальто, и пластмассовая диадема слетела у нее с головы. Джози остановилась на другом конце комнаты и в ужасе уставилась на Деллу Ли.

— Привет, сестренка, — произнесла та.

Глава 8
Тянучки

Прошло, казалось, несколько часов.

Они молча смотрели друг на друга. Делла Ли спокойно сидела на полу, поджав под себя ноги и положив руки на колени. Джози тяжело дышала, кипя от злости и возмущения.

— Все! — отчеканила она наконец. — С меня хватит!

— Ну наконец-то! — сказала Делла Ли.

— Я имела в виду, хватит с меня твоих выходок! Я не желаю слушать гадости о моем отце! Все знают, что он был замечательный человек. Он любил маму, а мама любила его! Он спас Болд-Слоуп. — Она дрожащей рукой указала Делле Ли на дверь. — Выметайся!

Делла Ли закатила глаза.

— Пора бы тебе уже повзрослеть, Джози.

Нет, это невозможно. Неужели эту женщину ничем не пронять?

— Так вот почему ты на самом деле решила обосноваться у меня в шкафу. И никакое бегство от Джулиана тут ни при чем. Вы с ним вместе это

придумали?

— Никаких «нас с ним» больше нет. И я от него не сбегала. Он подонок, но бежала я от себя самой.

Делла Ли придвинула коробку обратно к себе и закрыла ее крышкой. Вид у нее был не то немного грустный, не то разочарованный. Ну а чего еще она ожидала? Что стоит ей только заявить, будто Марко Сиррини ее отец, как Джози кинется ей на шею?

— Если тебе нужны деньги, могла бы сразу так и сказать. Я дам тебе денег. И вовсе незачем было ломать комедию и притворяться, будто хочешь мне помочь. — Джози подошла к сумочке, лежащей на кушетке, вытащила чековую книжку, раскрыла ее и достала ручку. — Сколько?

— Не нужны мне твои деньги, — буркнула Делла Ли и спрятала коробку обратно в шкаф.

Джози всплеснула руками.

— Что тогда ты здесь делаешь? Чего ради ты все это затеяла? Зачем поливаешь моего отца грязью?

— Потому что это правда. И я действительно хочу тебе помочь. Вот почему я здесь.

Джози фыркнула, потому что за злостью проще было скрыть совершенно детскую обиду, кото-

рую она испытывала. Надо же было быть такой дурой! Как она сразу не догадалась, что Делла Ли припасла для нее подобную сказочку.

— В том, что ты говоришь, нет ни слова правды!

— И то, что ты влюблена в вашего почтальона, тоже неправда? И то, что ты чувствуешь себя здесь как в ловушке, тоже? И то, что ты пытаешься загладить перед матерью свои детские грехи, о которых она никогда не позволит тебе забыть? Ты спишь и видишь, как бы уехать отсюда. Ты хочешь носить красное. Ты мечтаешь вытащить свою заначку из этого треклятого шкафа и поглощать сладости у всех на глазах!

— У моего отца не было детей от других женщин! — с трудом выговорила Джози, стуча зубами.

— Ты мне не веришь? Спроси у своей матери, — пожала плечами Делла Ли.

— Нет!

Маргарет хватил бы удар, узнай она об инсинуациях Деллы Ли. Джози развернулась и сунула чековую книжку обратно в сумочку.

— Не вздумай подступить с этими глупостями к моей матери. И вообще, никому об этом не рассказывай. Просто скажи мне, чего ты хочешь.

— Ну ладно. Я хочу, чтобы ты связалась с Сэмюэлом Ламаром.

Джози обернулась к ней:

— С бывшим адвокатом моего отца?

— Да.

— А почему я должна связаться именно с ним? — осторожно спросила Джози.

— А кто, по-твоему, занимался перечислением денег, покупкой дома и машины? Договором о неразглашении?

Джози смотрела на нее, не произнося ни слова. Происходящее не укладывалось у нее в голове. Как она могла довести до такого? Надо было в первый же день выставить Деллу Ли за порог.

— Прекрасно, — произнесла она в конце концов. — Я напишу ему прямо сейчас.

Джози подошла к столу и вытащила лист бумаги. Адреса мистера Ламара она не помнила, но он был в записной книжке на первом этаже. Она каждый год посылала ему открытку на Рождество в Массачусетс — он переехал туда к дочери.

— Только давай условимся прямо сейчас, что ты уедешь, когда я получу от него ответ. Когда он напишет, что у моего отца никогда не было других детей, кроме меня, ты покинешь этот дом и никогда больше не покажешься мне на глаза.

Поняла?

— Конечно, — ответила Делла Ли. — Но позвонить было бы быстрее.

— У меня нет его телефона. Только адрес его дочери в Массачусетсе.

— А о справочной службе ты никогда не слышала?

— Я не знаю, как фамилия его дочери по мужу.

— Можно у кого-нибудь выяснить.

— Я ему напишу.

— Если бы ты по-настоящему хотела узнать правду, ты бы позвонила.

— Я и так знаю правду, Делла Ли. Мне не нужны доказательства. — Джози закрыла глаза и потерла лоб. — Тебе никогда не приходило в голову, что я иду на это, чтобы дать тебе время подготовиться к отъезду? Все обдумать.

— Нет. Даже мысли такой не было.

— Через неделю, от силы через две я получу ответ. — Джози поднесла ручку к бумаге. — Этого времени тебе должно хватить.

— Ладно. Только не забудь поинтересоваться у него обо всех романах Марко. Спроси его о еще одной женщине, кроме моей матери, от которой он откупился.

Джози уже успела вывести на бумаге: «До-

рогой мистер Ламар». Она перестала писать и повернулась к Делле Ли. Она чувствовала себя совершенно опустошенной, и больше всего ей в эту минуту хотелось сладкого. Сейчас она допишет это письмо, наберет в своем шкафу полную пригоршню конфет, закроет дверь, чтобы не видеть Деллу Ли, и будет есть, есть, есть, пока не отступит это ощущение опустошенности.

— Это уже перебор, ты не находишь?

— Марко все делал с размахом.

— Ей-богу, ты начинаешь действовать мне на нервы. В моей жизни осталось хоть что-нибудь, что ты не полила бы грязью?

Она снова взялась за ручку.

«Прошу прощения за неожиданное письмо. Надеюсь, вы находитесь в добром здравии».

— Не знаю. Дай-ка мне взглянуть на твои зубы.

— По-моему, я тебя ненавижу.

«Не так давно до меня дошли неприятные слухи, которые только вы, как адвокат и давний друг моего отца, можете опровергнуть. Обратиться с этим вопросом к матери я не могу. Не хочу ее расстраивать».

— Даже в самых дружных семьях сестры и братья конфликтуют друг с другом, — пожала плечами Делла Ли. — Обычное дело.

«Были ли у моего отца другие дети? В частности, был ли у него ребенок от Зеленоглазки Баркер?»

* * *

Хлое отчаянно не терпелось попробовать чай из крапивы. А вдруг он — именно то средство, благодаря которому в ее жизни все наладится? Ее охватило возбуждение, хотелось поскорее почувствовать себя лучше. Она выпьет чай и сразу поймет, как ей быть дальше. Она примет решение, с которым сможет жить, и боль наконец-то отступит. В четыре часа она сдалась и закрыла кафе.

На выходе Хэнк поинтересовался, куда это она так спешит, и она радостно ответила, что идет домой пить чай. Больше никаких вопросов он задавать не стал, только поглядел с сочувствием, как будто, порвав с Джейком, она потеряла рассудок. Хлоя отогнала от себя мысль о том, что это может оказаться не так уж и далеко от истины.

Войдя в квартиру, она бросила пальто и сумку на пол и направилась прямиком на кухню, нашла заварочную кружку и вскипятила в микроволновке чашку воды. Однако когда наконец сделала первый глоток, то с удивлением обнаружила, что чай горчит. Она ожидала, что он будет слаще,

но сахар класть не стала из опасения, что он может разрушить волшебство, и проглотила все до конца. Потом немного постояла неподвижно, сжимая в ладонях еще теплую чашку, в надежде на немедленный эффект. Ничего не произошло.

Она поставила чашку и принялась расхаживать по кухне. Это было даже хуже, чем ожидание результатов теста на беременность, который она делала два года назад. Они с Джейком сразу условились повременить с детьми до тех пор, пока не поженятся и не встанут на ноги, чтобы не быть ничем обязанными родителям Джейка. Ей тогда было очень страшно, а Джейк обрадовался. Результат, разумеется, оказался отрицательным, но она до сих пор помнила, какое ликование вызвала у него мысль о том, что он станет отцом.

А вдруг он именно поэтому и изменил ей? Вдруг ему так сильно хотелось ребенка, что он готов был получить его от другой женщины?

Полчаса спустя она пришла к трем твердым решениям. Во-первых, решила вечером вместо обычного душа принять ванну. Во-вторых, решила съесть на ужин пиццу с песто. И в-третьих, решила, что пропылесосить ковер вполне можно и на следующей неделе.

В том же, что касалось Джейка, никаких реше-

ний найдено не было.

Она прекратила расхаживать по кухне, ощущая, как в тело возвращается знакомая тяжесть, придавливая к земле. Ничего не вышло. Чай не собирался подсказывать ей, что делать.

Она перебралась за стол в гостиной и положила голову на столешницу, прижавшись щекой к гладкой прохладной поверхности. К горлу подступил комок. Ну с чего она взяла, что все будет так просто? Хлоя зажмурилась, потом снова открыла глаза, поморгала несколько раз, пока перед глазами не перестало расплываться. Перед носом у нее оказались солонка и перечница, а между ними была засунута салфетка с записанным на ней телефоном Джулиана. Она сама затолкала ее туда несколько дней назад.

Хлоя вытащила ее, выпрямилась и застыла, глядя на нее.

Все вернулось на круги своя. Чтобы решить, сможет ли она простить Джейка, ей нужно узнать, кто заставил его оступиться. Пока она этого не узнает, ничего не изменится.

Из кухни донесся шорох, еле уловимый шум, похожий на мышиную возню, и Хлоя оглянулась на дверь. Ее глазам предстало изрядно потрепанное «Искусство прощения», успевшее столкнуть

с кухонного стола бумажный кулек с листьями крапивы.

Она подняла пакет и спрятала его в ящик.

— Прекрати сейчас же, — велела она устроившейся рядом с тостером книге.

Когда она вернулась в столовую, поверх салфетки с телефоном Джулиана лежала «Старая любовь рождается вновь».

Известный фокус с отвлечением внимания.

Хлоя со вздохом раздражения вытащила салфетку из-под книги, подошла к телефону и быстро набрала номер, чтобы оставить за собой последнее слово в этом споре.

— Да? — ответил Джулиан.

Его голос подействовал на нее до странности успокаивающе. Хлоя уселась на пол, прямо где стояла. Вот до чего он был хорош.

— Джулиан, это Хлоя.

— Хлоя, милая, я давно жду твоего звонка.

— Прошу прощения за субботний вечер.

— Не стоит извиняться. Я знаю, что творится на душе у мужчины, когда он думает, что потерял самую большую любовь в своей жизни.

— Еще бы, — с сочувствием сказала она. — От твоей подружки так и нет никаких вестей?

— Нет, тишина.

— А… э-э… о том, с кем мог переспать Джейк, ты ничего больше не слышал?

— Вообще-то, слышал. Но я обижен. Неужели ты позвонила только за этим?

— Нет! — поспешно заверила она, испугавшись, что задела его. — Нет, конечно же нет.

— Давай встретимся где-нибудь вечерком, и я все тебе расскажу.

— А почему не сейчас?

— Потому что мне нравится думать, что я мог бы стать для тебя другом, человеком, с которым можно разделить свое горе, а не просто источником информации о твоем неверном дружке.

Это звучало разумно. Во всяком случае, Хлое так показалось.

— В «Джиггериз» нам нельзя. Там может быть Джейк.

— По будням я обычно зависаю в «Найт-Лайт». Встретимся там часиков в девять.

Не успела Хлоя отказаться, как Джулиан уже повесил трубку.

Она не сразу сумела подняться, а прежде чем вновь обрела способность передвигаться, прошло еще несколько минут. Разумеется, она пойдет в «Найт-Лайт» на встречу с Джулианом и все выяснит. Но это не значит, что она пойдет туда

в одиночку. Заведение пользовалось дурной славой.

Хлоя в задумчивости закусила губу, потом подошла к сумочке, отыскала визитку, на которой Джози записала свой телефон, и начала набирать номер.

Ее соединили, и она услышала голос Джози:

— Да, я знаю, это мой телефон, но я никогда раньше не слышала, как он звонит. И ты всерьез считаешь, что можешь помешать мне добраться до конфет, если встанешь у меня на пути? То есть как это — «уже ответила»? Ой. — В трубке раздался шорох, потом голос Джози произнес: — Слушаю?

— Джози?

— Да.

— Это Хлоя. Я не вовремя?

— Нет-нет, — засмеялась Джози, но Хлое ее смех показался вымученным. — Просто я редко пользуюсь сотовым. Никак не могла сообразить, как ответить на звонок.

— Я хотела спросить, ты не могла бы оказать мне одну услугу?

— Ну конечно. Что случилось?

Ей понравилось, что Джози согласилась сразу, не зная даже, о чем ее попросят. На душе у Хлои

потеплело. Вот поэтому она и позвонила Джози.

— Я понимаю, что это не очень удобная просьба, но не согласилась бы ты сегодня вечером сходить со мной в бар?

— В бар, — эхом отозвалась Джози.

— Просто я никогда раньше там не была, и мне было бы спокойнее, если бы кто-нибудь пошел туда вместе со мной.

Повисла долгая пауза.

— Вообще-то, я никогда в жизни не бывала в баре, — призналась Джози.

— Вот тебе подходящий случай исправить это упущение. Я не стала бы просить, если бы это не было важно. Один человек обещал раздобыть для меня важную информацию о Джейке.

— И что это за информация?

Хлоя потерла переносицу. Ей не хотелось говорить об этом Джози. Она знала, что ее слова прозвучат жалко.

— Он знает, с кем переспал Джейк, — призналась она наконец.

— Хлоя, — очень мягко произнесла Джози, — ты действительно хочешь это знать?

— Я должна это знать. Пожалуйста, пойдем со мной.

Джози тяжело вздохнула.

— Ладно. Пошли.

* * *

«Найт-Лайт» находился на извилистой улице, ведущей к горнолыжному комплексу. Он стоял чуть в глубине от дороги, среди деревьев, а перед ним простиралась большая парковка, усыпанная гравием. «ГАМБУРГЕРЫ! КАРАОКЕ! ХОЛОДНОЕ ПИВО!» искушала вывеска у дороги. Джози решила, что этим призывом, очевидно, завлекали студентов, едущих кататься на лыжах, но, судя по тому, что открылось взглядам девушек, когда они вошли, со временем заведение превратилось в место сборищ небритых субъектов во фланелевых рубашках и немногочисленных ребят помоложе, приходивших поиграть в бильярд в задней комнате.

По крайней мере, здесь можно было не слишком опасаться, что кто-то узнает Джози и расскажет матери.

Они остановились у двери, чтобы глаза привыкли к полумраку.

— Я пока его не вижу. Давай возьмем что-нибудь выпить, — предложила Хлоя и направилась к стойке бара.

Джози двинулась следом за ней; она чувствова-

ла себя не в своей тарелке, как будто все на нее таращились. Хлоя продиктовала ей свой адрес — она жила в доме, который назывался «Пожарная часть», в центре, — и Джози заехала за ней после того, как Маргарет улеглась спать. Когда Делла Ли узнала, что Джози идет в бар с Хлоей, она даже взвизгнула от радости, но Джози до сих пор не простила ее за то, что она наговорила о ее отце, и ушла, не воспользовавшись ни одним из непрошеных советов относительно ее наряда. Ей пришлось пожалеть об этом, когда Хлоя, едва открыв ей дверь, бросила всего один взгляд на то же самое черное платье и пальто, в котором она была днем, и сняла с вешалки пестрый красно-желтый шарф в поперечную полоску. Она обмотала его вокруг шеи Джози со словами:

— Ну вот, хотя бы одно яркое пятно. Превосходно!

Очутившись у барной стойки, Хлоя заказала себе лимонный коктейль, и Джози последовала ее примеру. Когда им принесли заказ, Джози притворилась, будто пьет. Она пыталась завести разговор, но Хлоя была рассеянной, поминутно озиралась по сторонам и то и дело повторяла:

— Он же сказал, что придет.

Два часа спустя Хлоя была пьяна в стельку, а

Джози ломала себе голову, как же заставить ее уйти. Все ее попытки натыкались на неизменное сопротивление. Ей не удалось даже помешать Хлое позвонить Джейку и заплетающимся языком наговорить ему на автоответчик невнятное сообщение о том, что она в «Найт-Лайт» и прекрасно проводит время без него. Впрочем, до правды ее словам было далеко. Никогда еще Джози не видела Хлою такой жалкой. Несмотря на все события этого дня, Джози очень хотелось позвонить Делле Ли. Уж она бы придумала, что делать. Хлоя заказала себе очередной мартини, и Джози зажмурилась от отчаяния. У нее раскалывалась голова, и ей нужно было в туалет, но она боялась идти туда в одиночку, а у Хлои, по всей видимости, мочевой пузырь был размером с Монтану.

Как на ее месте поступила бы Делла Ли?

Делла Ли взяла бы положение в свои руки. Она не стала бы миндальничать.

Улучив момент, когда бармен отвернулся, Джози велела Хлое:

— Отмени заказ. Мы уходим.

— Нет, Джози, нужно еще немножко подождать, — принялась канючить Хлоя. — Всего несколько минуточек. Ну пожа-а-а-алуйста!

— Он не придет, Хлоя.

— Он обещал. Он сказал, что будет ждать меня здесь и расскажет, с кем переспал Джейк.

— Значит, он тебя обманул. Дайте ей чашку кофе, — велела она бармену, потом обернулась к Хлое. — Я в уборную, а когда вернусь, мы пойдем.

Она сползла с высокого табурета и направилась в дамскую комнату. Ха! Это оказалось просто, как пряник. Как пряник с лимонной глазурью. Вкусный и сладкий пряник, источающий аромат пряностей, меда и патоки.

Она решила, что по пути домой заедет купить пряник и съест его весь до крошки.

После такого дня она его заслужила.

Через несколько минут она вернулась в полутемный зал, но не прошла и нескольких шагов, как остановилась словно вкопанная.

Она быстро отвернулась в сторону, глаза ее расширились и заметались из стороны в сторону; она не знала, что делать. Ну вот, попыталась она изобразить из себя Деллу Ли — и что из этого вышло?

Она накликала Джулиана.

Джози украдкой оглянулась. Да, это определенно был он. Но какого черта он здесь делает? Джулиан сидел рядышком с Хлоей, и обоих

окружало облако того розовато-черного дыма, который способны различить только женщины из бара. Они склонялись друг к другу, улыбались, смеялись. Этот дым оплетал Хлою, она казалась совершенно зачарованной. Без посторонней помощи ей было не вырваться.

Джози потерла разламывающийся от боли лоб. Как поступила бы Делла Ли?

Если в деле был замешан Джулиан, Делла Ли дала бы деру.

Значит, бежать. Прекрасно, так она и сделает.

Только сначала прихватит с собой Хлою.

В баре было довольно темно, и это давало надежду, что Джулиан не узнает в ней женщину, которая побывала у него в доме. Джози бочком подобралась к этой парочке, как будто исполняла какой-то замысловатый танец под песенку из музыкального автомата, и, держась спиной к Джулиану, вклинилась между ними, схватила со стойки Хлоины пальто и сумку.

— Идем, Хлоя. Нам пора.

— Нет, не нужно никуда уходить! — радостно возразила Хлоя. — Вот видишь, Джулиан все-таки пришел! Джулиан, это Джози.

Джози захлопала глазами. Хлоя пришла сюда, чтобы встретиться с Джулианом?!

— Очень приятно, — промурлыкал Джулиан и отклонился вправо, пытаясь разглядеть лицо Джози. — Где-то я тебя видел. Я сразу это понял, как только вошел и увидел вас с Хлоей. Повернись-ка, красотка. Взгляни на меня.

Он коснулся ее руки, она шарахнулась от него и очутилась с ним лицом к лицу.

— Это Джози Сиррини. Сиррини. Она богатая, — сообщила Хлоя.

Джози попыталась стянуть Хлою с табурета.

— Слезай. Мы уходим.

Хлоя обеими руками уцепилась за стойку и даже не думала сдвинуться с места.

— Не могу. Я еще не узнала, как ее зовут.

— Слезай давай.

— Оставь девочку в покое, — сказал Джулиан. — Я отвезу ее домой.

— Нет уж.

Джози продолжала дергать Хлою, но та намертво вцепилась в стойку, и чем настойчивей Джози тянула, тем крепче Хлоя держалась.

— Я точно уверен, что где-то тебя уже видел, — заявил Джулиан.

Внезапно из-за плеча у нее послышался голос:

— Хлоя? Джози? У вас все в порядке?

Джози отпустила Хлою, а та, в свою очередь,

немедленно отцепилась от стойки. Обе обернулись.

— Адам! — изумилась Хлоя. — Что ты здесь делаешь?

Адам нахмурился. Его вид не предвещал ничего хорошего, и все же никогда еще в жизни Джози не была так рада видеть кого-то. На нем была коричневая куртка из мягкой кожи поверх свитера с высоким горлом и синий шарф в точности того же оттенка, что и его глаза. Он выглядел сногсшибательно.

— Ты сама мне позвонила, Хлоя, и оставила сообщение на автоответчике.

— Я? Тебе?

— Очевидно, это сообщение предназначалось Джейку.

— Ой! — Она ухватила Адама за руку и подтащила поближе. Джози пришлось отступить на шаг, чтобы он не врезался в нее. — Адам, познакомься, это Джулиан.

Адам даже не взглянул на него.

— Идем, Хло, — сказал он, пытаясь стащить ее с табурета.

Хлоя немедленно вцепилась обратно в стойку. Джози так и подмывало хмыкнуть: «Желаю удачи. Она хуже пиявки».

— Постой-ка, — неожиданно произнес Джулиан, и Джози решила, что он пытается помешать Адаму увести Хлою, однако он смотрел прямо ей в глаза. Это стало для нее шоком, который отозвался болезненным покалыванием где-то между лопаток. — Ты! — Он ткнул в нее пальцем. — Я знаю, кто ты такая. Это ты влезла ко мне в дом! Ты украла мой бумажник!

— Не стойте столбом, Джози, — рявкнул Адам. — Помогите мне увести Хлою.

— Где мои деньги, ты, тупая корова?!

Дальнейшее произошло так стремительно, что Джози показалось, будто мимо нее пронесся вихрь. Джулиан начал подниматься, и тут Адам вдруг развернулся и без предупреждения врезал ему в челюсть. Джулиан рухнул навзничь; гул голосов вокруг утих, все уставились на них.

— Вставай, Хлоя. — Адам буквально подхватил девушку с табурета и оторвал от стойки. — Джози, за мной, живо.

Джози стояла столбом и смотрела, как Адам то ли несет, то ли тянет Хлою к выходу.

— Джози, черт побери, я со своей ногой с вами обеими не управлюсь. Живей!

Усилием воли она заставила себя сдвинуться с места, потом бросилась к двери и распахнула ее,

чтобы Адам мог вытащить Хлою на улицу.

— Джулиан! Джулиан! — кричала Хлоя. — Мне очень жаль! А ну, отпусти меня!

После прокуренной атмосферы бара ночной воздух подействовал на Джози как ледяной душ. Было тихо и холодно, и у нее немедленно заложило уши.

— Кто был за рулем? — рявкнул Адам, удерживая вырывающуюся Хлою.

Джози приоткрыла рот, чтобы не так сильно закладывало уши.

— Кто был за рулем?!

— Я… я.

— Где ваша машина?

— Вон там.

Адам зашагал по хрусткому гравию к машине.

— Открывайте, — бросил он на ходу.

Джози поспешила за ним и дистанционным пультом отперла замок. Он распахнул заднюю дверцу, и они совместными усилиями запихали брыкающуюся, с всклокоченными рыжими волосами и осыпавшимися с век блестками Хлою на сиденье.

— Садитесь рядом с ней и давайте сюда ключи.

Джози заколебалась, и он раскрыл рот, чтобы что-то сказать.

— Ладно, ладно, — поспешно проговорила она и передала ему ключи, а сама плюхнулась на заднее сиденье рядом с Хлоей.

Адам захлопнул дверцу, торопливо обогнул автомобиль и уселся за руль.

Машина сорвалась с места и выехала с парковки.

Если не считать все более нечленораздельных протестов Хлои, которую Джози закутала в ее пальто, в салоне царила неловкая тишина. Джози обняла Хлою за плечи, и вскоре ее голова покоилась на плече Джози.

Пока они ехали к дому Хлои, Адам не проронил ни слова. Он продолжал хранить молчание, даже когда они вдвоем несли Хлою по крутой лестнице, делившей старое здание пожарной части на четыре квартиры. Джози вытащила из Хлоиной сумочки ключи и открыла дверь.

Вслед за Адамом она прошла в спальню. Подавляющую часть этой комнаты с красными кирпичными стенами занимала огромная кровать с массивным изголовьем из черного дерева. Это была явно мужская квартира. С трудом верилось, что Хлоя жила в этом доме. Нигде не было заметно ее присутствия. Во всей квартире не оказалось даже ни единой книжной полки.

Как такой человек, как Хлоя, может жить без книжных полок?

Как только они устроили Хлою на кровати, Адам напустился на Джози.

— Как вы могли позволить ей так набраться? — бушевал он. — Вы тоже пили?

Ни разу еще она не видела его в ярости, не говоря уж о том, чтобы эта ярость была обращена на нее. Очень немногие из ее знакомых способны были по-настоящему разозлиться. В их среде принято было возмущаться, отпускать пренебрежительные замечания и тонкие шпильки, замаскированные под комплименты, но неприкрытую ярость демонстрировали редко.

— Я ничего не пила, — отрезала она. — И я пыталась увести ее оттуда. Я понятия не имела, что она собиралась встретиться там с Джулианом.

— Так вы знаете этого типа? Только не говорите, что вы в самом деле влезли к нему в дом и украли его бумажник.

Она немного поколебалась, потом сказала:

— Это был не его дом и не его бумажник.

— Вы украли чужой бумажник? — поразился он.

— Ничего я не крала. Это был бумажник моей подруги, и я его ей вернула.

На скулах у Адама заиграли желваки.

— Что на вас нашло в последнее время? Ваша мать в курсе ваших похождений?

Этот вопрос стал последней каплей.

— Мне двадцать семь лет! При чем здесь моя мать? Но все вокруг считают меня такой, да? Бедная Джози! Толстая, нелюдимая, до сих пор ходит на помочах у своей матушки, как жаль, что у такого отца выросла такая дочь! Я устала беспокоиться о том, что люди подумают обо мне и какого мнения они были обо мне в детстве! И я устала от таких взглядов! — бросила она, кивнув в его сторону.

— Каких взглядов?

— Сочувственных!

Адам даже отступил на шаг, как будто она напугала его. Не будь Джози в таком бешенстве и не переживи такого поганого дня, она, пожалуй, засмеялась бы.

— Послушайте, — заметил он, — я просто пытаюсь сказать, что Хлое сейчас приходится особенно нелегко. Вам следовало бы подтолкнуть ее обратно к Джейку, а не таскаться вместе с ней по кабакам.

— Знаете что? По-моему, вы понятия не имеете, что для нее хорошо, а что плохо, — огрызнулась

Джози, и это неожиданно оказалось очень приятно. Ее так и подмывало поспорить, поругаться, положить конец этому постоянному ощущению, что она не властна ни над чем, кроме того, что она отправляет в рот. — Вы просто хотите, чтобы она выбрала путь наименьшего сопротивления, потому что так спокойней.

— Вот именно!

— Ну так у меня для вас новость. Спокойная жизнь — удел трусов. И я не собираюсь никуда ее подталкивать. Это ее личное дело. Вернется она к Джейку или нет, меня не касается, и вас, если уж на то пошло, тоже.

— Джейк сейчас живет у меня, поэтому я сказал бы, что некоторым образом все же касается, — возразил он.

— Нет, не касается.

Он нетерпеливо отмахнулся:

— Вы ничего не понимаете.

— Понимаю достаточно, чтобы не вмешиваться. Вот, например, я знаю, что у вас есть секрет. Но разве я хоть раз спросила вас о нем? Нет!

Ее слова стали для него неожиданностью. Он даже помолчал пару секунд, прежде чем переспросить:

— Что?

— Вы что-то скрываете. Вернее, скрываетесь от чего-то. Я сразу же это поняла, как только вас увидела.

Он склонил голову набок и посмотрел ей в глаза.

— Что-то вы много всего сразу же поняли, как только меня увидели.

В комнате внезапно стало тихо. Он только что сообщил ей, что все знает. Он знает, что она влюблена в него. Джози словно с размаху отхватила кусок острого красного перца. Жгучее смущение засело где-то глубоко у нее в груди, и ничего с этим поделать было нельзя, нужно было просто перетерпеть это, дождаться, когда оно утихнет. Когда Адам заговорил снова, его голос звучал уже мягче.

— Давайте вы лучше ее разденете.

Еще не легче. Теперь он снова начал ее жалеть.

Адам вышел из комнаты, и Джози со вздохом потянулась снять с Хлои сапоги. Ей даже удалось стащить пальто и джемпер, так что Хлоя осталась в одной футболке. Потом Джози сняла с нее часы и серьги, укрыла одеялом и принялась озираться по сторонам в поисках еще какого-нибудь дела. В конце концов она сложила пальто с джемпером

в изножье кровати и поставила сапоги на полу рядом со шкафом.

Когда дальше тянуть стало невозможно, она наконец пошла к выходу из спальни.

У двери она оглянулась и увидела на тумбочке у кровати стопку из трех книг. Они лежали на самом краю и словно присматривали за Хлоей. В прошлый раз Джози их не заметила.

Она набрала воздуха, как перед прыжком, и открыла дверь. Адам сидел на диване и ждал ее.

— Верните мне ключи, — сказала она, подойдя к нему. — Я отвезу вас к бару, заберете свою машину.

— Незачем вам туда ехать. — Он вскинул на нее глаза, с отсутствующим видом поигрывая связкой ключей от машины. — Утром Джейк меня подбросит.

— Тогда верните мне ключи, и я отвезу вас домой.

Внезапно он поднялся и двинулся к двери, едва не задев Джози.

— Я сам поведу, — бросил он.

— Я же сказала вам, я ничего такого не думала.

— Я сам поведу.

Он открыл дверь и застыл на пороге.

Нет, эта ночь никогда не закончится. Джози

подошла к двери и вышла на площадку. Дверь захлопнулась, и она услышала за спиной его шаги. Машину они оставили на стоянке перед домом незапертой, так что Джози прямиком направилась к пассажирскому сиденью и уставилась прямо перед собой, пока он устраивался за рулем.

— У вас… неплохая машина, — заметил он, когда заработал двигатель.

— Что? — немедленно ощетинилась она, потому что он произнес это таким тоном, каким люди обычно говорят об аляповатой мебели.

Когда ездишь на машине, которой не постеснялся бы сам Либераче,[3] без чувства юмора не обойтись, но сегодня Джози не готова была выслушивать шутки на эту тему. Не от него.

— Это ведь «кадиллак», — сказал он, выворачивая на улицу.

— И что?

— Его выбрала ваша матушка?

— У мамы нет водительских прав. Это моя машина. Я сама ее купила.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Да, это она ее выбрала. Пришлось специаль-

---

[3] Примечания: 3

Известный в Америке музыкант и шоумен Владзю Валентино Либераче (1919–1987) стал олицетворением вульгарной роскоши.

но заказывать. — Джози могла бы поклясться, что он улыбнулся. — Только не надо сразу строить эту вашу самодовольную мину.

— Самодовольную мину?

— Да, как будто вы с облегчением вернулись к тому стереотипу, который у вас обо мне сложился.

Всю оставшуюся дорогу он, похоже, обдумывал ее слова. Вскоре они свернули к обочине и остановились позади еще одной машины.

Джози знала этот район; его невозможно было спутать ни с каким другим, потому что дома с одной стороны улицы располагались на склоне горы высоко над проезжей частью; чтобы добраться до них, необходимо было подняться по крутой бетонной лестнице. Здешние дворы представляли собой почти отвесные лужайки, стричь которые, должно быть, сущее мучение.

Адам жил в обшитом вагонкой одноэтажном доме с большим окном почти во весь фасад. К удивлению Джози, личность хозяина не отложила на него практически никакого отпечатка. Адам жил здесь, но его жилищем назвать это было нельзя.

— Значит, вот где вы живете, — сказала она.

Адам заглушил двигатель.

— А вы не знали?

— А откуда мне было знать?

Значит, он узнал, что Джози к нему неровно дышит, и вообразил, что она должна следить за ним? Она сердито сползла с пассажирского сиденья и двинулась к водительской дверце, но на полпути столкнулась с Адамом. Они припарковались почти вплотную к стоящей впереди машине, поэтому обойти его, при этом не задев, не могла, а уж что он себе при этом навоображал бы, один бог знает. Ей не оставалось ничего иного, как ждать, когда он отойдет.

Адам остановился перед ней. В свете фар его лицо и волосы, когда он взглянул в сторону своего дома, казалось, излучали сияние. Он был такой красивый, что у нее перехватило дыхание.

— Похоже, Джейк уже дома, — заметил он. — С тех пор как они с Хлоей разошлись, он постоянно засиживается на работе допоздна и выходные тоже прихватывает. Хорошо, что я первым услышал Хлоино сообщение на автоответчике.

— Вы ему расскажете?

— Нет. — Он неожиданно взглянул на Джози, и она с трудом подавила желание отступить. Его взгляд скользнул к ее шее. — Знакомый шарфик.

Она пожала плечами:

— Это Хлоя заставила меня его надеть.

— С чего бы ей заставлять вас надевать его? — осведомился Адам таким тоном, как будто ничего более нелепого в жизни своей не слышал.

— Она сказала, что это будет яркое пятно.

Адам Босуэл, эксперт в области моды? А, ну конечно, теперь, когда узнал, что она к нему неравнодушна, он возомнил себя вправе во всем критиковать ее. Как можно продолжать любить человека, который, узнав, что она влюблена в него, пришел от этого в ужас? А ведь так и произошло.

— Это шарф Джейка, — сказал Адам и протянул к нему руку.

Джози шарахнулась, и он заколебался, но потом, похоже, пришел к выводу, что она не намерена спасаться бегством, и, сжав конец шарфа, осторожно потянул за него. Холодный воздух обжег голую шею, и Джози поежилась.

Она непроизвольно потянулась прикрыть горло, и Адам заметил этот жест. Он снял свой голубой шарф и завязал ей вокруг шеи, мимолетно коснувшись ее руки. Джози могла лишь изумленно глядеть на него. Несколько немыслимо долгих секунд он смотрел на нее в ответ, не выпуская из рук концов шарфа, как будто хотел удержать,

потом наконец разжал руки и протиснулся мимо нее. Он взбежал по крутым ступеням и исчез за дверьми дома.

* * *

Вернувшись домой, Джози долго стояла на крыльце в темноте и сжимала в руках шарф Адама, потом неохотно повесила его на почтовый ящик. Это был жест жалости с его стороны, а ей не нужна его жалость! И шарф его ей не нужен.

Впрочем, тут она очень сильно кривила душой.

Нет, конечно, не в том, что ей не нужна его жалость, а в том, что ей не нужен его шарф. О, как ей хотелось оставить его себе! Она спала бы с ним, танцевала с ним, утыкалась бы в него носом. Вот только, наверное, именно этого Адам от нее и ждет, а такого удовольствия она ему не доставит.

Она всегда знала, что он ее не любит, но ей было легче переносить это, пока он не подозревал о ее влюбленности. Тогда они были равны. Теперь же он знал, что обладает властью над ней. Это было нечестно. Джози пообещала себе, что не станет больше каждый день выскакивать на крыльцо, чтобы только увидеть его. Не будет она сохнуть по нему, как какая-нибудь глупышка с сердцем

мягким, точно перезрелый летний плод.

Она тихонько отперла входную дверь, жалея, что так и не заехала по дороге за пряником, потом на цыпочках вошла в темный дом и осторожно закрыла за собой дверь.

Когда она обернулась, перед ней стояла Хелена с вытаращенными от испуга глазами.

Джози от неожиданности взвизгнула, и Хелена немедленно завизжала в ответ. Джози поспешно прикрыла одной рукой рот служанки, а другой — свой собственный. Они немного постояли молча, опасаясь, что разбудили Маргарет.

Однако сверху не донеслось ни звука, и Хелена отняла ладонь Джози от рта, чтобы сказать:

— Олдси! Я тебя ждать!

— Спасибо, Хелена. Я ценю.

— Нет, я надо кое-что тебе дать! Ты ждать здесь! Ладно? — Хелена скрылась у себя в спальне, просторной комнате под лестницей, и через миг выскочила обратно с небольшим марлевым пакетиком. — Вот. Это спать.

Джози взяла пакетик. В марлю оказалась завернута небольшая косточка, не более трех дюймов в длину.

— Хелена, честное слово, не надо… что это? Кость какого-то животного?

— Плохая вещь еще здесь, — прошептала Хелена.

— Какая «плохая вещь»?

— Не знаю. Плохая.

— Ты видела ее своими глазами?

— Нет.

Хоть что-то. Оставалось только в течение еще нескольких недель мешать Делле Ли попасться кому-нибудь на глаза, а Хелене не дать заняться ее изгнанием.

— Все хорошо. Все под контролем. Плохая вещь скоро уйдет, даю слово. Мне это не нужно.

Она попыталась отдать марлевый пакетик с костью обратно служанке.

На лице Хелены отразилось упрямство.

— Брать.

— Мне не нуж…

— Брать-брать-брать-брать.

— Ладно, — сдалась Джози. — Спасибо.

— Олдси хороший девочка, — сказала Хелена и, удовлетворенная, скрылась у себя в комнате.

На некоторое время.

* * *

— Чем скорее я сплавлю тебя из дома, тем лучше. Хелена с ума сходит, — сказала Джози Делле

Ли, открыв дверь в шкаф.

Сначала она намеревалась вообще не заглядывать в шкаф, а просто лечь спать, наплевав на Деллу Ли. Но в деле была замешана Хлоя, и нужно было решить, что делать с Джулианом. Без Деллы Ли не обойтись. Вот незадача.

Делла Ли рассмеялась. Она вела себя как ни в чем не бывало, словно тот их разговор, когда она заявила Джози, что Марко Сиррини — ее отец, не был для нее ничем из ряда вон выходящим. Так, пустячок.

— С ней не соскучишься. Вчера вечером она гонялась за мной внизу в темноте.

Джози опустилась на пол.

— Она гонялась за тобой? Господи, она ведь могла вызвать полицию. Прекрати донимать ее.

— А что это у тебя в кармане? — встревожилась вдруг Делла Ли и отодвинулась от Джози подальше.

— В кармане? — Джози сунула руку в карман платья. — А-а. Это Хелена дала. Откуда ты узнала?

— Она торчала. Что это? Кость?

Джози пожала плечами.

— Наверное.

— Фу. Держи ее подальше от меня. — Она убе-

дилась, что Джози убрала талисман подальше, и только потом спросила: — Ну, как вы с Хлоей, повеселились?

— Нет, — сердито бросила Джози, растянулась на полу, как при ней неоднократно поступала Делла Ли, и уставилась в потолок.

— А что случилось?

— Знаешь, с кем она говорила? — спросила Джози. — С кем она собиралась встретиться в баре?

— С кем?

Джози повернула голову, чтобы видеть выражение лица Деллы Ли.

— С Джулианом.

Делла Ли только глазами захлопала:

— С моим Джулианом?

— С ним самым.

— Обалдеть! У меня недавно возникло ощущение, что Джулиан уже положил глаз на кого-то еще, но я и подумать не могла, что это Хлоя! Пусть она держится от него подальше, Джози. Она ему не пара, особенно в ее теперешнем состоянии. Откуда она вообще его знает?

— Понятия не имею!

Джози потерла лицо ладонями.

— Приглядывай за ней хорошенько. Глаз с нее не спускай.

Джози вскинула руки.

— И как прикажешь мне это делать?

— Не знаю. Но этот малый может испортить ей жизнь.

— Как испортил тебе?

— Он просто стал последней каплей. — Делла покачала головой, словно сама себе не веря, как будто оглядывалась на свою жизнь, которая осталась далеко в прошлом. — Но именно это и притягивает к нему женщин, понимаешь? Он уничтожит ее, дав ей то, что, как она считает, ей нужно.

Глава 9
Сладкие снежки

Назавтра Джози предстояло вести мать на ежегодный благотворительный обед, который устраивало Общество баптисток. Джози решила, что перед отъездом должна обязательно позвонить Хлое и узнать, как у нее дела. Сначала она набрала рабочий номер, но трубку никто не взял.

— На работе ее нет, — сказала она и нажала кнопку отбоя.

— По-моему, ты все-таки не умеешь им пользоваться, — подала голос из шкафа Делла Ли. Голова у нее была повязана красным шарфом Новы Берри, и она по очереди примеряла все туфли Джози.

— Я набрала номер, пошли длинные гудки, никто не взял трубку. Что, по-твоему, я делаю не так?

— Я просто высказала свое мнение. Тебе прямо и слова не скажи.

— Я умею пользоваться телефоном, — буркнула Джози и принялась набирать номер Хлоиного

мобильного.

— Слушаю, — после нескольких гудков ответила наконец Хлоя. Голос у нее был больной.

Джози присела на край кровати.

— Хлоя, это Джози. Как ты себя чувствуешь?

— Мне так стыдно за вчерашний вечер, Джози, — сказала Хлоя, и голос у нее задрожал. — Я-то всегда думала, что не из тех женщин, которые так себя ведут, которые так распускаются, но я… я ничего не могу с собой поделать. Я просто не знаю, как жить дальше, и от этого мне очень больно. Сегодня утром я должна была смотреть квартиру, но никуда не пошла. Может, я схожу с ума? Мне кажется, я правда схожу с ума.

Джози заколебалась. Делла Ли с любопытством смотрела на нее.

— Я сейчас приеду, — сказала она наконец.

Как только она повесила трубку, Делла Ли спросила:

— Ты поедешь к ней?

Джози взяла с кушетки свое серое пальто.

— Да.

— Вместо того чтобы везти свою мамочку на благотворительный обед.

— Да.

— О, смотрите-ка, моя девочка взрослеет прямо

на глазах.

— Ты чокнутая, — сказала Джози и вышла из комнаты, на ходу набирая еще один номер телефона.

* * *

Адам заметил шарф, свисающий с почтового ящика, когда уже почти поднялся на крыльцо. Он даже вытащил из ушей наушники.

Вчера, увидев на Джози шарф Джейка, он испытал странное чувство. Хлоя вела себя так, что у него закралось подозрение, не пытается ли она свести Джози и Джейка. Ему это было не по душе. В его понимании Джейк и Хлоя были… в общем, они были Джейк и Хлоя. И тут вдруг появляется Джози в Джейковом шарфе, который, если на то пошло, должна носить Хлоя. Но когда он снял с Джози шарф, собственного у нее не оказалось, так что он, разумеется, отдал ей свой. Было холодно. Она застудила бы горло.

Значит, она не захотела оставить его себе, хотя, по его мнению, влюбленная девушка именно так и поступила бы. Ну и подумаешь, в конце концов, не обручальное же кольцо она ему вернула. Стоп, выходит, сегодня они не увидятся? Она что, разозлилась на него? Вчера вечером он повел себя с

ней довольно резко. Но одна мысль о том, что они с Хлоей не придумали ничего умнее, чем отправиться в «Найт-Лайт»… а потом еще этот сукин сын назвал ее тупой коровой! Адам вспомнил об этом и опять разозлился.

Он забрал шарф и положил в ящик почту, потом поколебался и покосился на дверь.

К этому моменту Джози обычно уже появлялась на крыльце.

Адам взглянул на дорогу. Ее машина стояла на месте.

Он медленно пошел к лестнице, на ходу вытаскивая пакет для Фергюсонов. Потом остановился и снова оглянулся на дверь.

Да где же она?

Он пошел дальше. Ладно, хочет его избегать — пусть избегает. Так еще и проще. Адам тряхнул головой и развернулся. Нет уж, этот номер у нее не пройдет. Он вернулся к двери и занес руку, собираясь постучать, хотя и не знал, что сказать. Может, извиниться, сказать ей, что он не хотел ее обидеть?

Или спросить, какой секрет он, по ее мнению, скрывает?

Она сказала об этом таким тоном, каким говорят о чем-то очевидном, и ее слова всю ночь

крутились у него в мозгу. У него вообще было такое чувство, что Джози знает еще много всего такого, о чем не спешит откровенничать с ним.

Его рука почти коснулась двери, как вдруг изнутри послышались голоса.

— Я обо всем позаботилась. Я должна это сделать, мама. Моя помощь нужна одному человеку, — говорила Джози.

— Кому это? Кому твоя помощь нужна больше, чем мне?

А это, похоже, ее мамаша.

— Одной подруге.

Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге показалась Джози.

У нее был усталый вид, но кудри вились так круто, что, казалось, не разовьются никогда. А темные глаза выглядели еще более жгучими на фоне бледной кожи. Да она просто…

Ну ладно, так уж и быть. Она просто красавица.

При виде Адама она на миг смутилась и отступила назад, так что он даже испугался, как бы она не захлопнула дверь у него перед носом, но тут послышался голос ее матери:

— Джози!

Она обернулась, потом неохотно переступила

порог и закрыла за собой дверь.

— Привет, Адам, — сказала она и опустила глаза, чтобы застегнуть свое длинное серое пальто.

Он протянул ей шарф.

— Не обязательно было его возвращать.

Она смущенно вскинула на него глаза и быстро опустила их снова.

— Я знаю.

Адам достал из ящика письма и протянул ей.

— Ваша почта.

Но Джози не взяла их.

— Оставьте их в ящике, пожалуйста. Я заберу на обратном пути.

Он положил письма обратно в ящик.

— Вы уже говорили сегодня с Хлоей?

— Я как раз сейчас к ней еду.

Джози подошла к лестнице и двинулась вниз по ступеням.

Он поспешно зашагал за ней.

— Послушайте, мне очень неловко за мое вчерашнее поведение. Просто я…

— Разозлился, — подсказала она.

— Нет, не разозлился. — Она уже спустилась, и он положил руку ей на локоть, чтобы удержать. — Разве я мог бы разозлиться на вас, Джози?

Она какое-то время разглядывала его, как будто

пыталась оценить его честность. Пауза так затянулась, что он опустил руку.

— Я… э-э… все думаю о том, что вы сказали вчера вечером, — произнес он. — Ну, что у меня есть секрет.

— А еще я сказала, что это не мое дело. Прошу прощения.

Она собралась уходить.

— Подождите. Почему вы решили, что у меня есть какой-то секрет?

— Не знаю. Может быть, у вас его нет. Может быть, я просто спроецировала на вас собственные заморочки.

— У вас есть секрет?

Джози негромко рассмеялась и покачала головой.

— Теперь нет, — сказала она и зашагала по дорожке к громадному золотому «кадиллаку».

Как он мог ничего не замечать? Три года… Как он не догадался, что она влюблена в него?

— Вы точно не хотите оставить шарф себе? — окликнул он ее.

— Нет.

— «Нет» — не хотите или «нет» — не точно?

Она оглянулась через плечо и слабо улыбнулась, и у Адама перехватило дыхание.

Внутри у него вдруг что-то шелохнулось, что-то давным-давно забытое. Так бывает, когда отсидишь или отлежишь ногу или руку, а потом вдруг начинаешь чувствовать покалывание, какое-то почти неприятное ощущение, которое говорит о том, что… что к тебе медленно, но верно возвращается жизнь.

* * *

По пути Джози заехала в магазин за куриным супом, лимонадом и мороженым и вскоре уже стучалась в дверь Хлои.

Открывшая дверь Хлоя выглядела донельзя жалко. Она была в толстом махровом халате, спутанные кудрявые волосы рассыпались по плечам. Под глазами темнели потеки размазавшейся туши.

Джози показала ей пакеты.

— Если я в чем-то и уверена, то только в одном: еда делает жизнь приятней, во всяком случае, пока не закончится.

Хлоя улыбнулась.

И немедленно заплакала.

Джози вошла в квартиру и закрыла за собой дверь. Она заварила большой чайник крапивного чая, после которого решение начать обед с

мороженого пришло к ним с Хлоей практически само собой.

* * *

Маргарет стояла посреди гостиной в полной растерянности. Она была уже совсем готова выходить, и тут спускается Джози и как ни в чем не бывало объявляет, что у нее другие дела! Это было так неожиданно, что она от потрясения не успела даже должным образом рассердиться.

Одна подруга, сказала Джози. Она должна помочь одной подруге.

Это была несомненная ложь. У Джози нет подруг.

И куда же тогда она отправилась?

Не прошло и десяти минут после отъезда Джози, как в дверь постучали.

— Хелена, — сказала Маргарет, остановив служанку, которая как раз проходила мимо гостиной. — Посмотри, кто там пришел, и скажи, что мне нездоровится. И ни слова о том, что Джози нет дома.

Джози полагалось заботиться о ней. Маргарет ожидала этого. Все этого ожидали.

Очень скоро Хелена вновь появилась на пороге гостиной.

— Мужчина на крыльце ждать вас.

— Я же велела тебе сказать… — Должно быть, Хелена не поняла, что значит «нездоровится». — Скажи ему, что я плохо себя чувствую.

— Он сказать, что пришел везти вас.

— Везти меня?

— Да, Олдгрет.

Маргарет двинулась за Хеленой к двери, оставив трость в гостиной, так как опасалась, что пришедший может оказаться кем-нибудь незнакомым, а она терпеть не могла, когда ее с первого взгляда записывали в немощные старухи. Хелена открыла дверь, и у Маргарет даже слегка закружилась голова от вихря нахлынувших на нее воспоминаний о том, как он в последний раз вот так стоял у нее на крыльце. На миг к ней вернулось тогдашнее ощущение растерянности и дурмана, ощущение полного и непоправимого несчастья.

— Роули Пелхэм, — произнесла она и нервозно одернула борта своего желтого жакета, — что, скажите на милость, вы здесь делаете?

Роули обернулся к Хелене:

— Пожалуйста, передайте миссис Сиррини, что ее дочь позвонила мне несколько минут назад и я пообещал ей отвезти миссис Сиррини на благо-

творительный обед.

— Джози вам позвонила? — изумилась она. — И заставила вас дать слово?

Она не верила своим ушам. Пелхэмы не разбрасывались обещаниями, потому что знали, что не могут нарушить свое слово. Она была поражена тем, что Роули не просто пообещал что-то, а пообещал сделать что-то для нее.

Он же ее ненавидит.

— Пожалуйста, передайте миссис Сиррини, что это так, — сказал он Хелене.

Служанка явно была растеряна и готова впасть в панику, не понимая, почему этот человек не может обратиться прямо к Маргарет.

Что ж, выбора ей не оставили. Если Роули что-то пообещал, он должен был сдержать слово. Он в лепешку расшибется, но отвезет ее на этот злосчастный обед, хочет она того или нет. Ливию Линли-Уайт хватит удар.

— Хелена, принеси мне мое пальто и палку. И скажи Джози, что у меня будет с ней серьезный разговор, когда я вернусь домой.

Роули повел ее к машине. Интересно, все соседи глазеют? Она пыталась шагать так, будто ей все равно, но чувствовала, как ее тянет к нему, точно магнитом. Она сделала свой выбор много лет

назад и не собиралась отступать. Но держаться от этого человека подальше было легче, когда он не был с ней рядом. Он с непроницаемым видом распахнул перед ней дверцу такси. Его неприкрытая неприязнь к ней тоже облегчала ей задачу. Она неуклюже забралась в машину, и Роули закрыл дверцу.

Он уселся за руль и завел двигатель, и Маргарет против воли поразилась, каким знакомым оказалось это ощущение. Оно было как разношенные тапочки. Или глоток хорошего вина. Она вновь окунулась в лучшую пору своего прошлого.

Она смотрела ему в затылок. Ее всегда тянуло к Роули, с самой первой минуты, едва она его увидела. Дамы ее круга никогда не водили машину сами. Они ездили с шофером или вызывали такси. Когда она увидела его в первый раз — ей тогда было под тридцать, — он помогал одной из ее приятельниц выйти из такси. Она тогда еще спросила: «А это кто такой?»

Все уроженки Болд-Слоупа знали Роули и были более чем счастливы просветить ее. По положению он был ниже их, но его здоровый румянец, голубые глаза и медно-рыжие волосы делали его всеобщим любимцем. После школы он отправился в армию и затем вернулся в Болд-Слоуп,

чтобы работать у своего отца в «Такси Пелхэма». В тот день их глаза встретились, и это положило начало трем годам долгих взглядов, трем годам, когда она с утра отпускала своего шофера, а потом внезапно вспоминала, что ей совершенно необходимо куда-то съездить, так что, разумеется, ей приходилось каждый раз вызывать такси. И на ее вызов неизменно приезжал Роули, хотя она ни разу не упомянула его имени.

Начиналось все вполне невинно. Они просто болтали и смеялись. Она жила этими поездками. Ей было одиноко, а он был такой славный: добродушный, по-юношески нескладный. Маргарет понимала, что должна быть более осмотрительной — ведь она старше Роули почти на восемь лет. Но она не собиралась так сближаться с ним. Уж в связь вступать точно не собиралась.

А потом именно это и произошло.

Вечером накануне Рождества Роули привез Маргарет из церкви домой. Слуги по случаю праздника получили выходной, и в доме было темно, как в преисподней. В те годы они имели уйму прислуги: постоянного повара, горничную, садовника, шофера. Но в тот вечер дома не было даже Марко. К тому времени Маргарет уже знала о его изменах. В первый раз она была раздавле-

на. Во второй раз было уже не так больно. К его десятому роману она вообще перестала что-либо чувствовать.

В тот вечер она взглянула на темный дом и почувствовала себя опустошенной. Со своей ашвиллской родней она не общалась с тех самых пор, как почти десять лет назад уехала из дома. Ее отец был суровым человеком, который превыше всего ценил свое старинное южное имя. Биржевой крах лишил его семью всех денег, но не смог лишить спеси. Маргарет была старшей из семи дочерей, и, после того как ее мать умерла, производя на свет младшую, именно на ее плечи легла забота о крикливых сестренках. С утра до ночи она прибирала, стирала и чинила одежду, потому что отец желал, чтобы все их знакомые сохранили иллюзию, будто они могут позволить себе слуг. При этом он требовал от дочери, чтобы она выглядела безупречно, потому что ее красота, утверждал он, была его единственным достоянием. Она считала, что он ценит ее, и только это помогало ей держаться. И лишь потом, когда он привел к обеду Марко, усадил Маргарет за столом рядом с ним, а младшим велел подать им напитки на веранду, а потом оставить их наедине, она все поняла. Он рассматривал ее исключитель-

но как капиталовложение и, едва все ее сестры вышли из младенческого возраста и научились самостоятельно заботиться о себе, по сути, продал ее тому, кто предложил наибольшую цену.

После этого она уехала из родительского дома при первой же возможности.

Роули распахнул перед ней дверцу такси, и она вышла из машины. Помнится, зима в тот год была совсем мягкая. Даже трава осталась зеленой.

— Спокойной ночи, миссис Сиррини, — произнес он. — Веселого вам Рождества.

— Спокойной ночи, — выдавила она, и голос у нее внезапно сорвался.

Она попыталась скрыться в доме, но Роули поймал ее за руку. На ней было красное расклешенное пальто с высоким воротником-стойкой, красная же шляпка-таблетка и белые перчатки. Этот наряд до сих пор хранился где-то на чердаке. Потом, много лет спустя после того, как все закончилось, она в отсутствие Марко поднималась на чердак и надевала все это.

— Что случилось?

— Ничего. Пожалуйста, отпусти мою руку. Соседи увидят.

— Никого нет. Скажите мне, что случилось.

— Ничего. Должно быть, я просто устала, вот

и все.

И тут, прежде чем Маргарет сама поняла, что происходит, она расплакалась. Зарыдала. Она не могла взять себя в руки. Она и не помнила, когда в последний раз плакала, и пришла в ужас.

Роули обнял ее. Ох, до чего же уютно оказалось в его объятиях! Он обнимал ее очень нежно, очевидно боясь сделать ей больно или напугать, потому что она была такая маленькая и хрупкая, а он такой большой и неопытный.

Она плакала очень долго, пока не иссякли слезы. Тогда она затихла и замерла, с потрясением обнаружив себя в его объятиях и боясь шелохнуться, потому что ей не хотелось, чтобы он отпускал ее.

— Лучше? — спросил он, и она услышала, как гулко звучит голос у него в груди, к которой она прижималась ухом.

Она взглянула на него и кивнула. Они долго смотрели друг на друга.

Потом он медленно склонил голову, очень медленно, чтобы она могла отстраниться, если бы хотела. Именно так ей и следовало поступить. Она ведь была женой Марко Сиррини, прекрасной и холодной, точно снежная королева. А он — простым работягой, сыном владельца ма-

ленькой таксомоторной компании. Но именно по этой причине, и еще по сотне других, она не отстранилась.

Его губы наконец коснулись ее губ, и она вдруг почувствовала, что живет, начала оттаивать. Если бы не Роули, она никогда не познала бы этих чувств. Она никогда не узнала бы, где у нее сердце. Он показал ей, что оно у нее есть.

А она за это разбила сердце ему.

Маргарет стало холодно, она очнулась от воспоминаний и обнаружила, что они стоят перед недавно отремонтированной гостиницей «Даунтаун-инн», где должен был состояться благотворительный банкет. Роули уже успел распахнуть перед ней дверцу. Она подняла на него глаза; ветер трепал его волосы, рвал воротник куртки. Маргарет охватило странное удовлетворение, похожее на то, которое она испытывала, когда порой видела его во сне. Конечно, придется еще объясняться с Ливией Линли-Уайт, но, пожалуй, на этот раз она все же простит Джози. Но только на этот раз.

Роули медленно протянул руку, чтобы помочь ей выйти.

И Маргарет, сделав глубокий вдох, впервые за сорок лет коснулась его руки.

* * *

На следующее утро Адам поднялся на крыльцо дома Сиррини с почтой в руках. Наконец-то пошел снег. Адам уже давно чувствовал его приближение. Он всегда мог предсказать снегопад за несколько дней. Он любил снег, во всяком случае, раньше. Теперь белый покров был лишь напоминанием о давних счастливых днях. Когда-то Адам верил, что в такую погоду всегда случается что-то хорошее, но это было еще до того, как в один снежный день он едва не погиб. Он сознательно отрешился от того человека, каким был когда-то. Тот Адам был легкомысленным и безрассудным. Адам теперешний стал осторожным и осмотрительным. Судьба подарила ему второй шанс. Именно такую жизнь он теперь должен вести.

Впрочем, на жизнь это было похоже далеко не всегда.

Хотя это в нем говорил тот, старый Адам.

Он опустил почту в ящик и стал ждать, когда появится Джози. Но она все не появлялась, и он нахмурился и почесал лоб. Это же просто смешно! Ну, знает он, что она в него влюблена. Но он все равно хочет ее видеть! Почему нужно что-то менять? Недолго думая, он постучал в дверь.

Открыла миловидная миниатюрная женщина с кожей цвета карамели и с любопытством воззрилась на него.

— Почта? — осведомилась она.

— А, ну да. — Он сунул руку в ящик, вытащил оттуда корреспонденцию и показал ей, чувствуя себя идиотом. — А Джози дома?

— Олдси?

— Нет, Джози.

— Не волнуйся, Хелена. Я сама со всем разберусь, — неожиданно послышался голос Джози, и она появилась на пороге.

Хелена исчезла, а Джози осталась стоять в дверях и настороженно смотрела на него. Потом ее взгляд устремился поверх его плеча, и она просияла.

— Снег! Наконец-то! — воскликнула она и толкнула сетчатую дверь. — Я столько дней его ждала!

Она подошла к ограждению крыльца и высунула руку, подставив ладонь мокрому снегу. Она любила снег. Это было странно. Хотя он знал, что она любит снег. Успел выучить за три года.

— До чего же красиво.

— Снегу будет много. Самое то для снеговиков, — заметил он и подошел к ней.

Она рассмеялась, как будто такая мысль никогда не приходила ей в голову.

— Ни разу в жизни не делала снеговика.

— Серьезно?

Она кивнула.

— У нас тут такие правила.

Теперь он смотрел на нее в упор, на ее темные блестящие волосы и бледную кожу, такую светлую, что она походила на холодную сметану.

— Зря вы меня избегаете, Джози, — сказал он. — У вас нет никаких причин от меня бегать.

Она смотрела прямо перед собой, на снежинки, и вдруг замерла, стала совершенно неподвижной.

— Все в порядке. Меня устраивают такие отношения, какие у нас есть, — продолжал он.

— Ну еще бы.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего.

— Нет, я хочу знать.

— Я имела в виду, что это ведь вас любят, а не меня. — Она вдруг замахала руками, как будто пыталась зачеркнуть только что прозвучавшие слова. — О господи! — Она обернулась к нему. — Пожалуйста, забудьте все, что я тут наговорила.

Он невольно улыбнулся.

— Послушайте, раз уж вы тут, я хотела бы поговорить с вами о Хлое, — сказала она, круто меняя тему.

Он кивнул, побуждая ее к разговору, к какому-то взаимодействию. Что угодно, лишь бы только не убегала.

— Хорошо.

— Хлоя встречается с этим Джулианом, потому что он обещал сказать ей, с кем переспал Джейк.

— Вот черт, — с удивлением в голосе сказал Адам. — Я передам Джейку.

— Нет, пожалуйста, не надо, — попросила она. — Лучше постарайтесь выяснить, кто была эта женщина, ладно? Я не пытаюсь влезть в их отношения, я просто хочу, чтобы Хлоя не встречалась больше с этим Джулианом. Он уже сломал жизнь одной моей знакомой. Не хочу, чтобы с Хлоей произошло то же самое.

Она ни разу еще ни о чем его не просила. Разве может он ей отказать? Адам передал ей письма.

— Я попробую что-нибудь сделать.

— Спасибо.

Он проводил ее взглядом. «Это ведь вас любят, а не меня».

— Джози! — окликнул он ее неожиданно для самого себя.

Она обернулась.
Он заколебался. Не надо ничего менять.
— Хорошего вам Дня благодарения.
— И вам тоже, Адам.

* * *

Сначала снег шел легкий и вперемежку с дождем, серебристо-белый, точно конфетти, и Маргарет решила, что это не повод отменять поход к парикмахеру. До Дня благодарения оставался всего один день, и это была последняя возможность привести голову в порядок перед утомительной чередой предрождественских светских раутов. Ее праздничный гардероб от «Уайзман и Фэрроу» курьер уже доставил в начале недели. Раньше Джози дважды в год возила ее в Ашвилл, и там Маргарет покупала себе одежду в первоклассном магазине. Однако после того, как Маргарет сломала шейку бедра, внучка миссис Фэрроу приехала к ним и собственноручно сняла с нее мерки — Маргарет немало гордилась тем, что до сих пор оставалась такой же подтянутой, как и сорок лет назад, — и теперь магазин дважды в год присылал ей одежду на дом: весной и перед Рождеством. В этом году они прислали ей к празднику наряды переливчато-красного,

изысканно-золотого и голубого оттенка — под цвет ее глаз. Она всегда была самой изысканно одетой дамой в Болд-Слоупе. Многие проявления возраста предотвратить она не могла, например предательскую хрупкость костей, истончение кожи, но элегантный гардероб и красивая прическа — это было в ее власти. Даже Ливия Линли-Уайт признавала, что она до сих пор красавица.

Впрочем, в ее устах это звучало отнюдь не как комплимент.

— Я хочу, чтобы ты съездила в магазин, пока меня будут стричь, — сказала Маргарет, когда Джози везла ее в салон красоты (она попыталась воспротивиться, что было крайне на нее не похоже). «Выпадет много снега, — сказала она. — Мы застрянем. Почему бы тебе не отложить стрижку на потом?»

«Отложить стрижку на потом», — сказала она. Как будто речь шла о чем-то незначительном.

— Думаю, мне лучше подождать тебя в салоне, — ответила Джози, не сводя глаз с дороги. — Снегопад усиливается, боюсь, я не сумею вернуться за тобой.

— Не говори ерунды. Поезжай в магазин. Вот список. — Маргарет открыла сумочку и выложила лист с перечнем покупок на приборную

панель. — Хелена завтра выходная, так что я хочу пирожное на завтрак, сэндвич и яблочные чипсы на обед и салат на ужин. Это несложно готовить, ты должна справиться.

Джози вздохнула, совершенно беззвучно, как будто пыталась увидеть свое дыхание в холодном воздухе.

— Завтра День благодарения, к тому же идет снег. В магазине сейчас сумасшедший дом.

Маргарет пытливо вгляделась в профиль дочери. Джози переменилась, и эти изменения ей совершенно не нравились. Отлучки дочери из дому стали более долгими. Она не желала рассказывать Маргарет, что это за новая подруга у нее появилась. Она стала позволять себе открыто высказывать собственное мнение. Такое впечатление, что кто-то научил ее всему этому и теперь она практиковалась.

— Джози! — произнесла Маргарет.

— Что, мама?

— Ты поедешь в магазин и купишь все по списку.

— Ну разумеется, мама, — ответила Джози, голос у нее был удивленный. — Разве я дала тебе повод думать иначе?

В том-то и заключалась загвоздка. Такой повод

у Маргарет появился. Совершенно неожиданно у нее появился такой повод.

* * *

Маргарет переступила порог салона красоты и вздохнула с облегчением, увидев, что Аннабель Дрейк уже там. Это означало, что Роули привез ее и уехал. Аннабель была женщина неплохая, однако она принадлежала к той породе дам, которые просто не способны ничего делать в одиночку. Она никогда не отправлялась в салон красоты, не убедившись предварительно, что в это же время там не будет еще человек пять ее знакомых. Завтракала она со старшей дочерью. Обедала с младшей. Ужинала в обществе среднего сына. И так каждый божий день. Она была решительно не в состоянии сделать хоть что-то самостоятельно. По мнению Маргарет, в значительной степени виноват в этом был ее покойный муж Дон, преуспевающий врач и первостатейный мерзавец. Он так часто повторял жене, что она ни на что не способна, что в конце концов вдолбил это ей в голову. Маргарет не раз задавалась вопросом, не беспомощность ли Аннабель привлекала к ней Роули.

— До чего же у вас красивые волосы, Марга-

рет, — восхитилась Аннабель, когда та уселась в парикмахерское кресло рядом с ней.

— Спасибо.

В ее возрасте ухаживать за волосами длиной почти до плеч, да еще и выкрашенными в несколько оттенков русого цвета, было нелегко, однако она не собиралась, подобно Аннабель, мириться с сединой и делать перманент.

— И туфли у вас просто прелесть.

— Они сделаны на заказ, — сообщила Маргарет и выставила вперед ногу, чтобы все могли полюбоваться. Она была красавицей. Красивее Аннабель. И богаче.

В салоне было людно, дамы обменивались планами, слухами и излюбленными рецептами блюд к Дню благодарения. Сегодня парикмахерша возилась с ее волосами дольше обычного, а потом Маргарет еще пришлось дожидаться, когда освободится маникюрша. Все это было крайне неприятно, да еще и бедро у нее начало ныть, однако, несмотря на это, Маргарет все равно раздала щедрые чаевые. Ей хотелось, чтобы о ней хорошо думали. К тому же с людьми, которых знаешь не слишком близко, быть великодушной всегда проще. Когда с делами было покончено, она вышла из зала, ожидая увидеть Джози.

Однако Джози там не оказалось.

Едва Маргарет подошла к стойке администратора, чтобы спросить, не звонила ли ее дочь, как звякнул колокольчик на входной двери.

Но когда она обернулась к двери, то увидела не Джози.

Это был Роули Пелхэм.

Его куртка и молескиновая шоферская кепка были облеплены снегом, и ему пришлось отряхнуться, прежде чем идти дальше.

— Миссис Дрейк освободится через несколько минут, — сообщила администратор Роули.

— Вы все время так говорите, — подмигнул ей Роули. — Я с каждым разом прихожу все позже и позже, но все равно вынужден ждать.

— Может, чашечку кофе?

Он присел на диван.

— Спасибо, с удовольствием.

Администратор отправилась за кофе, оставив Роули с Маргарет наедине. Ему теперь было за шестьдесят, и волосы у него давно поседели, но только этим летом она заметила, что на солнце в его волосах до сих пор проглядывает рыжина. Тот молодой мужчина, каким она его знала когда-то, исчез не до конца.

«Поговори со мной, — подумала она. — Скажи

что-нибудь».

Наконец появилась администратор с кофе; Маргарет отвернулась и направилась в дамскую комнату с намерением отсидеться там, пока Роули не уйдет.

Зазвонил телефон, администратор сказала что-то в трубку, потом вдруг окликнула ее:

— Подождите, миссис Сиррини, ваша дочь хочет с вами поговорить.

Маргарет поспешно вернулась и схватила трубку.

— Джози? С тобой все в порядке? Почему ты до сих пор не здесь?

— Я еще только выезжаю из магазина, — сказала Джози, голос у нее был напряженный. — Тебе придется меня подождать.

— Почему?

— Потому что на дорогах творится черт знает что. И в магазине было полно народу.

— Я не понимаю тебя, Джози. Ты что, нарочно это делаешь?

— Зачем мне делать это нарочно, мама?

Роули поднялся, подошел к стойке и поставил чашку с кофе.

— Спросите у миссис Сиррини, нельзя ли мне поговорить с ее дочерью? — сказал он, обращаясь

к администратору, хотя взгляд его был прикован к Маргарет.

— Миссис Сиррини… — начала было та.

— Зачем вам понадобилось разговаривать с моей дочерью? — осведомилась Маргарет.

Он приблизился к ней и осторожно взял у нее из руки телефонную трубку. Она чуть подалась вперед, но он не коснулся ее. Хотя мог бы.

— Джози, это Роули Пелхэм. Где вы? — спросил он в трубку, не сводя глаз с Маргарет. — Понятно. Вы не доедете сюда, во всяком случае, не на вашей машине. Поезжайте домой, только аккуратно. Я приехал сюда за Аннабель Дрейк, и мне не составит совершенно никакого труда по дороге завезти домой вашу матушку. У меня на колесах цепи. — Он помолчал. — Не за что. Осторожнее на дороге.

— Нет, у меня это в голове не укладывается, — процедила Маргарет, когда он вернул трубку администратору. — Я вижу, вы с моей дочерью уже обо всем договорились. А поинтересоваться у меня, хочу я этого или нет, вам в голову не приходило?

Едва она произнесла эти слова и увидела выражение его лица, как немедленно осознала, насколько ханжески они прозвучали, учитывая

все то, что было между ними.

Роули обратился к Аннабель, которая только что вышла из зала. Маргарет почувствовала запах ее перманента еще до того, как увидела ее саму.

— Аннабель, вы не поможете миссис Сиррини выйти на улицу, пока я подгоняю машину ко входу? Джози не доедет сюда в такой снегопад.

— Я не хочу, чтобы вы везли меня домой, — от безысходности сказала Маргарет. — Я знаю, вы меня недолюбливаете.

— Аннабель, вы ведь согласитесь, что в такую непогоду Джози не сможет добраться от магазина сюда и вернуться к себе домой?

— Он прав, Маргарет, — похлопала ее по руке Аннабель. — Едем с нами. Будете нашей дуэньей. Про нас с Роули уже ходят слухи, будто бы мы слишком много времени проводим наедине в его машине.

Роули вышел за порог и исчез в густой снежной пелене, и Маргарет проводила его взглядом.

— Да. Я знаю.

Все закончилось летом на вечеринке, которую устроил Марко. Сиррини давал лучшие вечеринки в городе. Все просто жаждали заполучить приглашение. Та вечеринка была посвящена теме тропических островов. На заднем дворе по-

строили барную стойку под соломенной крышей, на деревьях развесили бумажные фонарики, а официантов облачили в белые брюки и пестрые гавайские рубашки. Каждому гостю даже надели на шею гирлянду из цветов. Марко продумал все до мелочей. Он никогда не позволял Маргарет участвовать в подготовке их вечеринок. Ей полагалось лишь блистать красотой.

Ливия Линли-Уайт заявилась на ту вечеринку в аляповатом цветастом платье. Она уже начала седеть, и ее взбитая прическа походила на ком грязноватой пакли. Всю вечеринку она не спускала с Маргарет глаз. Она постоянно следила за ней, и в конце концов ей повезло. К тому времени Маргарет тайно встречалась с Роули уже второй год и утратила осторожность. Того времени, что они проводили вместе, вечно не хватало, и она в своем отчаянном желании побыть с ним начала допускать ошибки.

Уже смеркалось, миссис Лэнгдон Мерриуэзер собралась уезжать, и Маргарет пошла в дом вызвать такси. Пожилые гости старались разъехаться по домам пораньше, потому что с наступлением темноты Марко выставлял горячительные напитки и на его вечеринках начинался знаменитый разгул.

Маргарет знала, что за миссис Мерриуэзер приедет Роули, поэтому под каким-то предлогом осталась в доме и стала дожидаться его у окна. Ей хотелось, чтобы он увидел ее в костюме, состоявшем из саронга, сандалий и облегающей кофточки без рукавов, завязанной узлом под грудью так, что оставалась открытой полоска кожи на животе.

Она увидела, как он проехал мимо их особняка. На улице перед домом яблоку негде было упасть, и ему пришлось проехать чуть дальше и оставить машину там. Она выбралась из дома и встретила его на полпути, на обсаженной самшитами аллее перед домом Франклинов.

Он окинул всю ее взглядом и улыбнулся.

— Добрый день, Роули, — произнесла она тем особым голосом, которым разговаривала с ним всегда, когда им случалось видеться на публике.

— День добрый, миссис Сиррини.

— Жарко сегодня, верно?

— Да уж.

Она остановилась напротив него на тротуаре.

— Ты потрясающе выглядишь, — шепнул он и сжал кулаки, как будто его снедало неодолимое желание прикоснуться к ней.

Она оглянулась через плечо. Пока никто еще не

знал, что он здесь. У них было несколько минут, и она увлекла его во двор Франклинов, за деревья. Франклины были на вечеринке. Можно было не опасаться чужих глаз.

Они принялись целоваться, его ручищи заскользили по ее телу. За это она и любила его — за горячность, за то, что позволял ей направлять его руки туда, куда ей было нужно, чтобы обмирать от его прикосновений. Он пробуждал в ней страсть. Она все время думала о нем. Ее тело изнывало в его отсутствие и пело, когда он был рядом. Иногда у них не было времени ни на что, кроме таких торопливых страстных объятий. А иногда она нанимала его, чтобы поехать в Ашвилл за покупками, но где-нибудь на полпути они останавливались, устраивали себе пикник и болтали весь день напролет. Роули был славный малый, честный и смышленый. Он мог бы остаться в армии или пойти учиться в колледж, но вернулся домой и впрягся в семейный бизнес. У своих родителей он был единственным сыном, и их гордость и любовь окружали его как ореол. Когда Маргарет пускалась в воспоминания, она каждый раз задумывалась об этом. Другого такого человека она не знала. Он купался в любви родных и сам дарил любовь так же естественно,

как дышал. Ей хотелось быть рядом. Хотелось впитывать его любовь, пока не наполнится ею до краев. Но времени никогда не хватало.

Он расстегнул ворот ее блузки, и его губы скользнули по ее шее, но тут вдруг послышалось:

— Так-так!

Они отступили друг от друга, и Маргарет поспешно принялась застегивать пуговицы.

— Так я и знала! — воскликнула Ливия; в своем праведном гневе она даже стала казаться выше ростом, точно превратилась в великаншу, способную без труда растоптать их. — Я знала, что в конце концов ты покажешь свое истинное лицо. Прелюбодейка. Шлюха. Ты опозорила Марко Сиррини и все то, что он сделал для нашего города.

Маргарет понимала, что поступает неправильно, но не намерена была извиняться за это — ни тогда, ни сейчас. Достойный человек на ее месте раскаивался бы, что завел роман на стороне. Впрочем, она никогда и не претендовала на звание достойного человека. А вот Роули был человеком достойным. Даже более чем достойным.

— Уйди, Роули, — бесцветным голосом приказала Маргарет.

— Никуда я не уйду.

— У тебя нет выбора.

— Я остаюсь.

Она повернула к нему голову и отчеканила:

— Роули, ради всего святого, уйди.

Когда он ушел, Маргарет с ледяным спокойствием заключила с Ливией сделку. Она не стала просить Ливию ничего не говорить Марко. Она попросила лишь не упоминать имени Роули. Он был так молод. Он заслуживал права на спокойную жизнь, а гнева Марко не заслуживал, и его родные тоже. Ливия согласилась, потому что это позволяло ей убить двух зайцев сразу: она получала возможность открыть Марко глаза на недостойное поведение его жены и при этом обретала власть над Маргарет.

Марко, разумеется, пришел в бешенство. Он наорал на нее и чуть не размазал по стене спальни, пока гости пили и смеялись на улице. Это был первый и единственный раз, когда он поднял на нее руку. Он желал знать, с кем она ему изменила. Ливия не назвала имени, сказала только, что видела Маргарет с каким-то мужчиной, а с кем именно, не разобрала. Но сломить жену Марко не удалось, как он ни ярился. Снежные королевы не ломаются. Их можно лишь растопить, но для этого в Марко было недостаточно теплоты.

В конце концов он отступился от нее. Нужно было возвращаться к гостям, и он потребовал, чтобы она привела в порядок разбитую губу и присоединилась к нему. Больше ни о каком доверии к ней с его стороны не может быть и речи, сказал он. За ней будут следить. Он будет в курсе всего, что она делает. Он не позволит ей ставить себя в дурацкое положение.

Он выяснит, с кем она ему изменяла.

И сотрет наглеца в порошок.

Поздно вечером Роули появился под дверью их особняка и принялся барабанить в нее кулаками. Он был исполнен решимости во всеуслышание объявить о своей любви к Маргарет, и ему было наплевать, кто и что может подумать. Он собирался бросить вызов великому Марко Сиррини. К счастью, Марко уже видел седьмой сон на втором этаже после жесткого секса; чтобы вытерпеть это, Маргарет пришлось принять валиум. Все дальнейшее она помнила отрывочно. Помнила, как твердила Роули, что не любит его, что вообще не умеет любить. Помнила ощущение снова смерзающегося внутри льда. Она старше его, говорила Маргарет. Она замужем. А им она просто пользовалась. Он должен жить дальше без нее.

Она помнила, как он умолял ее. Помнила, как

пыталась не заплакать, как отчаянно хотела, чтобы он поскорее ушел. Она обнаружила, что способна на любовь, обнаружила у себя в глубине души нечто, о существовании чего никогда не подозревала, и злилась на Роули за то, что он показал ей, что это такое. Если бы не он, ей не было бы сейчас так больно.

Последнее, что она помнила, — как смотрела ему вслед. Мольба «пожалуйста, не уходи» застряла у нее в горле.

С того дня Роули ни разу не сказал с ней ни одного слова, не обратился к ней напрямую.

Глава 10
Подушечки с помадкой

«Я этого хочу», — твердила себе Хлоя. Днем она заварила себе очередную чашку чая из крапивы, надеясь почувствовать, что приняла верное решение. Но единственным решением, принятие которого облегчил ей чай, было готовить или нет в этом году индейку (она решила не готовить) и надевать на улицу шапку или нет (она решила надеть). Ответ на вопрос, идти или нет на свидание с Джулианом, так и оставался неясным, как мутные воды реки Грин-Коув.

Разобраться с тем, что ей готовить и что носить, она была в состоянии и сама. Наверное, Нова дала ей недостаточно сильную дозу этого зелья.

Хлоя выплеснула остатки чая в раковину. Предстоящий День благодарения наводил на нее тоску. В этом году у нее не получится отметить его с родителями Джейка, а она всегда любила это. Ей нравилось предвкушать, что на этот раз придумает Фейт, как она украсит дом, какое угощение подаст. И вообще, это будет первый ее День благодарения в одиночестве. Весь день

ей звонили друзья и знакомые, оставляли на автоответчике поздравления и желали хорошо провести праздник. Ей не хотелось разговаривать с ними, вежливо отказываться от сочувственных предложений присоединиться к семейным торжествам. Вообще, единственной, с кем она не прочь поговорить, была Джози — она позвонила утром узнать, как дела. Хлоя пыталась перезвонить ей, но на том конце провода включалась голосовая почта. Тогда-то ей и пришла в голову мысль позвонить Джулиану. После того злополучного вечера в «Найт-Лайт» они не общались. Надо было хотя бы извиниться, пожелать ему хороших праздников.

И конечно, может быть, он наконец назовет ей имя женщины, с которой переспал Джейк.

Вчера, когда Джози зашла к ней с едой, Хлоя рассказала, на что ей пришлось пойти, чтобы выяснить, кто была та, другая женщина. Она даже заявила, что совершенно определенно не собирается снова встречаться с Джулианом. Тогда она искренне так думала, потому что Джози была рядом, а в ее присутствии Хлоя чувствовала себя лучше. Но то, что вчера представлялось ей хорошей идеей, теперь стало казаться кошмаром. Она не в состоянии была управлять своими чувства-

ми, и собственная непредсказуемость пугала ее.

Все прочие способы не помогали. Если она выяснит, кто была та женщина, все встанет на свои места.

Джулиан снял трубку сразу же, как будто ждал ее звонка.

— Привет, Джулиан, это Хлоя. Прошу прощения за понедельник.

— Твои друзья просто психи, — сказал он; даже в этом упреке слышались обольстительные нотки, ее немедленно потянуло пожалеть его, оказаться с ним рядом. — У меня до сих пор челюсть болит.

— А что такое с твоей челюстью? — не поняла она.

— Тот здоровый блондин врезал мне.

— Адам тебя ударил?

Она помнила, как Адам откуда-то взялся в баре; Джози сказала, что Хлоя спьяну позвонила ему и наговорила чего-то на автоответчик. Но чтобы Адам, мягкосердечный Адам, кого-то ударил?

— Ты не помнишь?

— Нет.

— Ты изрядно набралась, — промурлыкал он; похоже, это придало ему уверенности. — Ладно, проехали, малышка. Почему бы тебе не заскочить

сегодня ко мне в гости? Мы могли бы провести праздник вдвоем. Я бы рассказал тебе про ту женщину. Я могу даже показать тебе, где она живет.

И снова он отказался назвать Хлое ее имя по телефону. Он пытался заманить ее к себе, и ей хотелось верить, что он просто не в силах быть один. Наверное, надвигающийся праздник тяготил и его тоже. А есть ли лучший способ для двух разбитых сердец провести праздник, чем устроить слежку за тем, кто виноват в их разбитом сердце? Разве не так?

Когда Хлоя наконец выбралась на улицу, снегопад стал гораздо сильнее, чем был несколько часов назад, когда она закрывала свое кафе. Она поразилась, как замело проезжую часть и тротуары. Снег был влажный и липкий, ноги увязали по щиколотку. Когда Хлоя добралась до своего «фольксвагена-жука», который держала на стоянке у дома, у нее вырвался вздох. Из-за приезжающих и отъезжающих машин под колесами образовались снежные торосы. Она попыталась сдвинуть снег ногой, потом нагнулась и принялась сгребать его руками. Пока она копалась в снегу, на глаза ей попалось что-то странное. У заднего колеса, под снегом, лежала книга. Хлоя разгребла снег и подняла ее.

«Мадам Бовари».

Она закатила глаза и сунула книгу в сугроб. Книжки считали, будто она задумала изменить Джейку. Вот смех-то!

На шоссе творилось настоящее безумие; снег пошел как раз в тот момент, когда люди возвращались с работы, а лыжники выехали в горы, чтобы не пропустить первый серьезный снегопад. На дорогах помельче было спокойнее, и Хлоя свернула на Летнюю дорогу. Чтобы добраться до дома, адрес которого дал ей Джулиан, нужно было выехать на шоссе, но там произошла авария, и на въезде образовалась пробка. Да еще, как назло, ее маленькая машинка забуксовала. Ей помогли вытолкнуть крошку-«жука» на обочину и даже предложили погреться в какой-нибудь из тех машин, что скопились на въезде, но она отказалась.

Чай не помог ей принять решение, а снегопад вообще лишил всякого выбора.

Ее охватило странное облегчение.

Теперь ей хотелось только вернуться домой.

На то, чтобы пешком добраться до Летней дороги, у Хлои ушло почти полтора часа. Она дрожала от холода, а снегу уже навалило столько, что она вынуждена была высоко поднимать ноги,

и все мышцы у нее сводило от усилий. Лицо ее горело, розовый пуховик стал белым от снега, любимые валяные сапожки насквозь промокли. Наконец она добралась до того самого желтого дома, который завладел всеми ее помыслами с самого первого дня, как только его выставили на продажу, и позволила себе остановиться и перевести дух.

Она стояла и смотрела на него так долго, что ее следы занесло снегом и стало похоже, будто она здесь выросла, прямо из тротуара.

Дверь дома внезапно распахнулась, и на крыльцо, напугав Хлою, выскочил лысый мужчина. На нем были прихватки-рукавицы, которыми он держал дымящуюся латку с обуглившейся тушкой индейки внутри. Он зашвырнул латку вместе со злосчастной индейкой в сугроб — в снегу образовалась наполненная дымом дыра.

На пороге, качая головой, возникла невысокая женщина лет шестидесяти, в комбинезоне и высоких ярко-фиолетовых кроссовках.

— Я же говорила тебе, что пахнет горелым, — укорила она мужчину.

— Я делал все по рецепту! — оправдывался он.

— Ты включил гриль! Говорила ведь, не надо ничего готовить.

И тут они практически одновременно обернулись, почувствовав, что за ними наблюдают с улицы.

— Эй! — Мужчина помахал Хлое стеганой рукавицей. — У вас все в порядке?

Оклик заставил ее очнуться.

— Э-э… да. Прошу прощения. Я случайно засмотрелась.

— Похоже, вы простояли тут довольно долго, — заметил мужчина. — Я принял вас за снеговика.

— Моя машина застряла на шоссе. Я возвращалась домой. Жаль, что у вас так получилось с индейкой, — сказала она и побрела дальше.

Ноги у нее занемели от долгого стояния, и каждое движение причиняло боль.

— Вы шли пешком всю дорогу от шоссе? — ахнула женщина. — Джордж, веди ее сюда.

Мужчина немедленно спустился с крыльца и решительно зашагал по снегу, прямо как был, в кожаных шлепанцах и черных носках.

— Нет-нет, все в порядке. — Она замахала на него руками. — Мне осталось всего пару кварталов.

— Вы обморозитесь, — возразила женщина. — Смотрите, какой сильный снегопад. Можно подумать, что у Джорджа снова выросли волосы.

Пока Джордж добирался до нее, его лысая макушка успела покрыться тонким слоем снега. Хлоя слишком устала и замерзла, чтобы препираться, и безропотно поплелась за ним в дом.

— Меня зовут Зельда Крэмдон, а это мой муж Джордж.

Женщина закрыла за ними дверь, и все трое оказались в тесной прихожей.

— Я знаю. — Хлоя попыталась улыбнуться, но лицо у нее одеревенело от холода. — Я была у вас, когда вы устраивали показ дома.

— А ведь точно. — Зельда сняла с Хлои промокшую вязаную шапочку и помогла ей освободиться от пуховика. — Я вспомнила ваши рыжие волосы.

Джордж сбросил шлепанцы и стащил с ног носки.

— Как вас зовут?

— Х-хлоя Финли, — ответила Хлоя, пытаясь самостоятельно снять сапоги, но и тут Зельде пришлось помочь ей.

— Идемте со мной, Хлоя, я найду вам что-нибудь сухое переодеться, — сказала Зельда и повела ее по коридору. — Джордж, ради бога, открой окно. Тут так дымно, хоть топор вешай.

— Неблагодарная! Нет чтобы похвалить мои

первые робкие опыты на кулинарном поприще!

— Вот когда приготовишь что-нибудь съедобное, тогда и похвалю.

— Я помешала вам готовиться к Дню благодарения? — спросила Хлоя.

— Нет-нет. Мы ждали дочь с мужем и детьми, но они доехали до Ашвилла и застряли там из-за снегопада.

Зельда провела Хлою в комнатку, которая, очевидно, предназначалась для застрявших в пути гостей. На ночном столике стоял графин с водой и стаканы, на комоде стопкой лежали сложенные полотенца и жестяная коробка с мятными леденцами. Зельда взяла одно из полотенец и протянула его Хлое.

— Я подумала, что смысла готовить нет, раз уж мы все равно будем только вдвоем, и решила, что лучше буду читать и смотреть на снег. Звучит заманчиво, верно? Ну вот Джордж и решил сам приготовить первый в своей жизни праздничный ужин в честь Дня благодарения. Чем это закончилось, вы видели. Теперь уж мы дочку до конца года не увидим. Скорее всего, они смогут выехать из Ашвилла не раньше послезавтра, а там уж им пора будет в обратный путь.

Зельда порылась в ящиках комода и вытащила

пару носков, розовые спортивные штаны и кофту на молнии с эмблемой Йельского университета. Должно быть, решила Хлоя, раньше в этой комнате жила их дочь.

— Жаль, что вам не удастся повидаться с родными, — сказала Хлоя, когда женщина положила одежду на кровать.

Зельда пожала плечами, хотя Хлоя видела, что та искренне огорчена.

— Они остановились в отеле с бассейном. Внуки на седьмом небе от счастья. — Пожилая женщина устремила на Хлою взгляд своих проницательных птичьих глаз. — Хотите секрет?

— Конечно, — ответила Хлоя, энергично вытирая волосы полотенцем.

— В прошлом году дочь купила для нас дом в Орландо, неподалеку от них. Она купила его, записала на наше имя и сказала: «Когда надумаете, переедете к нам и будете жить рядом с внуками». Когда мы с Джорджем съездили к ним в гости и увидели, какой это чудесный дом и какой там замечательный климат, то решили, что это отличная мысль. Мы собирались переехать. Мы оба на пенсии, а эти снегопады плохо сказываются на нашем здоровье. Мы даже выставили этот дом на продажу, но цену запросили такую высокую,

чтобы никто не заинтересовался. Если за год дом не уйдет, решили мы, значит это знак. Мы останемся здесь. Понимаете, на самом деле мы не готовы были уехать отсюда. Год прошел, мы пропустили рождение еще одного внука, а теперь вот и День благодарения. Нужно все-таки перебираться поближе к детям. Как раз сегодня днем мы с Джорджем решили, что придется переезжать. Мы снижаем цену на дом.

Это была поразительная новость. Хлоя перестала вытираться и заставила себя произнести хоть что-нибудь, чтобы не таращиться на Зельду во все глаза.

— Должно быть, вам нелегко было принять такое решение.

— Так оно и было. Но мы приняли его и договорились подождать знака, что это было правильное решение. И тут срабатывает пожарная сигнализация. Мы открываем дверь — а там вы. — Зельда двинулась к выходу. — Вы тут переодевайтесь, а я пойду. А мокрые вещи просто развесьте на батарее.

Зельда удалилась, и Хлоя стащила с себя одежду. Кожа у нее казалась ледяной на ощупь, внутри тоже все дрожало, но Хлоя вовсе не была уверена, что это от холода.

Они снижают цену на дом. На *ее* дом.

Хлоя переоделась в сухое и вышла из комнаты. Джордж с Зельдой о чем-то серьезно беседовали на кухне, выглядевшей так, как будто по ней пронесся ураган. На всех свободных поверхностях валялись распечатанные упаковки с разнообразной снедью и недорезанные овощи. По полу была рассыпана мука. Повсюду громоздились кастрюли и сковородки.

При появлении Хлои супруги умолкли.

— Попробую спасти то, что еще не испорчено окончательно, — сказала Зельда. — Джордж, покажи девушке дом.

Джордж повел ее к выходу из кухни.

— Вы сказали, что были у нас в день показа. Вы ходите смотреть дома, выставленные на продажу?

— Нет, я была только здесь. Только у вас.

— У вас есть любимая комната? — спросил Джордж.

— Да.

— Как быстро вы ответили. И какая же?

— Библиотека, — призналась она негромко.

Джордж улыбнулся:

— Моя жена тоже любит ее больше других. Проходите вперед.

В камине горел огонь, и от этого казалось, что высоченные, до потолка, книжные шкафы темного дерева светятся изнутри. В этой комнате не было ни одного квадратного сантиметра стены, который не заполняли бы книги. Она производила впечатление необычайной завершенности и теплоты. После того как Хлоя впервые побывала в этом доме, библиотека потом снилась ей еще несколько недель.

Джордж устроился на скамье у окна в эркере, положив ногу на ногу. Теперь на нем были мохнатые тапочки в виде кроликов.

— Что бы вы сделали с этой комнатой, если бы она была ваша?

— Ничего, — ответила Хлоя, обходя библиотеку. — Тут все и так идеально. У меня много книг. Несколько сотен коробок. Они все как раз сюда вместились бы.

— Так вы любите читать?

Она замерла как стояла, спиной к нему. Потом погладила корешки книг на ближайшей к ней полке.

— У меня… особые отношения с книгами.

— Книги могут иметь власть над людьми, верно? Бывает, идешь по книжному магазину, и какая-нибудь книга прямо сама собой оказыва-

ется у тебя в руках. Иной раз то, что написано внутри, переворачивает твою жизнь, а иногда не нужно даже читать ее. Приятно просто иметь ее в доме. Многие из этих книг мы вообще ни разу не раскрывали. Наша дочь удивляется, зачем мы покупаем книги, которые даже не читаем. Это все равно что спросить человека, который живет один, зачем он завел кошку. Для компании, разумеется. Я хочу кое-что вам показать. — Джордж поднялся, вышел в коридор и открыл стенной шкаф. Он оказался заполнен, буквально битком набит книгами. — Взгляните на это. Говард, наш агент по недвижимости, велел нам убрать все стопки книг, которые лежали у нас в комнатах и в коридоре, чтобы можно было показать его людям. Хлам-де отпугивает потенциальных покупателей. Он назвал книги хламом!

Из кухни пришла Зельда, принеся с собой запах подгоревшей индейки. Она протянула Хлое чашку кофе.

— Джордж, Говард же велел не показывать их людям, если сами не увидят.

— К нам занесло книгоманку, Зельда.

— Правда? — спросила та и устремила на гостью задумчивый взгляд. — Что ж, Джордж, как ты ни старался, тебе не удалось окончательно

угробить кухню. Ужин будет готов чуть попозже. А мы пока можем поболтать о книгах. Как вам такая перспектива, Хлоя?

— С удовольствием.

— Когда вы представились, ваше имя сразу показалось мне знакомым, — продолжала Зельда. — Теперь я наконец-то вспомнила откуда. Раньше недалеко от шоссе была ферма Финли.

— Да! Я там выросла.

— И что с ней случилось?

— Меня вырастили прадед с прабабкой. Когда они постарели и начали болеть, мне пришлось продать ферму, чтобы покрыть счета за лечение.

— Должно быть, нелегко вам пришлось.

— Расставаться с любимым домом всегда нелегко.

— Прекрасный ответ, — сказала Зельда. — Просто великолепный.

* * *

Джози выключила все лампы у себя в комнате, чтобы не мешали смотреть из окна на падающие в темноте снежинки, но Делла Ли, которая вырезала фотографии из журналов Джози, попросила оставить ей свет в гардеробной. Она задумала сделать коллаж. Это было ее последнее увлечение.

Джози уже бросила попытки понять, что творится у Деллы Ли в голове, и решила, что теперь это не имеет значения. Все равно, как только придет письмо от мистера Ламара, она покинет их дом.

Впрочем, эта перспектива грела ей душу не так сильно, как хотелось бы, в основном потому, что после отъезда Деллы Ли у нее в жизни больше не будет даже Адама. Он сказал, что не хочет никаких перемен, но все уже изменилось. Она это чувствовала.

Ну и ладно, по крайней мере, тогда никто больше не будет отнимать у нее время и силы и она сможет снова всецело посвятить себя матери. Маргарет это понравится. Сегодня Роули привез ее и проводил до дверей, и она, войдя в дом, направилась прямиком к себе в комнату. Джози она не сказала ни слова, да и к Хелене обратилась всего однажды: сообщила, что ужинать будет у себя в комнате.

Джози всей кожей чувствовала материнское неодобрение. Она не любила вызывать у матери недовольство, но вместе с тем не понимала, как Маргарет может винить ее за непогоду. Интересно, долго ей придется искупать свою вину? Джози отчетливо представила, как Маргарет еще многие годы каждый снегопад будет припоминать

ей, что она бросила бедную беспомощную мать в салоне красоты.

Приятная перспектива, нечего сказать.

— Хлоя оставила на твоем мобильном голосовое сообщение, — доложила из шкафа Делла Ли.

Джози обернулась к ней, окруженной озерцом света в темной комнате.

— Откуда ты знаешь?

Делла Ли пожала плечами и продолжила аккуратно вырезать фотографию Эйфелевой башни ножницами, которые позаимствовала из ящика письменного стола.

Джози вздохнула:

— Убила бы тебя за то, что без спросу берешь мой мобильный, но я никогда никому не отправляю голосовых сообщений и без тебя не догадалась бы их проверить. — Джози достала из сумочки телефон и подошла с ним к гардеробной, чтобы видеть кнопки. — Кому ты звонила?

— Никому.

— Джулиану?

— Да никому я не звонила.

— Ладно. Не хочешь — не говори.

Джози открыла голосовую почту и прослушала послание от Хлои — та сообщала, что у нее все в порядке, чтобы Джози не беспокоилась, и что она

позвонит ей на День благодарения. Голос у нее был уже не такой безжизненный, как накануне, и у Джози отлегло от сердца. Наверное, самое страшное осталось для Хлои позади.

Джози убрала телефон обратно в сумочку. Теперь настал черед заняться ее собственными проблемами.

— Делла Ли, — она повернулась к гардеробной, — мне кажется, нам нужно поговорить о том, что ты будешь делать, когда придет письмо от мистера Ламара. Времени у тебя не слишком много, так что пора начинать готовиться. Мне хочется думать, что твой интерес к моим журналам — добрый знак. Ты хочешь отправиться в путешествие?

Делла Ли кивнула на кипу журналов, которую вытащила из потайного шкафа и положила рядом с собой.

— Видимо, не так сильно, как ты.

— Тебе придется уйти. Ты дала слово.

Делла Ли наткнулась на фотографии Триумфальной арки и, радостно пискнув, немедленно принялась ее вырезать. Похоже, Парижу в ее коллаже отводилась немаловажная роль. Джози всегда мечтала побывать в Париже.

— Я должна устроить твою жизнь, а потом я

уйду.

— С моей жизнью и так все в полном порядке, — заверила ее Джози. — Так что давай все-таки обсудим, где ты будешь жить, когда уйдешь.

— Все уже решено, — объявила Делла Ли.

Для Джози эта новость оказалась неожиданной.

— Правда?

— Конечно. Я знала, куда подамся, еще когда вышла за порог моего дома.

Еще когда вышла за порог своего дома. Когда она оставила позади детство и неуравновешенную мать. Свое уголовное прошлое. Джулиана. Да всю свою жизнь. Как она на это отважилась? Джози о таком решительном шаге могла лишь мечтать.

— Ну и куда же собираешься податься? Давай расскажи мне.

— Я же сказала тебе. На север.

— Север — понятие растяжимое.

— Я не обязана перед тобой отчитываться, — отрезала Делла Ли. — И вообще, это не твое дело.

В этом была вся Делла Ли.

— Интересно, почему с тобой подобная тактика не проходит?

Делла Ли только улыбнулась.

* * *

Вот уже третий год подряд Адам праздновал День благодарения у родителей Джейка, которые неизменно отмечали его вечером в среду, а не в четверг, как это было принято традиционно. Однако никогда раньше ему не приходилось сопровождать туда Джейка в качестве его пары.

— А я все равно считаю, что ты мог бы подарить мне цветочки, — пошутил он, пока они поднимались на крыльцо.

Джейк покачал головой:

— Нет, тебя решительно невозможно никуда взять с собой.

— Просто без Хлои здесь как-то не так.

— Без Хлои все как-то не так.

Они поднялись на крыльцо, стряхнули с курток снег и потопали, чтобы избавиться от того, что успело налипнуть на подошвы. Снег все еще шел, но ни на дорожке, ни на аллее, ведущей к просторному дому Ярдли, не было ни снежинки. Адам всегда думал, что здесь обитают идеальные заколдованные люди. Снег не падал на их дорожки. На дворе никогда не росли сорняки. Дом никогда не требовал покраски. А в летнюю жару, когда хочется прохлады, вокруг всегда была тень,

хотя деревьев нигде поблизости не наблюдалось.

Адам любил приходить в этот дом, точно попавший сюда из другого мира, хотя и не состоял в родстве с его хозяевами. Джейк же терпеть не мог это место.

— Не представляю, как я все это переживу, — сказал Джейк, подходя к двери и нажимая кнопку звонка.

Горничная открыла дверь, и их впустили внутрь. В украшении дома Фейт Ярдли просто превзошла самое себя, причем явно в последний момент. С потолка на нитках свисали хрустальные снежинки. Традиционные рога изобилия и букеты из листьев на каминных полках и столах чуть поблескивали, припорошенные искусственным снегом. Кромки бокалов искрились сахарной каймой. Джейк сказал, что в этом году традиционному пуншу дали название «снежный суп».

— Каким образом твоя матушка умудрилась сотворить все это великолепие за такое короткое время? — спросил Адам, когда служанка забрала у них куртки.

— Уйма кофеина и оплата подручным в тройном размере. Когда сегодня утром я разговаривал с ней, она радовалась, словно девчонка. Двадцать лет она устраивает эти приемы, и впервые на

День благодарения выпал снег.

Они вступили в роскошную гостиную с большим камином. Несмотря на снегопад, гостей у Ярдли собралось немало. В этом году приглашенных было человек тридцать — достаточное количество, чтобы затеряться среди них, что Адаму сделать было несколько легче, нежели Джейку, сыну хозяев, которого все непременно желали поприветствовать.

Фейт вышла им навстречу. В своем красном платье с открытыми плечами она была великолепна.

— Мой мальчик, — сказала она, обнимая Джейка. — Как жаль, что Хлоя не пришла.

— Мне тоже жаль, мама. — Он протянул ей коробку конфет — традиционный подарок на каждый День благодарения.

Она приняла ее с таким видом, как будто это был самый дорогой подарок за всю ее жизнь.

— Да, Адам, очень рада видеть вас снова.

Адам вручил ей букет цветов, который всегда приносил хозяйке, и она обняла его. От нее пахло сдобным печеньем.

— Я видела, как вы вошли; по-моему, сегодня вечером вы хромаете сильнее обычного. Так-то по вам и не скажешь, что у вас что-то с ногой.

— Это все холод и снег, Фейт. В такую погоду нога у меня всегда немеет.

— Так подойдите поближе к огню. Я распоряжусь, чтобы официант принес вам чего-нибудь выпить. Прошу прощения. — Она двинулась было прочь, но потом остановилась и улыбнулась Джейку. — Какой же ты у меня красавчик. — Она потрепала его по щеке. — Как я тебя люблю.

— Мне нравится твоя мама, — сказал Адам, когда она удалилась.

— Она святая.

— Джейк! — послышался голос его отца.

— А вот и причина ее святости, — пробормотал тот.

К ним приближался Кайл Ярдли собственной персоной, на ходу улыбаясь и приветствуя гостей: женщин он целовал в щечки, а мужчин хлопал по спине. Они с Джейком были так похожи друг на друга, что, когда появлялись где-то вдвоем, на них начинали оглядываться.

— Джейк, мне только что позвонил Говард Зим и рассказал одну весьма интересную вещь. — Кайл остановился перед ними и протянул руку Адаму. — Рад вас видеть, Адам.

Тот пожал протянутую руку.

— Взаимно, Кайл.

— Кто такой этот Говард Зим? — осведомился Джейк.

— Агент по недвижимости. Мы с ним играем в ракетбол. Я рассказывал ему о твоей размолвке с Хлоей.

Джейк немедленно взвился:

— Какого черта тебе понадобилось…

— Послушай, что я говорю. Он знает о твоей размолвке с Хлоей и потому решил, что мне будет небезынтересно это услышать. Не далее как час назад Крэмдоны с Летней дороги позвонили ему и сказали, что снижают цену на дом и хотели бы предоставить преимущественное право покупки одной особе. Очаровательной молодой женщине по имени Хлоя Финли.

Эта новость подействовала на Джейка как гром среди ясного неба. Он потерял дар речи.

— Ты, конечно, сам заварил эту кашу, когда признался ей. Надо было слушать меня. Но теперь ты должен во что бы то ни стало помешать ей наломать дров. Перекупи этот дом у нее под носом.

Джейк весь напрягся и начал багроветь, потом стремительно развернулся и вышел из комнаты.

Адам нагнал друга в передней — он одевался.

— Джейк, ты ведь не станешь покупать этот дом? Всем, кто знаком с Хлоей, известно, что он

ей всегда нравился.

Джейк рванул из рук прислуги свою куртку и вышел за дверь.

Адам кивнул девушке, и та протянула ему его куртку.

Когда Адам вышел из дома, Джейк стоял на крыльце и смотрел на заснеженный двор.

— Он советовал мне не давить на нее, дать ей время понять, как сильно я ей нужен. Чушь собачья! Он не знает Хлою! А я знаю. Она бросила колледж, чтобы ухаживать за прадедом и прабабкой. Ей пришлось продать дом, который принадлежал ее семье на протяжении многих поколений, и она выручила за него солидные деньги, причем совершенно самостоятельно. А ведь ей тогда едва исполнилось двадцать. Она жила в подсобке своего кафе и не жаловалась, потому что за ее стариками хорошо ухаживали, а это было для нее самое главное. Она чертовски сильная, Адам. Но когда старики умерли, это стало для нее огромным ударом. Они оставили ее одну. Я знаю, как она ненавидит оставаться одна. И я сделал с ней то же самое. — Джейк грохнул кулаком о деревянный столб. — Я потерял ее, да?

— Нет, не потерял. Не езди туда.

Джейк умолк. Потом произнес ошеломленно:

— Мне просто не верится, что она покупает дом.

Адам вспомнил свой сегодняшний разговор с Джози. При обычных обстоятельствах он не стал бы задавать Джейку такой вопрос. Не хочет Джейк рассказывать ему об этом — и не надо. Но ради Джози он все же спросил:

— Кто она, Джейк? Та женщина, с которой ты переспал?

Джейк покачал головой:

— Никто.

— Хлоя хочет знать. Почему ты отказываешься сказать ей? Вдруг это поможет? — сказал он, тщательно избегая малейшего упоминания о Джулиане.

— Я не могу.

— Но почему?

— Потому что не могу.

— Тебе не кажется, что вернуть Хлою важнее, чем сохранить тайну? Что тебя так на этом заклинило? — спросил Адам, засунув руки в карманы куртки.

— Ради всего святого, Адам, ты ведь знаешь, важнее Хлои у меня в жизни ничего нет. Но тут речь идет не о моей жизни.

— Я тебя не понимаю.

— Я все испортил. — Джейк вдруг бросился по ступеням вниз. — Надо же быть таким идиотом!

Он принялся яростными пинками расшвыривать снег по дорожке, словно не в силах был больше сдерживаться, словно ему не хотелось, чтобы окружающие продолжали верить, будто Ярдли так идеальны, что даже снег никогда не падает на их дорожки. Когда снег немного подтаял, он принялся лепить снежки и швырять ими в дом. Один угодил в колонну, рядом с которой стоял Адам, и того обдало ледяным крошевом.

— Эй! — возмутился он.

— Извини.

Адам спустился по ступеням.

— Может, моя нога никуда и не годится, но в цель я до сих пор попадаю без промаха, — сообщил он и, слепив плотный снежок, запустил им в Джейка.

Десять минут спустя их костюмы, куртки и лакированные ботинки были мокры насквозь. В итоге Фейт отправила обоих домой с ужином в бумажных пакетах, но без сладкого.

Потому что они были очень плохими мальчиками.

* * *

Очутившись у Адама дома, они поужинали перед телевизором и сошлись во мнении, что такой способ скоротать вечер обоим куда больше по вкусу. От пирога с тыквой, впрочем, они все же не отказались бы. Джейк несколько раз пытался дозвониться до Хлои, но она не брала трубку, и в конце концов он ушел спать.

Адаму не спалось. Снег все еще шел, снежинки царапали оконное стекло, точно клювики крохотных птиц, но метель уже утихала. Ему очень хотелось бы погулять под снегом, но мешала больная нога.

Он выключил в гостиной свет и раздвинул шторы. В доме напротив уже развесили рождественские гирлянды. Вдали виднелась гора, давшая название городку. Он даже мог смутно различить отблески огней на склонах с другой стороны.

Интересно, а Джози умеет кататься на лыжах? Она обожает снег, но ни разу в жизни не делала снеговика. Он весь день не мог выкинуть ее из головы. Когда тебя вынуждают взглянуть на вещи под иным углом, первая реакция — раздражение. А Джози именно вынуждала его — когда призна-

лась Хлое, что любит его, и когда выходила за рамки того, чего ожидали от нее окружающие. Наверное, сначала это и вызвало у него раздражение, потому что она изменилась, а это означало, что и все остальные вокруг нее должны измениться. То есть он лично должен был измениться, пусть даже он сам вбил себе это в голову. Но когда в конце концов сегодня вечером он сдался, то, глядя на склон Лысого Косогора, обнаружил, что это на удивление несложно. Он хотел, чтобы их отношения оставались неизменными, но теперь понимал, что это невозможно… и почти радовался этому!

Он взял куртку и вышел за дверь.

* * *

Джози внезапно открыла глаза. Было необычайно тихо. Так тихо, что какой-то стук о стену дома вырвал ее из сна. Она подождала, не повторится ли звук, но ничего не услышала.

— Делла Ли, — прошептала она.

— Что? — отозвалась та из шкафа.

— Ты слышала?

— Похоже, что-то стукнуло тебе в окно.

Джози уселась в постели. Под ложечкой у нее сосало, но не от голода. И еще не отпускало ощу-

щение, как будто что-то не так. Было слишком темно.

— Что, электричество отключили?

— Оно вырубилось с час назад. Я как раз была внизу. Хелена гоняла меня из комнаты в комнату в темноте, потом наконец загнала в кухню, а когда попыталась включить свет, он не зажегся. Это спасло мою задницу. Слышала бы ты, как она бранилась.

— Я же просила тебя не дразнить ее.

— Это дает ей хоть какое-то занятие. Ей одиноко.

Тут вдруг снова раздался тот звук, как будто что-то влажное шмякнулось о стену дома.

— Что это?

Джози отбросила одеяло и подошла к окну. Может, ветром повалило дерево? Но никакого ветра не было.

Джози открыла окно и высунула голову. Снег больше не шел. Казалось, мир покрыт толстым слоем белой сахарной глазури, готовой прилипнуть к нёбу.

— Джози! — позвал чей-то голос в тишине.

Она опустила глаза и увидела во дворе перед домом мужчину. Он стоял, задрав голову, и смотрел на нее. На его лице, озаренном лунным светом,

играла мальчишеская ухмылка.

— Адам?!

— Ваш почтальон? — изумилась из шкафа Делла Ли.

— Спускайся! — крикнул он, прямо как в сказке. — Будем лепить снеговика!

Морозный воздух холодил ей лицо. Шершавый пол царапал босые ноги. От подоконника веяло легким запахом мятного масла. Сердце гулко стучало в груди, кровь мчалась по венам. Все это доказывало, что она не спит, что все это наяву.

И все равно она не могла в это поверить.

— Джози? — повторил Адам.

— Зачем ты пришел?

— Я же сказал. Будем лепить снеговика!

— Ты спятил?

Он присел на корточки, набрал пригоршню снега и утрамбовал его в ладонях.

— Спускайся, а не то снежком запущу!

— Ты не посмеешь.

Его ухмылка стала хитрой.

— Ты так в этом уверена? — Он принялся перебрасывать снежок из ладони в ладонь. — Где тут окно спальни твоей матушки?

— Не смей!

Он угрожающе замахнулся.

— Ладно, твоя взяла. Сейчас спущусь. Только не надо ничего кидать.

Джози быстро убрала голову и закрыла окно, потом какое-то время просто стояла на месте.

— Хм, это интересно, — сказала Делла Ли. — Чего он хочет?

— Лепить снеговика. Лепить снеговика в… — Она машинально взглянула на электронные часы, потом вспомнила, что нет электричества. — Я даже не знаю, сколько сейчас времени.

Джози спала в пижаме, поэтому довольно долго копалась в темноте, пока не отыскала теплые сапоги и свитер. Она надела свое длинное черное пальто и по пути к двери захватила шерстяную шапку и перчатки.

— Оторвись по полной! Только про презервативы не забудь! — напутствовала ее Делла Ли.

Едва Джози ступила на площадку первого этажа, как из своей комнаты высунулась Хелена. В руке у нее был промышленный фонарь, который она купила вместе с газовым баллончиком и шумовым отпугивателем, после того как в начале года Уэйда Бисли арестовали за убийство собственной помощницы по хозяйству. Заговоры заговорами, однако даже Хелена понимала, что иногда нет ничего эффективнее для защиты, чем

десятифунтовый фонарь.

— Это я, я, — успокоила ее Джози, ладонью заслоняя глаза от света. — Мне нужно на минутку во двор.

Хелена опустила свой фонарь.

— Там почта.

— Я знаю.

— Олдси нравится почта.

— Да, — подтвердила Джози. — Нравится.

Хелена улыбнулась и скрылась за дверью спальни.

Джози подошла к входной двери и вышла на крыльцо. Адам уже ждал ее. Ждал — ее! Это не укладывалось у нее в голове. Джози закрыла за собой дверь и скрестила руки на груди.

— Ты пьян?

— Нет.

Она оглядела улицу. Следов колес нигде видно не было. Он словно свалился к ней во двор прямо с луны.

— Как ты добрался сюда?

— На машине. У меня полный привод. Только пришлось оставить ее у подножия холма и идти сюда пешком.

— А у себя перед домом слепить снеговика тебе было никак?

— Да, потому что там не было тебя.

Джози утратила дар речи.

— Ты сама сказала сегодня, что ни разу в жизни не делала снеговика. Я хочу научить тебя.

— А-а. — Значит, он снова решил ее пожалеть. — Что ж, мне очень жаль, что ты напрасно проделал такой путь, но здесь лепить снеговика мы не будем, — сказала она и отступила к двери.

— Почему?

— Потому что это запрещено правилами района.

— А кто узнает, что это мы? — Он развернулся. — Иди сюда.

— А как же твоя нога? — спросила она.

Он чуть прихрамывал, когда спускался по ступенькам.

— К черту ногу.

Он добрался до нижней ступени и взглянул на Джози снизу вверх. На нем была желтая зимняя куртка, черные перчатки и черный берет, затягивающийся сзади. Она три года любила этого мужчину, но почти совсем его не знала. Ей было слишком страшно задавать ему вопросы о его увечье, о чем-то личном, потому что тогда он мог догадаться о ее чувствах. Но теперь, когда он уже обо всем узнал, наверное, не будет никакого

вреда, если она спросит.

— Как ты повредил ногу?

Он кивнул в сторону двора.

— Пойдешь лепить со мной снеговика, тогда скажу.

— Я не настолько сильно жажду это узнать.

— Настолько-настолько.

Он протянул ей руку.

Ну и что, что она дала ему повод для жалости? Ну и что, что желание быть с ним заставило ее переступить через свою гордость? Ведь это же Адам протянул ей руку. Разумеется, она примет ее. Только сегодня, потому что когда еще ей представится такая возможность?

Оказалось, что, прежде чем делать снеговика, полагается отыскать идеальное место, желательно поближе к дороге, чтобы все могли видеть твое творение. Затем следует слепить плотный комок, уложить его на снег и катать по двору по кругу, пока он не станет достаточно большим. И так, пояснил Адам, три раза. Нижний ком самый большой, средний поменьше, а верхний — самый маленький.

На словах все казалось проще простого, однако, как Джози ни старалась, снежные комья почему-то разваливались, когда она пыталась катать их.

— Ты слишком сильно нажимаешь, — сказал Адам.

— Ничего не сильно. Я просто хочу сделать маленького снеговика.

Он рассмеялся, и она запустила в него недоделанным снежным комом.

Адам медленно распрямился.

— Ну, все. Пеняй на себя.

Джози бросилась бежать, пытаясь укрыться за жидкими кустиками форзиции, но пущенный его рукой снежок угодил ей прямо между лопаток. Она возмущенно фыркнула и остановилась. Адам хочет войны? Он ее получит!

С меткостью у него дела обстояли куда лучше, чем у нее, но когда она оказалась в достаточной близости от него, это перестало иметь значение. Ее броски несколько раз достигали цели, а один раз, к ее несказанной гордости, ей даже удалось залепить снежком ему в лицо. К несчастью, она и сама не заметила, как оказалась к нему так близко, что он сцапал ее за руку и запихнул ей за шиворот пригоршню снега. Джози вскрикнула, поскользнулась и неожиданно полетела навзничь, увлекая за собой Адама. Он приземлился поверх нее и обеими руками уперся в землю по сторонам от ее плеч. Джози зажала себе рот,

чтобы не рассмеяться слишком громко. Просто удивительно, как они до сих пор умудрились не перебудить всю округу.

Она запрокинула голову и так расхохоталась, что из глаз у нее брызнули слезы. Она зажмурилась, но соленая влага все равно поползла по вискам, обжигая холодную кожу. Господи, когда ей в последний раз было так хорошо? Как прекрасно, оказывается, дать волю эмоциям. Когда Джози наконец перестала содрогаться от хохота и открыла глаза, то увидела, что Адам смотрит на нее с самым что ни на есть серьезным видом. Она отняла руку от рта, и ее улыбка угасла. Он какое-то время смотрел на ее губы, потом внезапно скатился с нее и встал.

— Я повредил ногу, когда катался на лыжах на склоне Лысого Косогора, — сказал он и протянул ей руку.

Джози уселась, совершенно ничего не понимая. Что это было? Она вскинула на него глаза, потом обхватила протянутую ей руку. Адам рывком поставил ее на ноги.

— Это, наверное, было ужасно.

— Так оно и было. Теперь лыжи для меня заказаны. Лыжи, парусный спорт, прыжки в воду, скалолазание. И путешествия.

Эти слова прозвучали в ее ушах чудесной экзотичной музыкой.

— И ты всем этим занимался?

— Да.

Он развернулся и зашагал к недоделанному снеговику.

Она бросилась следом.

— А почему перестал? Больше не можешь?

— Не знаю. Я не пробовал. — Он пожал плечами. — Пора было остепениться.

— Тебе нравилось путешествовать?

— Я этим жил. Помоги-ка мне поднять этот ком.

Она подошла к нему, и объединенными усилиями они взгромоздили объемистый снежный ком на еще больший нижний.

— Значит, после того случая ты ни разу не выезжал из Болд-Слоупа?

— Может быть, как-нибудь потом я съезжу навестить брата в Чикаго. Повидаюсь с друзьями. Пока что я не готов.

Он принялся лепить верхний шар.

— Я не знала, что ты жил в Чикаго.

Он улыбнулся, не переставая катать ком.

— Мы оба считаем, что знаем друг друга, но на самом деле ничего не знаем, верно? Я работал

адвокатом в Чикаго. До несчастного случая.

Она удивленно подняла брови. Адам работал адвокатом? Наверное, это и есть его секрет. Во всяком случае, в этом было что-то притягательное.

— И из-за того случая ты бросил юриспруденцию?

— Нет. Я бросил ее потому, что ненавидел это занятие.

Когда голова снеговика достигла нужного размера, он поднял ее и вернулся к телу. Теперь он хромал сильнее, чем когда Джози только вышла из дома.

— Почему тогда ты не бросил ее до несчастного случая?

— Не знаю. — Он с хрустом водрузил голову снеговика на ее законное место. — Наверное, когда оказываешься на волосок от смерти, происходит переоценка ценностей.

На миг она лишилась дара речи.

— Ты был на волосок от смерти? — проговорила она наконец тихо.

— Это была моя первая в жизни травма. Перелом бедра. Перелом позвоночника. Множественные внутренние повреждения. Разрыв селезенки.

Адам перечислял все это механически, без эмоций.

Он подошел к зарослям форзиции и отломил две ветки. Джози пристально смотрела на него в лунном свете; у нее возникло такое чувство, что наконец-то приоткрылась какая-то дверца и она получила возможность заглянуть внутрь.

— Ты боишься уезжать? — спросила она. — Тебе было больно, и ты боишься, что будет снова, если ты… что-нибудь сделаешь.

Он на миг остановился, не глядя на нее.

— Так вот в чем твой секрет.

— Я просто ничего не предпринимаю. В этом нет ничего плохого, — отозвался Адам наконец.

Он воткнул по сторонам среднего кома руки-ветки, потом отступил на шаг и оглядел свое творение.

Джози не покидало странное ощущение, как будто где-то во вселенной что-то переменилось. Ей вдруг перестало казаться, что она отдает больше, чем получает. Она вскинула глаза на луну, светившую на Адама из-за заснеженных деревьев, и засмотрелась, точно увидела ее в первый раз, зачарованная ее таинственностью, ее холодным молочным сиянием.

От этого зрелища захватывало дух.

* * *

В ту же самую минуту в гостевой спальне в доме Крэмдонов Хлоя перевернулась на бок, взглянула на луну за окном и почувствовала точно такую же перемену.

Она сунула руку под подушку, чтобы удобнее было лежать, и замерла. Там что-то лежало.

Она приподнялась на локте и выудила из-под подушки книгу.

«Полная энциклопедия домовладельца».

Хлоя снова улеглась на подушку, глядя на книгу. Наконец-то это оказалось что-то, не имеющее отношения к ее личной жизни. Она словно получила награду. Хлоя обхватила книгу обеими руками и прижала к себе, глядя в холодную, безмолвную ночь.

Глаза у нее сами собой закрылись, и она уснула.

Глава 11
Сахарные сердечки

Наутро Дня благодарения в комнату Джози ворвалась Маргарет.

— У нас на дворе стоит снеговик! — сообщила она таким тоном, как будто на их участок вот-вот обрушится всемирный потоп.

Джози уселась в постели, взъерошенная со сна и одеревеневшая после вчерашней возни в снегу, и первым делом бросила взгляд на гардеробную, чтобы убедиться, что дверь закрыта.

Маргарет прошествовала к окну.

— Полюбуйся!

Джози выбралась из кровати и подошла к матери. Пейзаж радовал глаз нетронутой первозданной белизной снежного одеяла, покрывавшего все вокруг… кроме двора перед их домом. То, что творилось там, нельзя было передать словами: снег был весь истоптан, там и сям громоздились высокие неровные кучи, а довершал картину рыхлый кособокий снеговик, словно выдавленный из баллончика со взбитыми сливками.

А шею его украшал голубой шарф Адама.

Джози сжала губы, чтобы не улыбнуться.

Должно быть, он сделал это уже после того, как она ушла в дом.

— Тебе что-нибудь об этом известно? — подозрительно спросила Маргарет.

— Я ни разу в жизни не делала снеговиков, а этот выглядит так, как будто у того, кто его слепил, богатый опыт.

— Кто мог так с нами поступить? Вызови садовника, — бросила Маргарет, удаляясь. — Скажи, пусть придет и разровняет нам снег.

Джози не нашлась что сказать. Пусть придет и разровняет нам снег?

Вдруг где-то в комнате раздалась негромкая трель, и Маргарет застыла на пороге. Сердце у Джози ушло в пятки. Она покосилась на свою сумочку.

— Что это? — осведомилась Маргарет, озираясь вокруг. — Что это за звук?

Джози подошла к сумочке.

— Это… э-э… мобильный телефон.

— Ты дала номер кому-то из посторонних? Кому?

— Ее зовут Хлоя Финли, она моя подруга.

Джози вытащила телефон. Она понимала, что рано или поздно Маргарет обо всем узнает, но

надеялась, что это случится когда-нибудь потом. Хотя бы после того, как будет немного подзабыта история с несчастной, оставленной на произвол судьбы в салоне красоты матерью.

Лицо Маргарет окаменело.

— Финли? Так вот с кем ты встречаешься?! Кто рассказал тебе о ней?

— Что ты такое говоришь? О чем мне должны были рассказать?

— Ни о чем.

Маргарет развернулась и поспешно удалилась.

Джози ответила на звонок, провожая мать взглядом.

— Да?

— Счастливого Дня благодарения! — послышался в трубке голос Хлои. Такой веселой Джози ее за все время их знакомства еще не знала. — Джози, ты не поверишь! Я покупаю дом! Тот самый, на Летней дороге!

Джози потерла глаза ладонью.

— Что? Правда? Но как?

— Вчера я познакомилась с хозяевами. На самом деле мне пришлось заночевать у них из-за снегопада. Долго рассказывать. В общем, они только что решили снизить цену на дом. И согласились продать его мне!

Джози опустила руку и рассмеялась.

— Ох, Хлоя, это так здорово!

— Мне столько всего нужно сделать, просто голова кругом.

— Если понадобится какая-нибудь помощь, только скажи.

— Спасибо. Я справлюсь сама. У меня отличный кредитный лимит, к тому же я давно откладывала деньги на сберегательный счет, и потом, теперь мне не нужно будет больше платить за хранилище!

— Рада за тебя, Хлоя. Очень рада.

— Я позвоню тебе в ближайшее время.

— Поздравляю, — сказала Джози, но Хлоя уже повесила трубку.

— Что там такое у вас случилось? — послышался голос Деллы Ли.

Джози подошла к шкафу и открыла дверь.

— Хлоя покупает дом.

На Делле Ли был свитер и дутые сапоги, в которых Джози ночью выходила на улицу.

— Ты молодец, что предложила ей помощь.

— Она мне нравится, — сказала Джози, стаскивая с вешалки платье. — И сними мою одежду.

— Держитесь друг за друга, ладно?

— Зачем? Что ты хочешь этим сказать?

Делла Ли пожала плечами:

— Ничего.

Джози со вздохом отвернулась. Опять «ничего».

* * *

Два дня спустя, в субботу, Хлоя позвонила снова и пригласила ее взглянуть на дом на Летней дороге. Джози согласилась, радуясь возможности сбежать на какое-то время от матери — Маргарет распространяла волны постоянного недовольства, от которого гудел и потрескивал воздух вокруг нее. К тому же ни в пятницу, ни в субботу, когда Адам приносил почту, Джози к нему не вышла, и от этого дни казались ей еще длиннее.

В пятницу она лежала у себя в комнате с книжкой и вдруг почувствовала его приближение. Она поднялась и подошла к окну. Снеговик привел Маргарет в такое негодование, что в четверг она оторвала их садовника от праздничного обеда и настояла, чтобы он немедленно пришел и сровнял его с землей. Адам остановился перед домом и с улыбкой покачал головой, увидев, что снеговика нет, а потом по дорожке направился к крыльцу.

Вместо того чтобы выйти к нему, Джози верну-

лась в постель.

— Что случилось? — поинтересовалась из шкафа Делла Ли.

Джози сунула под голову еще одну подушку и уткнулась в книгу — это был один из любовных романов, которые она позаимствовала у Хлои.

— Ничего.

— Зачем ты подходила к окну?

— Просто так.

— Ваш почтальон пришел? Почему ты не спустишься к нему? Я думала, позавчера вы прекрасно повеселились в снегу. Ты чего-то недоговариваешь? Он что-то тебе сделал? Ух я ему!

Из двери гардеробной вылетела туфля.

Джози встала с кровати и подняла туфлю; ее позабавило, что Делла Ли так разозлилась из-за нее. Она понесла туфлю обратно в гардеробную.

— Да ничего он мне не сделал.

— Почему тогда ты не хочешь его видеть?

Джози поставила туфлю в шкаф.

— Меня не тянет выяснять, какой из двух Адамов пришел сегодня: тот, кто предпочитает, чтобы все оставалось как есть, или тот, кто явился ко мне под окно, чтобы слепить снеговика.

Делла Ли неожиданно улыбнулась. Улыбка у нее была очень славная, несмотря на чуть криво-

ватые передние зубы.

— Ты изменила расстановку сил. Заинтриговала его настолько, что он сам пришел к тебе. Отличный ход.

Джози закатила глаза и вернулась в постель.

— Никого я не интриговала.

— Возможно, не намеренно. Но именно так на твоем месте поступила бы я. Похоже, на тебе сказывается мое влияние. Я пробралась к тебе в голову.

Излишне говорить, что к субботе Джози изнывала от желания куда-нибудь вырваться. Снегоуборочные машины уже расчистили заносы на дорогах, и, направляясь к новому дому Хлои, Джози оказалась в плотном потоке автомобилей. На улицах было полным-полно любителей горных лыж и просто желающих пройтись по магазинам, съехавшихся со всей округи. Предрождественский сезон официально начался, и Болд-Слоуп превратился в заснеженный пряничный городок с праздничной открытки.

Мечта Марко Сиррини превращалась в явь — каждую зиму.

Крэмдоны с удовольствием позволили Хлое устроить Джози экскурсию по дому. Они были просто влюблены в Хлою. И, судя по количеству

принадлежащих им книг, Хлоя нашла свою потерянную родню. Ни в одной комнате не было ничего такого, что ей бы не нравилось. Она взахлеб рассказывала Джози, как расставит оставшуюся от прадеда с прабабкой мебель, время от времени спохватываясь и вспоминая, что какая-то только что упомянутая вещь принадлежит Джейку. Джози понимала, что это ему, Джейку, а не ей Хлоя хотела бы сейчас показывать этот дом. Она очень надеялась, что Адаму удалось разузнать у него что-нибудь о той, другой женщине. В ту ночь, когда они лепили снеговика, он ничего об этом не сказал. Очевидно, придется в ближайшее время напомнить ему о его обещании.

Последней остановкой на их пути была кухня, где Джордж и Зельда пили кофе. Зельда налила по чашечке и Джози с Хлоей.

— Я понимаю, почему вы дружите, — сказала Зельда. У нее были умные, проницательные глаза, как будто она знала больше, чем произносила вслух. — Вы даже похожи.

Джози с Хлоей изумленно переглянулись. Джози так привыкла, что ее мать неизменно оскорблялась, если кому-нибудь приходило в голову заикнуться об их сходстве, что была поражена, когда Хлоя со смехом воскликнула:

— Господи боже мой, а ведь точно! У нас даже глаза одного цвета. И волосы у обеих вьются.

Внезапно Джози в голову пришла одна мысль.

Нет, не может быть.

«Черт бы тебя побрал, Делла Ли!» — выругалась она про себя.

Хлоя болтала с Крэмдонами, и они упомянули в разговоре задний двор.

— Ой, а задний двор-то! — всплеснула руками Хлоя. — Джози, я хочу показать тебе задний двор.

Держа в руках чашки с кофе, они вышли на застекленную террасу. Заснеженный двор оказался очень большим, достаточно большим даже для бассейна, похвасталась Хлоя, если она решит обзавестись им. Впрочем, Крэмдоны многие годы занимались огородничеством, да и земля здесь была хорошая, так что она, возможно, тоже попробует себя в этом занятии.

— Ты знала своего отца? — неожиданно спросила Джози.

Хлоя вскинула брови: такой неожиданный поворот темы ее удивил.

— Вообще-то, нет. Понятия не имею, кто он такой. У меня даже в свидетельстве о рождении прочерк. Мама забеременела мной, когда ей было восемнадцать. Через три дня после того, как я

появилась на свет, она уехала из города. Меня вырастили прадед с прабабкой.

— А ты никогда не пыталась выяснить, кто он?

— Нет, — ответила Хлоя. — В детстве я любила фантазировать, кто он такой. Больше всего мне нравилось воображать, что он — представитель какого-нибудь европейского королевского рода. Одно время я тешила себя мыслями, что он рок-звезда. А еще что он прилетел с другой планеты. Но я давным-давно поняла, что, если узнаю, кто он, это принесет мне одно только разочарование. В моих фантазиях он жалеет, что так и не смог со мной познакомиться. Это самое большое огорчение в его жизни. Все эти годы он тайком от меня следит за моей жизнью. А когда мама сбежала, она отправилась к нему, и теперь они счастливы вдвоем. И я не хочу разбивать эти фантазии. — Хлоя вдруг спохватилась, что увлеклась, и улыбнулась. — А почему ты спросила?

— Просто мне вспомнился мой папа.

— Он был великий человек.

Джози рассеянно кивнула.

— Девушки, — позвал Джордж, высунувшись из двери, — кто хочет пирога с остатками индейки?

* * *

— Ты хотела, чтобы я спросила у мистера Ламара еще про одну женщину, от которой откупился мой отец. Ты думаешь, что это мать Хлои? — осведомилась Джози.

Домой она вернулась поздно и прямиком направилась на второй этаж, к Делле Ли в ее шкафу. Она тяжело дышала, но не потому, что запыхалась, а из-за нахлынувшей на нее паники от того, как стремительно ее жизнь подпадала под влияние Деллы Ли.

— Ты считаешь, что Хлоя тоже его дочь. Ее имя было произнесено в первый же день, как только ты здесь появилась. Ты раз за разом гоняла меня за сэндвичами, к которым даже не притронулась.

— Да, долго же до тебя доходит. Ты что, слепая? — отозвалась Делла Ли, оторвавшись от своего коллажа. Сегодня ее светлые волосы были стянуты в хвост на затылке при помощи капроновых колготок, которые Джози привезла ей из дома. — Только Хлоя ничего не знает. Ее мамаша свалила из города с деньгами, которые дал ей Марко. Все это записано у моей матери в блокнотах. Она запротоколировала весь их роман.

Делла Ли росла в этой атмосфере. Ей твердили об этом всю жизнь; разумеется, она верила материнским бредням. Но масштабность и обилие подробностей вкупе с абсолютной уверенностью Деллы Ли в чем-то настолько немыслимом выводили Джози из себя. Делла Ли и вправду пробралась к ней в голову, как и сказала.

— Делла Ли, не обижайся, пожалуйста, но, по-моему, тебе нужна профессиональная помощь. Я дам тебе денег. Посмотри на себя: у тебя колготки на голове. Это, по-твоему, нормально?

Делла Ли фыркнула:

— Ой, только вот этого не надо. Ты начала сомневаться в себе. Заметила наконец, что у нас троих его глаза. Заметила, что у Хлои волосы вьются мелким бесом, в точности как у тебя. Ты начинаешь верить мне, так?

— Нет, не начинаю, — ответила Джози твердо.

— Хочешь сказать, ты никогда даже не рассматривала возможность того, что у твоего отца могли быть дети помимо тебя?

— Мой отец был великий человек.

— Все так говорят. Интересно, многие ли из тех, кто на самом деле его знал, верят этому.

— Я верю.

— В самом деле? Ты в самом деле в это веришь?

Веришь, что та сторона, с которой ты его знала, была его единственной стороной? И никаких других не было?

Эти слова напомнили Джози об Адаме. Нет, она не считала, что у Адама с ее отцом было что-то общее, но в ту ночь ей открылось в нем нечто такое, о существовании чего она никогда даже не подозревала… может быть, и у ее отца тоже были свои секреты? Джози поколебалась, потом сказала:

— Ты думаешь, что моя мать откупилась от твоей матери, что она знает про тебя. Ты считаешь, что про Хлою она тоже знает? Ну, то есть в твоем воображении. Я не хочу сказать, что все так и есть на самом деле.

— Я уверена, что Маргарет знала обо всех романах Марко.

Может быть, именно поэтому мама так взвилась при упоминании о Хлое?

Нет, твердо сказала себе Джози, в этом направлении она углубляться не станет.

Все равно письмо от мистера Ламара расставит все по своим местам.

* * *

— Значит, ты со мной не пойдешь? — спросил Адам Джейка в воскресенье после Дня благодарения и помахал приглашением, как будто это могло сделать его более заманчивым.

Джейк сидел на диване в гостиной Адама и смотрел телевизор, перескакивая с канала на канал.

— Проводы твоего почтового начальника на пенсию — это, конечно, очень весело, но в понедельник вечером нам с коллегами придется поработать сверхурочно. Мы закажем что-нибудь навынос.

— Ну и ладно, все равно кавалер из тебя ни к черту.

Адам бросил приглашение на кофейный столик и плюхнулся на диван рядом с Джейком. Вообще-то, на подобные мероприятия вовсе не обязательно было приводить с собой пару. Приглашение он получил давным-давно и с самого начала знал, что Джейк не захочет с ним пойти. Почему же тогда он таращился на пригласительную открытку, вместо того чтобы уткнуться в телевизор?

Из-за Джози.

Она продолжала упорно избегать его. Да, он сам сказал ей, что его устраивает все как есть, но это было до среды. Ей каким-то образом удалось заглянуть к нему в душу и разглядеть там именно то, что он пытался скрыть. Он осел в этом городке вовсе не потому, что решил остепениться. Он тосковал по прошлой жизни, тосковал так сильно, что порой его тело охватывала дрожь, словно оно пыталось одолеть разум и заставить хозяина сбросить оцепенение. Тогда, в среду ночью, он тоже ощутил эту тягу, когда смотрел в лицо Джози. Ничто не мешало ему поцеловать ее, а он отстранился. Может, потому она и не выходит на крыльцо? Потому что он ее разочаровал?

— Пожалуй, приглашу-ка я на эту вечеринку Джози Сиррини, — неожиданно заявил он.

Джейк отключил звук и уставился на него.

— Она мне нравится.

Джейк продолжал таращиться на него с непонимающим видом, как будто Адам ни с того ни с сего заговорил на суахили.

Адам покачал головой, поднялся и ушел на кухню. Через миг за спиной у него послышались шаги Джейка. Адам открыл холодильник и сунул приятелю бутылку пива, потом вытащил еще одну для себя.

Джейк молча откупорил бутылку и от души приложился к ней.

— Ну ладно, — произнес он наконец, — теперь, когда я справился с потрясением… Что ты сказал?

— Она славная.

— Ну да, пожалуй. Когда я только пришел в прокуратуру, она прислала мне открытку с поздравлениями по поводу новой работы. И она первая послала цветы маме, когда та лежала в больнице после операции. А знаешь, что сказала мама? «Поверить не могу, что она послала мне цветы». Да, именно так моя милая мамочка и сказала. А все потому, что как-то раз она застукала Джози в магазине за поеданием сладостей и объяснила ей, что за них, вообще-то, полагается сперва заплатить, а Джози в ответ пнула ее по ноге. У мамы до сих пор шрам на лодыжке.

Адам откупорил свою бутылку.

— Ты когда-нибудь обращал внимание, какие у нее волосы?

— Волосы?

— У нее изумительные волосы.

— Да, наверное.

— И потрясающая кожа. А фигура…

— Фигура?! — переспросил Джейк. — Брось,

Адам.

Адам был явно разочарован. Обыкновенно Джейк бывал более великодушен.

— Чем она тебе так насолила? Давай выкладывай.

Джейк сделал невинные глаза:

— Ты о чем?

— Очевидно, она чем-то досадила всему городу. Что она сделала лично тебе?

Джейк принялся ковырять ногой пол.

— Она стянула мой кусок шоколадного торта, — признался он наконец.

Адам расхохотался:

— И это нанесло тебе неизгладимую психологическую травму на всю жизнь.

— Ну, вообще-то, я обожаю шоколадный торт.

Адам, как и большинство людей, в детстве тоже делал глупости. Но когда он уехал в колледж, то распрощался со своим прошлым. Родители у него умерли, так что с родным городком в Калифорнии его больше ничего не связывало. Он и представить не мог, каково приходилось Джози, которой до сих пор постоянно припоминали ее детские выходки и упрямо судили о ней по давнему прошлому. Динамика ее отношений с городом просто потрясала.

Адам неожиданно отставил свою бутылку в сторону и взял телефонную книгу. Он вышел из кухни, и Джейк с любопытством проводил приятеля взглядом. Очутившись у себя в комнате, Адам присел на край кровати и нашел номер Джози. Неожиданно для себя самого он вдруг разволновался. Точно так же он чувствовал себя на старте во время состязаний по скоростному спуску. Раньше это ощущение горячило ему кровь, и, положа руку на сердце, оно до сих пор ему нравилось. Он не мог позабыть его.

Он набрал номер, трубку сняла горничная.

— Дом Сиррини.

Он прокашлялся.

— Позовите, пожалуйста, Джози.

— Олдси?

— Нет, Джози.

— Понимай. Кто говорить?

— Это Адам Босуэл.

— А-а, почта, — протянула она довольным голосом. — Подождать. Сейчас звать.

Адам ссутулился и уперся взглядом в пол, он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы унять болезненно бьющееся сердце. Через несколько минут в трубке послышался голос Джози:

— Слушаю?

Он выпрямился.

— Привет, Джози, это Адам.

Молчание.

— Привет, Адам.

— Тебя что-то давно не было видно. У тебя все в порядке?

— Да-да. Все нормально, — смущенно произнесла она. — Спасибо, что позвонил.

— Погоди, — перебил он. — Джози, ты избегаешь меня, а я не понимаю почему. Надеюсь, не потому, что ты передумала.

— Насчет чего?

— Насчет меня.

И снова молчание.

— Это не я не хотела перемен.

Он против воли улыбнулся.

— Послушай, мне тридцать четыре, и я уже не помню, когда занимался этим в последний раз, так что прости мне мою подростковую неловкость.

— Ты о чем? — спросила она.

— Я звоню, чтобы пригласить тебя на свидание.

Опять молчание.

— В понедельник вечером я иду на вечеринку по случаю выхода моего начальника на пенсию

и хочу пригласить тебя с собой. Понедельник уже завтра, и вообще там не будет ничего особенно захватывающего, так что, если ты откажешься, я не обижусь.

— Разумеется, я пойду, — ответила она просто.

«Разумеется». Можно подумать, никакого иного ответа он не должен был предполагать. Ладно, положим, он и не ожидал, что она завизжит от радости, но немного побольше воодушевления проявить можно было бы? Может, она просто не успела отойти от потрясения?

— Ладно, тогда до завтра.

— До завтра.

— Я заеду за тобой в семь вечера.

— Ой, нет.

— Ты вспомнила, что у тебя другие планы?

— Нет, дело не в этом. Просто не нужно заезжать за мной домой. Лучше встретимся где-нибудь в другом месте.

Сердце у него снова забилось быстрее, как бывало, когда ему удавалось избежать падения.

— А я хочу за тобой заехать.

— Я не могу тебе этого позволить. Моя мать устроит тебе выволочку, а служанка, чего доброго, наведет порчу.

— Всю жизнь только об этом и мечтал.

— Нет, серьезно, мы можем встретиться где-нибудь еще.

— Нет, серьезно, я хочу за тобой заехать.

— Перед свиданием, — уточнила она, как будто хотела убедиться, что верно все поняла.

— Ага.

Возвращаясь с телефоном обратно в кухню, он улыбался. Господи, до чего же здорово. Он все-таки одолел этот склон. Крутенький был спуск.

— Послушай, прости, что я так отозвался о Джози… ну, о ее фигуре, — подал из гостиной голос Джейк. — Это было невежливо.

— Еще как.

Адам забрал из кухни свое пиво и пристроился рядом с Джейком на диване.

— Хлоя будет на седьмом небе от радости. Она всегда мечтала, чтобы ты начал с кем-нибудь встречаться.

Адам знал, что Джейк все выходные пытался дозвониться до Хлои и выяснить, действительно ли она покупает дом.

— Ну как, удалось тебе связаться с ней?

— Нет. Она не берет трубку, — пробормотал Джейк, не отрывая глаз от экрана. — И я тоже рад за вас с Джози.

— Спасибо.

Джейк немного помолчал, потом произнес:

— Пожалуй, я бы сейчас съел кусочек шоколадного торта.

* * *

В понедельник, в первый рабочий день после праздников, Джейк отправился к Хлое в кафе. Дозвониться до нее он так и не смог и едва удержался, чтобы не явиться к ней в квартиру.

Она собралась купить дом.

Медленно, но верно она отдалялась от него, а он не понимал, как ее удержать.

В послеобеденное время клиентов в кафе по обыкновению не было, и Хлоя, сидя за одним из столиков в зале, читала «Полную энциклопедию домовладельца». Волосы у нее были заплетены в длинную косу. Она всегда убирала их так, когда они с Джейком собирались кататься на лыжах или отправиться на пешую прогулку. А иногда утром она становилась перед зеркалом в ванной и со вздохом вскидывала руки, чтобы заплести косу, потому что больше никакая прическа не могла удержать эту гриву. Ему вспомнилось, как колыхалась ее грудь под футболкой, пока она плела косу, и как он подходил к ней сзади и целовал в шею, а потом подставлял ладони под ее груди.

Как-то раз они даже в таком положении занимались любовью, глядя друг на друга в зеркало: она с руками, вскинутыми к волосам, а он — накрыв ладонями ее груди.

Хлоя вдруг глубоко вздохнула, как будто уловила что-то, витающее в воздухе. Она подняла глаза, увидела, что к ней приближается Джейк, немедленно вскочила и спряталась за прилавком. Хорошо хоть, не забилась в подсобку, как в прошлый раз.

Видя, что она попятилась, Джейк остановился в нескольких шагах от прилавка.

— Можешь не отходить дальше.

Она кивнула на кофеварку.

— Горячо.

Она до сих пор не утратила способности улавливать его чувства, и его эмоции до сих пор вызывали у нее горячий отклик.

— До сих пор?

— Это не прекратилось в тот миг, когда ты мне изменил. А жаль.

Он на миг отвлекся, чтобы оценить точность попадания. Это не был удар ниже пояса, однако совсем мимо цели он тоже не прошел. Шпилька угодила в точности туда, куда была нацелена.

— Я все выходные пытался до тебя дозвонить-

ся.

— Я знаю. — Похоже, она не очень понимала, куда девать руки. Сначала сцепила их в замок, потом сложила на груди и наконец засунула в карманы джинсов. — Я была немного занята.

— Все очень жалели, что тебя не было на праздничном ужине у моих родителей.

— Я тоже жалела, что не могу пойти, — сказала она. — Как все прошло?

— Честно говоря, не знаю. Нас с Адамом отправили домой в самом начале за то, что затеяли снежный бой.

Хлоя слабо улыбнулась.

— Ты слышала, что Адам пригласил Джози Сиррини на свидание?

— Джози позвонила мне сегодня и рассказала. Я рада за них.

— Я знал, что ты обрадуешься. Кстати, я слышал, ты покупаешь дом на Летней дороге, — произнес он, понимая, что вступает на неверный путь и напрасно избрал такой небрежный тон.

И вообще, вся затея с самого начала была напрасной. Он не понимал, что делает. Ему просто хотелось быть рядом с ней. Разлука с каждым днем становилась все невыносимей. Месяц без нее стал для него настоящей пыткой. Он лежал

без сна в гостевой комнате Адама и думал о ней. Каждый миг, не занятый разговором или чем-нибудь отвлекающим, был полон ею. Он понимал, что нужно позволить Хлое разрешить ситуацию на ее условиях. В конце концов, что ему оставалось делать, если его раскаяния оказалось недостаточно? Но сидеть сложа руки было не в его характере.

Она помолчала, вглядываясь в его лицо, как будто хотела что-то в нем найти.

— Я просто оказалась в нужном месте в нужное время.

— Я знаю, как тебе нравится этот дом. И рад, что он будет твоим.

Ему очень хотелось спросить — почему, почему она сделала это без него? Он мог бы разделить с ней эту радость. Кто лучше его знал, что значит для нее покупка этого дома?

— Спасибо, — поблагодарила она.

— И что теперь будет, Хлоя? Ты съедешь из квартиры?

— Да, как только будут улажены все формальности. Но если ты хочешь вернуться в квартиру, я найду, где пожить.

— Не надо, — сказал он поспешно. Не хватало только оттолкнуть ее еще дальше. — Живи

сколько нужно. Эта квартира ровно такая же твоя, как и моя.

Хлоя покачала головой:

— Нет, это не так.

Ответ удивил его. Значит, она купила дом, потому что ее не устраивала квартира?

— Хлоя, я ни разу не дал тебе повода так считать.

— Я знаю.

— Скажи, что мне делать, — взмолился он. — Скажи, как все исправить, Хлоя. Я не хочу потерять тебя, но не понимаю, как сделать так, чтобы ты осталась.

— Как ее зовут? — спросила она еле слышно.

Джейк опустил голову. Положение было безвыходным. Признаться ей? Имеет ли он право?

— Если я назову ее имя, ты простишь меня? — Он вскинул голову и встретился с ней взглядом. — Ты это хочешь сказать?

Она ничего не ответила.

Джейк обогнул прилавок и двинулся к ней. Она забилась в угол и выставила перед собой руку.

— Не надо, Джейк.

Он не остановился, пока ее ладонь не уперлась ему в грудь.

— Я назову ее имя, и все будет хорошо. Ты это

хочешь сказать?

Он никогда не думал, что согласится поставить под удар дело Бисли. Но не думал он и о том, что может испытывать такую боль. И о том, что может изменить Хлое. Она попыталась убрать руку, но он стиснул ее запястье, чтобы удержать ее. Локоть ее слегка подался, рука обмякла. Такое впечатление, что она пыталась подпустить его ближе, позволить ему вернуться в ее жизнь. Их тела дюйм за дюймом сближались. По коже у него разлилось тепло. Зрачки у Хлои расширились.

— Джейк, я…

Однако договорить ей не удалось: ее прервал резкий окрик из вестибюля.

— Джейк!

Тот оглянулся и увидел отца, стремительно приближающегося к кафе.

Кайл Ярдли остановился перед прилавком и заявил:

— Давай-ка отойдем на пару слов.

Чары рассеялись, и Хлоя снова попыталась выдернуть руку. Джейк отвернулся от отца и встретился глазами с Хлоей, стремясь вновь связать ту тонкую ниточку.

— Уходи, отец.

— Я же сказал тебе, держись от нее подальше, —

напомнил Кайл.

Джейк почувствовал, как цепенеет от ярости. У него в голове не укладывалось, что отец сказал это прямо при Хлое.

Вид у нее стал смущенный и слегка встревоженный. Она снова попыталась выдернуть руку, на этот раз уже сильнее.

— Ты выбрал не лучшее время, — сказал Джейк, все еще глядя на Хлою, пытаясь заставить ее увидеть его, почувствовать, понять, что все будет хорошо. У него ведь уже почти получилось.

— Ты все испортишь. Хлоя, прошу прощения, — сказал Кайл.

Хлоя взглянула на Кайла поверх головы Джейка. Эти двое определенно что-то затеяли.

— Прощения за что?

— Отец, выметайся отсюда.

— Пойдем со мной, — приказал Кайл.

Джейк достаточно хорошо знал отца и понимал, что без него тот не уйдет. Он выпустил руку Хлои и обеими ладонями обхватил ее лицо.

— Мы еще вернемся к этому разговору, ладно?

Ее лицо теперь не отражало ровным счетом ничего, и ему оставалось лишь догадываться, что творится у нее в душе.

— Джейк! — поторопил отец.

Джейк с неохотой отпустил ее. Когда он проходил мимо кофеварки, до него донеслось бульканье кипящей воды, ему вспомнились слова Хлои, и это послужило пусть слабым, но утешением.

Он пересек вестибюль, отец не отставал. Они вышли на крыльцо, на воздух, свежий, как яблоко, влажный и морозный после недавнего снегопада. Джейк обернулся к Кайлу:

— Не лезь в это дело.

— Как я могу не лезть в него, если ты так и норовишь все испортить? — возразил Кайл. — Ты сам не понимаешь, что творишь. Я же велел тебе держаться от нее подальше, чтобы она сама к тебе пришла. И я думал, мы решили, что ты перекупишь этот дом у нее под носом. Если бы ты сказал мне, что сдрейфил, я сам бы все сделал. Так нет же. Сегодня утром я звонил им, они больше не принимают никаких предложений. Теперь она собирается съезжать из твоей квартиры.

Джейк смотрел на отца во все глаза. Может, это отличало его от остальных Ярдли, но он никогда не понимал, почему некоторые так скупы на одобрение. Если человек сделал что-то хорошее, почему бы не признать это? В конце концов, когда Джейк промахивался в чем-то, Кайл никогда не упускал возможности язвительно высказаться.

— Я куда чаще поступал хорошо, чем плохо, — сказал Джейк. — Но ты никогда этого не признаешь, так ведь? А Хлоя считает так. Вообще, она единственная, кто так считает. Мне предстоит сделать выбор, и я куда больше верю в то, что она простит меня, чем что меня простишь ты. Извини.

Джейк оставил отца стоять на крыльце и скрылся в здании. Но когда он вернулся в кафе, Хлоя уже заперлась у себя в подсобке.

Глава 12
Шоколадные батончики «Мистер Совершенство»

В понедельник вечером Джози остановилась перед зеркалом и одернула свой счастливый красный кардиган. К нему она надела серую шерстяную юбку, которую почти никуда не носила, поскольку подол украшала изящная красная вышивка, а ее мать терпеть не могла красного. Подходящей по цвету водолазки у нее не нашлось, так что пришлось позаимствовать ее у Деллы Ли. Водолазка была ей тесна, но, может быть, если не расстегивать кардиган, Адам ничего не заметит?

Она распустила волосы и уложила кудри, а главное, вняла совету Деллы Ли и слегка подкрасилась. Наконец Джози отвернулась от зеркала и взяла пальто. Она сунула руки в рукава, но от волнения никак не могла застегнуть пуговицы и, досадуя на собственную неловкость, отступилась.

Едва ли не в сороковой раз она подошла к окну, и ее охватила паника. Под окном стоял большой внедорожник, которого не было там раньше.

— Боже мой. Он уже здесь.

Делла Ли оторвалась от своего коллажа и вскинула на нее глаза. Она собрала все картинки, вырезанные из журналов, и при помощи клеящего карандаша одну за другой лепила их на крышку коробки со своими пожитками. Она уже успела выложить из отдельных букв надпись «Bon voyage».

— Не понимаю я тебя, Джози. Ты что, не рада? Я думала, ты именно этого хочешь.

Джози обернулась к ней. Сегодня по непонятной причине Делла Ли украсила свою прическу несколькими карандашами сразу.

— Я-то хочу, — отозвалась она. — Вопрос только в том, чего хочет он.

— А что, приглашение на свидание — недостаточно красноречивый ответ?

— В том-то и дело. Почему он меня пригласил? Просто по-дружески? Может, для этого мероприятия ему нужна была дама и на эту роль подошла бы любая женщина? Или он пригласил меня из жалости? Он еще поинтересовался моими чувствами к нему, перед тем как приглашать меня, как будто хотел дать понять, что делает мне одолжение.

Она вдруг направилась к двери в гардеробную.

Ей очень захотелось пастилы в шоколаде, нуги и печенья с кремовой прослойкой. Ее взгляд был устремлен на потайную стенку шкафа.

— Ну уж нет. Нет и еще раз нет, — отрезала Делла Ли, увидев выражение лица Джози. Она отложила свой коллаж и преградила Джози дорогу, широко раскинув руки. — Тут нет ничего настоящего. Твоя жизнь там. И она тебя ждет.

Джози закрыла глаза. Сильнее, чем пастилы в шоколаде, нуги и печенья с кремовой прослойкой, ей хотелось только одного.

Адама.

Она взяла сумочку, потом замялась перед дверью.

— Ты ведь будешь здесь, когда я вернусь?

— Я пока никуда не собираюсь, — заверила ее Делла Ли. — И улыбнись, ради всего святого. Ты же не на казнь идешь.

* * *

Джози спустилась по лестнице и вошла в гостиную. Хелена расшивала крестами подол нового платья, а Маргарет читала какой-то бульварный журнальчик, который обычно скрывала от глаз окружающих под подушкой своего кресла. В углу негромко бубнил телевизор.

Маргарет подняла голову, сняла очки и осведомилась:

— Это еще что такое?

Джози расправила плечи.

— Мама, я понимаю, что это станет для тебя неожиданностью, но сейчас сюда кое-кто придет. Я иду на свидание. Это ненадолго, а с тобой останется Хелена. Все будет хорошо.

Служанка сидела, уткнувшись в свое шитье, но на губах у нее играла улыбка.

— Опять на тебе эта кофта, — произнесла Маргарет, как будто не слышала ни единого слова из того, что сказала Джози. — Ты же говорила, что выкинула ее.

— Я знаю.

— Ты еще и накрасилась?! — возмутилась Маргарет.

— Да.

— Я же всегда говорила, тебя с твоей внешностью косметика превращает в дешевку.

— Мама, ты что, пропустила мимо ушей, что я иду на свидание? — В дверь постучали, и сердце у Джози ухнуло в пятки. — А вот и он. Я предупреждала его, но он все равно хочет встретиться с тобой. Пожалуйста, веди себя полюбезней.

— Кого ты предупредила? Что ты наговорила

обо мне?

Джози подошла к входной двери и открыла ее. В кремовом свитере и кожаной куртке Адам выглядел потрясающе. На губах у него играла улыбка. Но надолго ли? Не успел он произнести и слова, как Джози взяла его под руку.

— Заранее прошу прощения, — сказала она и повела его в дом.

— За что? Ты вся дрожишь.

Он переступил порог и присвистнул.

— Ух ты. Никогда не видел ваш дом изнутри. Он великолепен.

Джози ввела его в гостиную. Она хотела было убрать пальцы с его руки, но он накрыл их ладонью, и она чуть не расплакалась.

— Адам, это Хелена. А это моя мать, Маргарет Сиррини.

— Мы несколько раз встречались, — приветливо кивнул Адам. — Но все равно приятно быть официально представленным вам обеим.

Брови Маргарет поползли вверх.

— Вы — наш почтальон.

— Да.

— Глазам своим не верю, — засмеялась она. Дурное настроение, владевшее ею вот уже вторую неделю, точно рукой сняло. — Ох, Джози, Джози.

Адам с любопытством взглянул на Джози. Та лишь покачала головой, черпая силы в ощущении его ладони на ее руке. «Только не убирай руку, — мысленно взмолилась она. — Не отнимай пальцев».

— Я хочу извиниться перед вами за мою дочь, — со смешком произнесла Маргарет. — Она не слишком опытна в подобных делах. Я не раз замечала, что она проявляет повышенный интерес к почте, но мне и в голову не приходило, что она неравнодушна к почтальону. Джози, милая, он каждый день появляется у нас на крыльце вовсе не ради твоих прекрасных глаз. У него такая работа. Он ко всем приходит. — Маргарет поднялась и приблизилась к ним, не опираясь на палку; она не любила демонстрировать гостям свою немощь. — Ситуация определенно неловкая. Если хотите уйти, молодой человек, не стесняйтесь. Вы не давали никаких обязательств.

— Вообще-то, я уже который год появляюсь у вас на крыльце исключительно ради прекрасных глаз вашей дочери. Всего доброго, миссис Сиррини.

Не выпуская руки Джози, он развернулся и повел ее к выходу.

— Я так понимаю, про служанку, которая, того

и гляди, наведет на меня порчу, ты тоже не шутила? — поинтересовался он, когда они очутились за дверью.

Не успела Джози ответить, как дверь снова распахнулась и на крыльце появилась Хелена собственной персоной.

— Олдси, — позвала она и что-то протянула Джози.

Та заколебалась, не желая выпускать руку Адама, но служанка сделала нетерпеливый жест. Она хотела, чтобы Джози протянула ладонь. Джози покосилась на Адама, потом неохотно разжала пальцы. Хелена немедленно положила ей на ладонь четвертак и три небольших раскрашенных камешка.

— Это тебя беречь.

Джози не удивилась бы, если бы после этого Адам счел за лучшее спастись бегством.

— Спасибо, Хелена.

Служанка обернулась к Адаму и погрозила ему пальцем:

— Олдси любить почта. Вести себя хорошо.

С этими словами она развернулась и скрылась в доме.

Некоторое время оба молчали. Джози рассматривала свою ладонь. Адам рассматривал дверь.

— Мне уже можно начинать бояться? — поинтересовался он наконец.

— Всего-то три оранжевых камешка, — сказала она, демонстрируя ему ладонь. — Ты еще легко отделался.

Он обхватил ее руку своей и поднял повыше, чтобы получше разглядеть камни. Что-то он подозрительно часто начал к ней прикасаться. К чему бы это?

— И что же означают эти три камня?

— Что ей не все равно.

Адам рассмеялся и прикрыл ее ладонь.

— Тогда она мне нравится. Идем. — Он повел ее к своему внедорожнику и помог усесться.

Пока они ехали, царило неловкое молчание. Джози то и дело косилась на него, желая сохранить в памяти каждую секунду и в то же время пытаясь сообразить, когда лучше спросить его, зачем он это затеял. Может быть, лучше подождать до конца вечера? Возможно, к тому моменту она все поймет сама. В конце концов Адам откашлялся и попросил:

— Ну, расскажи мне о твоей матери.

Джози смущенно заерзала.

— Что ты хочешь узнать?

— Она всегда такая?

— Я же пыталась тебя предупредить.

— Она у тебя уже в возрасте.

— Когда я родилась, ей было сорок семь. А отцу — шестьдесят девять.

Он негромко присвистнул.

— Либо ты была для них неожиданностью, либо, наоборот, тебя очень долго ждали.

— Я до сих пор пытаюсь это выяснить.

— Я тоже, — произнес он задумчиво. — У тебя дома я немного отвлекся. Я уже говорил, что ты сегодня очень красивая? Эта кофта мне всегда на тебе нравилась.

Она обернулась к нему.

— Ты запомнил эту кофту?

Он кивнул.

— Ты была в ней в тот день, когда я впервые тебя увидел.

Да, если у нее и оставались какие-то сомнения, теперь они развеялись начисто. Кофта и вправду была волшебная.

— Только не проси меня ее снять.

— Что?

— Ой, нет, я не так выразилась, — поспешно пояснила она. — Просто я надела под нее водолазку, а она оказалась слишком обтягивающей. В общем, выглядит это не слишком пристойно.

Он с улыбкой покосился на нее.

— Ну все, ты меня заинтриговала.

Джози отвернулась.

— Просто не верится, что я произнесла это вслух. Это одна из тех вещей, которых я ни в коем случае не собиралась говорить.

— У тебя что, целый список заготовлен? — поинтересовался он. — Кстати, непристойные женщины — моя слабость.

— Ты тоже сегодня выглядишь очень мило, — попыталась она сменить тему.

— Я готов снять свитер, если ты попросишь, — предложил Адам. — Ничего непристойного обещать не могу, зато у меня есть несколько весьма занятных шрамов.

— Послушай, тебе не кажется, что наш разговор зашел слишком далеко? — вздохнула Джози.

Но Адам только рассмеялся:

— Да, на тот случай, если я забыл сказать тебе тогда ночью. Мне было очень весело.

* * *

Банкет должен был состояться в здании Союза ветеранов зарубежных войн. Повсюду были развешаны цветные бумажные ленты и гирлянды, столы ломились от закусок и десертов. Но самое

первое, что привлекало внимание при входе, был смех. Он эхом разносился по всему залу.

Эту работу Адам нашел по чистой случайности. Он жил в Болд-Слоупе уже несколько месяцев, но еще продолжал проходить программу реабилитации и однажды от скуки разговорился со своим почтальоном. Оказалось, что тот в ближайшее время уходит на пенсию, а на его участок переведут одного из его коллег. По этому случаю на почте искали новых работников. Адам решил, что ходьба пойдет на пользу его больной ноге, и устроился в почтовое отделение на испытательный срок. Позднее ему выделили собственный участок и он начал работать на полную ставку.

Очень скоро он выяснил, что центральное отделение почтовой службы Болд-Слоупа служащие между собой называют Горнолыжным бюро. Больше половины разносчиков почты приехали в Болд-Слоуп покататься со склонов да так и остались здесь навсегда. У половины из них были какие-то травмы. Все они рассказывали об этом со смехом, как о деле давным-давно прошедшем. Сами они вернулись к катанию на лыжах. О травмах Адама им было известно, и он не сомневался, что они гадают, почему он до сих пор здесь, если больше не катается на лыжах. Никаких

вопросов, впрочем, ему не задавали. Похоже, все инстинктивно чувствовали, как болезненно он воспринимает все произошедшее с ним.

Его появление в обществе Джози не прошло незамеченным. Он подозревал, что так и случится. Однако чего он не предвидел, так это того, что не успеют они добраться даже до чаши с пуншем, как Джози окружит и увлечет прочь стайка женщин. В их числе была и Сабрина, почтовая служащая, которая гордилась тем, что знает все о каждом из своих коллег. Адам оказался для нее последним и самым крепким орешком. Джози вопросительно оглянулась на него, как будто хотела узнать: «Это нормально? Так и должно быть?» Он улыбнулся и собрался было двинуться за ней, как вдруг Сабрина что-то сказала ей, и Джози засмеялась в ответ.

Адам остановился как вкопанный.

Он ни разу не слышал, чтобы Джози так смеялась — беззаботно, непринужденно. Смех у нее был чистый и звонкий, как вода. Остаток вечера он наблюдал за ней с другого конца зала. К его изумлению, она чувствовала себя в компании его коллег куда раскованнее, чем он сам. И явно наслаждалась всем происходящим. Без него.

Конечно, он давно уже не ходил ни с кем на

свидания, но разве их цель заключалась не в том, чтобы побыть вместе? Ну и что он тогда здесь делает?

Когда всеобщее веселье начало стихать, Адам наконец подошел к Джози, сидевшей в противоположном конце зала с Сабриной и еще несколькими женщинами.

— Ну как, ты вдоволь наобщалась, Джози? Идем?

Сабрина подтолкнула ее локтем, как будто они говорили о нем.

Они распрощались со всеми и вышли на улицу. На небе, точно крохотные дырочки в темной материи, светили звезды. Адам с Джози дошли до его внедорожника и неловко замялись.

— Может, выпьем кофе или прогуляемся по парку? — предложил Адам.

Джози раскраснелась, на лице у нее все еще играла оживленная улыбка. А ведь ей нечасто выпадает возможность побывать на подобном мероприятии, осенило вдруг Адама. Возможность побыть самой собой, пообщаться с людьми, которые ничего не знают о ее злополучном прошлом. Хотя в компании она явно чувствовала себя как рыба в воде. Адам затаил дыхание, дожидаясь ее ответа; ему хотелось, чтобы она сама сказала,

хочет проводить время с ним наедине или нет.

— С удовольствием, — ответила она.

— Хорошо.

Он распахнул перед ней дверцу машины, и она уселась на пассажирское сиденье. На Адама повеяло легким запахом мяты.

Они купили по стаканчику кофе в «Ух ты! Здорово!». Этот книжный магазин-кафе, недавно открытая после реконструкции гостиница «Даунтаун-инн» и несколько других магазинчиков широкой дугой окружали здание суда и большой общественный парк. Все заведения уже украсили к Рождеству, и в витринах помаргивали белые огоньки гирлянд и поблескивала мишура. Даже голые деревья в парке были убраны гирляндами. За магазинами виднелась центральная библиотека, расположенная через квартал, ее изящные арки в лунном свете казались почти белыми. Все это походило на торт-мороженое, от которого Господь Бог мог отломить кусок и съесть.

— Взгляни только, — сказал Адам, указывая на библиотеку, когда они медленно шли через парк со стаканчиками в руках.

— Красиво, правда? — согласилась она. — Сто лет здесь не была. Одна моя учительница, Холли, уговорила маму несколько раз в неделю отпус-

кать нас заниматься в библиотеку. Мы уходили туда и целый день торчали в Интернете. Это было здорово. Она была единственной из всех моих учителей, кто не боялся моей матери. А потом лыжный сезон закончился, и она уехала. — Говоря, Джози смотрела на арки библиотеки, но потом обернулась к Адаму с улыбкой. — Меня учили на дому.

— Я знаю. Ваша соседка, миссис Фергюсон, рассказывала.

Джози подняла воротник пальто.

— Такое впечатление, что тебе понарассказывали обо мне уйму всякой всячины.

Он склонился к ней и игриво подтолкнул ее.

— Это потому, что ты дочь великого покойного Марко Сиррини.

Она вскинула подбородок.

— А ты кто такой, Адам Босуэл? Даже твои коллеги ничего толком про тебя не знают. По-моему, они надеялись получить от меня что-то вроде инсайдерской информации, только я не смогла им ничего рассказать. Во всяком случае, ничего такого, что ты бы одобрил.

— Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать, Джози, — сказал он. — Спрашивай.

Она заколебалась.

— Послушай, если тебе просто нужно было появиться на сегодняшнем банкете с дамой, я все пойму. Я не претендую на серьезные отношения. Той ночью, когда мы лепили снеговика… спасибо, что поделился. Но ты совершенно не обязан и дальше откровенничать со мной.

— Так вот, значит, в чем дело, — протянул он и сам чуть не расхохотался от облегчения, которое его охватило. — Джози, мне вовсе не нужно было появляться на банкете ни с какой дамой. Я просто хотел пойти туда с тобой. С тобой. Так что давай спрашивай.

Она замялась.

— Я забыла, о чем хотела спросить.

— Ладно, тогда я сам расскажу тебе.

Он рассказал ей о своем детстве, которое прошло в Калифорнии, и о соревнованиях по горным лыжам, в которых участвовал подростком. Рассказал о том, как очутился здесь, услышав рассказы о крутых склонах Лысого Косогора. О том, что после того падения ни разу не разговаривал с друзьями, с которыми приехал сюда покататься. О том, как получил работу на почте. Он рассказал ей о своем брате Бретте, с которым у них были разные отцы. Рассказал об их отношениях, о том, что брат каждую неделю звонил ему и уговаривал

вернуться в Чикаго.

— Но ты же не собираешься никуда уезжать отсюда, — заметила Джози.

— Ты уже поднимала эту тему. А что? Ты хочешь куда-нибудь уехать? — пошутил он.

Ее ответ стал для него полнейшей неожиданностью.

— Мне так хочется уехать отсюда, что иногда нет никаких сил терпеть, — с жаром ответила она. — Слишком уж многие люди, в особенности из тех, кто вращается в одних кругах с моей матерью, относятся ко мне как к ребенку, которым я была когда-то. Слишком уж много россказней про меня ходит. Уверен, ты их уже слышал.

Адам остановился под старомодным фонарем и выбросил оба стаканчика из-под кофе.

— И что бы ты стала делать, если бы уехала? — спросил он, глядя на нее и чувствуя зарождающуюся где-то в глубине души панику.

— Я побывала бы везде, где только смогла.

— А как же твоя матушка?

— Иногда мне кажется, я только и жду, когда она скажет, что наконец-то простила меня за все. Скажет: «Теперь ты свободна. Живи своей жизнью».

— Джози, ты не нуждаешься ни в чьих разре-

шениях. Ты свободный человек и можешь делать что хочешь. У тебя вся жизнь впереди. У меня нет слов, чтобы сказать, какие чувства это у меня вызывает. У меня щемит сердце. Я тебе завидую. Как бы мне хотелось заново пережить все то, что только предстоит пережить тебе.

— Правда?! — спросила она. — В самом деле?

Лунный свет окутывал ее волосы призрачной сияющей паутиной. Адам шагнул к ней.

— Правда.

Он медленно наклонился к ней, несколько раз останавливаясь, чтобы проверить ее реакцию.

— Адам… — прошептала она, когда он склонился так близко, что до него долетело ее дыхание.

Он чуть отстранился.

— Не надо этого делать, если тебе не хочется. Не надо делать это потому, что этого хочется мне, или из жалости, или еще почему-нибудь.

— Но мне этого хочется, Джози.

— Понятно. Ну, тогда давай, — очень серьезно произнесла она и замерла, как будто собиралась с духом.

Ему стало смешно. Пришлось даже отвернуться в сторону, чтобы не расхохотаться.

— Не смеши меня, — сказал он. — Я не смогу тебя поцеловать, если буду смеяться.

— Прости.

Он повернулся к ней и медленно-медленно коснулся губами ее губ. И оказался совершенно не готов к тому, что почувствовал. Паника и напряжение внезапно куда-то испарились, и он оказался полон ею — распахнувшейся ему навстречу, обуреваемой страстями и надеждами Джози.

Он сжал ее локти, как будто испугался, что она вдруг исчезнет, склонил голову и впился губами в ее губы.

Поняла ли она вопрос? Ответ на него у нее был. «Да».

Его поцелуй стал настойчивей. Он поднял ее руки и закинул их себе за шею, его руки скользнули ей под пальто, он обнял ее и привлек к себе. Туда, где было ее место. Где ей надлежало находиться. В его объятиях.

Его пальцы пробрались под ее кардиган, и она ахнула от неожиданности, когда ощутила на своей обнаженной коже под обтягивающей водолазкой прикосновение его холодных рук.

Он оторвался от ее губ.

— Холодно?

— Нет.

Он не сводил с нее глаз, а его ладони между

тем переместились с ее спины на живот. Прикосновение его ледяных пальцев отозвалось в ней дрожью.

Он вдруг снова впился в нее поцелуем, стремительным, настойчивым и требовательным; одной рукой он обхватил ее затылок и прижал к себе. Из горла у Джози вырвался какой-то нечленораздельный звук — не то стон, не то мольба, исполненная страсти и нерешительности одновременно.

Быстрее, подхлестнул себя Адам. Еще быстрее. Еще быстрее.

Внезапно он остановился и отступил от нее. В единый миг на него обрушилась память о том, как это бывает, чистый восторг полнокровной жизни. Но он всегда был слишком стремителен. Это было его отличительной чертой. Она-то и подводила его постоянно. Он с силой втянул в себя воздух и с шумом выдохнул его.

— Я… я отвезу тебя домой. — Он провел ладонью по волосам. — Не хочу, чтобы ваша служанка навела на меня порчу.

— Дай мне слово, что тебе захочется этого еще раз, — очень тихо произнесла она.

Он рассмеялся:

— Теперь мне будет хотеться этого при каждой

возможности.

Он обнял ее за талию, его пальцы цеплялись за нее, как будто он пытался удержаться за уступ скалы, чтобы не сорваться. У него было такое ощущение, что с ней он вполне способен на это. Это было восхитительно и пугающе одновременно.

Обнявшись, они двинулись к машине.

* * *

— Расскажи-ка мне еще раз, — потребовала из темноты Делла Ли, когда Джози уже начала засыпать.

— Он меня поцеловал, — пробормотала Джози в подушку.

— Нет. Расскажи, как рассказывала в прошлый раз.

Джози улыбнулась.

— Это был самый восхитительный первый поцелуй за всю историю первых поцелуев. Он был сладкий, как сахар. И теплый, как пирог. Весь мир распахнулся мне навстречу, и я провалилась внутрь. Я не знала, где нахожусь, и мне было все равно. Мне было все равно, потому что единственный человек, который для меня важен, находился рядом.

Наступило долгое молчание. Джози почти успе-

ла задремать снова, когда Делла Ли произнесла:

— Наверное, когда я попаду на небеса, это будет как первый поцелуй.

— Надеюсь, — пробормотала Джози.

— И я тоже.

* * *

Декабрьское заседание дамского клуба было назначено на вторую половину четверга, и Маргарет почти ожидала, что Джози откажется везти ее. Она даже приготовилась разыграть негодование, уверенная, что ее бросят одну дома, всеми позабытую. Или, того хуже, что за ней заедет Роули и ей придется снова служить прикрытием для их с Аннабель шашней. Джози была слишком поглощена телефонными разговорами то с их почтальоном, то с этой девицей Финли, и ничто прочее ее не интересовало. И по утрам вид у нее был необычайно сонный, как будто она допоздна не ложилась. Маргарет вдруг одолели подозрения. Чем это ее дочь занимается по ночам?

Однако точно в назначенное время Джози вошла в гостиную и спросила мать, готова ли та ехать.

Джози совершенно переменилась по сравнению с тем, какой была еще месяц назад. Теперь

она больше всего напоминала Маргарет итальянских родственниц Марко. Как-то раз, еще на заре их с Марко брака, они без предупреждения нагрянули в Болд-Слоуп. Полногрудые, с длинными вьющимися волосами и пластикой танцовщиц, они точно вышли из сказки. Когда они двигались, браслеты у них на руках мелодично позвякивали, словно китайские колокольчики. Маргарет была буквально зачарована ими. Однако не успели они погостить и нескольких часов, как Марко спровадил их в Ашвилл. Он стыдился их неотесанности и грубоватой чувственности, их провинциальных манер. Больше гости из Италии их не навещали.

— Должна признаться, не ожидала тебя увидеть, — обронила Маргарет.

— Почему? — удивилась Джози, натягивая перчатки.

— Я думала, у тебя найдутся дела поважнее.

— Нет, мама.

Маргарет окинула дочь критическим взглядом. Это было ее единственное оружие.

— Откуда у тебя этот шарф?

Джози небрежно коснулась пушистого полотнища.

— Купила у Новы Берри.

— Я же говорила, в красном ты выглядишь отвратительно.

— А я считаю, что он мне идет.

— Это твой почтальон тебе так сказал?

— Да, вообще-то, это был он.

Маргарет внезапно поняла, что завидует дочери. Завидует, потому что в жизни Джози появился мужчина, который делает ей комплименты и говорит ей, что красный цвет ей к лицу, мужчина, рядом с которым она счастлива. Ошеломленная, Маргарет без единого слова прошла мимо дочери и направилась к машине.

Когда Джози остановила машину перед домом миссис Херцог, где каждый месяц проходили заседания, Роули уже приехал и помогал Аннабель Дрейк выйти из такси. Перед ним стояло еще одно такси, и его водитель помогал выйти еще одной даме. Благодаря пожилым светским дамам и горнолыжникам дела у «Такси Пелхэма», чей парк состоял из трех легковых машин и двух микроавтобусов, процветали. Аннабель заметила Маргарет и остановилась подождать ее на тротуаре, к входу в дом они подошли вместе. Джози последовала за ними.

— Я так и знала, что все эти слухи о нас в конце концов его доконают, — прощебетала Анна-

бель. — Сегодня, пока мы ехали, Роули вдруг ни с того ни с сего сказал мне: «Правда, славно было в тот раз, когда с нами ехала Маргарет?» Мне кажется, он чувствовал бы себя уютнее, если бы со мной все время кто-то ездил, чтобы положить конец толкам о нашем с ним романе. Почему бы нам не ездить вместе почаще, Маргарет?

Маргарет обернулась. Роули провожал их взглядом.

Заседание началось позже назначенного времени, поскольку все только и говорили, что о последних новостях: утром в реке Грин-Коув обнаружили мертвое тело. Маргарет уже успела за завтраком разузнать все подробности от Хелены. Та развила лихорадочную деятельность, развесила во всех дверных проемах набитые один бог знает чем мешочки и вздрагивала от малейшего звука. В памяти у всех еще свежи были воспоминания об убийстве в доме Бисли, и дамы взволнованно перешептывались: неужели опять убийство? Снова? Выходит, мы не можем чувствовать себя в безопасности в своих собственных домах? В Болд-Слоупе подобных вещей не случалось. Однако Маргарет не стала слушать их кудахтанье. Подобная суетливость, по ее мнению, была уделом тех, кто не уверен в

собственной жизни и в собственных решениях. Она к таковым не относилась. Она подошла к окну и выглянула на улицу. Роули стоял у своей машины. Ей не верилось, что он способен был так сказать про нее Аннабель. Он ведь не мог не отдавать себе отчета, что его слова в конечном итоге дойдут до Маргарет. Судя по всему, начала заседания в ближайшее время не предвиделось, и она развернулась и зашагала к выходу. Джози поднялась и двинулась за ней.

— Тебе нехорошо, мама? — забеспокоилась она.

Маргарет открыла дверь.

— Я забыла в машине одну вещь.

— Я принесу.

— Не надо, я сама. Иди сядь.

— Но ты без пальто…

— Я всего на минуту, — отрезала Маргарет и вышла из дома.

Какая бы погода ни стояла, Роули неизменно прислонялся к своей машине и не спускал глаз с дома, как будто ожидал, что когда-нибудь это произойдет и Маргарет выйдет к нему. Увидев ее, он выпрямился.

— Аннабель передала мне твои слова. Вам придется найти для вашего романа какую-нибудь

другую ширму, — язвительно бросила она ему в лицо. — Не ждите, что я стану выполнять эту роль. Я никогда не выпячивала перед тобой свои похождения. Наоборот, я изо всех сил старалась не причинять тебе боль. Зачем ты так поступаешь со мной после всего, что было? Я не желаю иметь к этому никакого отношения. Никакого отношения, слышишь?

Роули насупился, но не проронил ни слова.

Ну еще бы.

— Марко стер бы тебя в порошок, — сказала она, пусть даже объяснения запоздали на несколько десятилетий. — Пока он не знал, кто ты, не знал имени мужчины, с которым я была в ту ночь, тебе ничто не угрожало. Ты мог продолжать жить дальше, найти себе хорошую женщину, для которой деньги и положение в обществе не были важнее любви хорошего человека. Потом Марко умер, а ты так и не женился, и я подумала, что между нами все может измениться. Так, промелькнула мыслишка. Но я, очевидно, ошибалась. Я понимаю, за что ты до сих пор ненавидишь меня, почему никогда не говоришь со мной. Я всегда отдавала себе отчет, что вина за все произошедшее целиком и полностью лежит на мне. Но это не значит, что вы с Аннабель мо-

жете впутывать меня в свои шашни. Может, я это и заслужила, но я этого не вынесу.

Она развернулась и зашагала обратно к дому, с трудом сохраняя остатки собственного достоинства. Она не станет завидовать родной дочери. И Аннабель тоже не станет. Она из тех, кто принимает решения и живет с ними. Вот и все.

Когда заседание закончилось, Роули все так же ждал Аннабель у своего такси, но глаза его были прикованы к Маргарет, и он не спускал с нее пристального, почти сердитого взгляда все время, пока они с Джози не уселись в машину.

Когда они приехали домой, Хелена встретила их у порога, быстро закрыла за ними дверь и заперла ее на ключ. Она взяла у Маргарет пальто и сумочку и предупредила, чтобы они не споткнулись о мелкие оранжевые камешки, которые она разложила в дверных проемах.

Джози поспешила скрыться в своей комнате. Маргарет лишь вздохнула и отправилась в гостиную ждать Хелену, которая должна была принести ей стакан воды и таблетку: после длительной отлучки из дома ей всегда приходилось принимать болеутоляющее. Она тяжело опустилась в свое любимое кресло.

В дверь постучали, и Маргарет едва не засто-

нала. Ей сейчас не хотелось никого видеть. На пороге появилась Хелена, она не успела принести ни воды, ни таблетку.

— Кто там при… — начала было Маргарет, но осеклась, когда следом за служанкой в комнату вошел Роули Пелхэм.

— Прошу прощения, — обратился он к Хелене. — Нам с миссис Сиррини нужно переговорить наедине.

Хелена окинула его подозрительным взглядом и украдкой покосилась на оранжевые камешки на полу, потом, очевидно, пришла к выводу, что, раз уж их гостю удалось преодолеть порог, значит не так уж он и страшен.

Роули закрыл за ней дверь гостиной и с не предвещающим ничего хорошего видом обернулся к Маргарет.

— Вот что, — произнес он, впервые за сорок лет обращаясь напрямую к ней, — пора, пожалуй, кое-что прояснить.

Маргарет распрямилась в своем кресле, ее тело напряглось, как туго натянутая струна. Он заговорил с ней! Он давным-давно перестал быть покладистым юнцом и стал властным мужчиной. Такая разительная перемена в нем радовала и возмущала ее одновременно. Как уверенно он

держится! Как хорошо обходится без нее.

— Во-первых, у меня нет никакого романа с Аннабель Дрейк, а даже если бы и был, это не касается ни тебя, ни кого бы то ни было еще. Во-вторых, я понятия не имел, что ты пыталась защитить меня от своего мужа. Все эти годы я считал, что он знал про меня. В-третьих, ты прекрасно знаешь, что я не разговариваю с тобой, потому что ты сама взяла с меня слово никогда больше не обращаться к тебе прилюдно.

Маргарет даже вздрогнула от изумления, когда до нее дошел смысл его слов. Все ее тело напряглось, по коже побежали мурашки.

— Что?!

— Разве ты не помнишь?! — поразился он. — Мы стояли на крыльце. Я готов был убить твоего мужа, особенно после того, как увидел твою разбитую губу. Но ты все время повторяла, чтобы я уходил. У тебя был такой несчастный вид. Я готов был сделать что угодно, лишь бы тебе стало легче. Ты заставила меня пообещать, что я никогда больше не заговорю с тобой на людях и никто и никогда не увидит, что я обращаюсь к тебе.

Она покачала головой — резко, порывисто.

— С ума сойти. Я знаю, в тот вечер я каких только таблеток не наглоталась, но у меня просто в

голове не укладывается, что я могла взять с тебя такое обещание, — сказала она. — В твоем присутствии я всегда была осторожна с обещаниями.

— Как видишь, недостаточно осторожна.

Все знали, что заставить кого-то из Пелхэмов что-то пообещать очень сложно, потому что, дав обещание, нарушить его они не могли. Ни один Пелхэм не мог взять свое слово обратно, и дело было не в накрепко вбитых старомодных понятиях о чести. Это было что-то на генетическом уровне, как их голубые глаза и рыжие волосы.

— И разумеется, у меня не было другой…

Его голос вдруг перестал быть слышен, хотя губы продолжали шевелиться, как будто он не успел осознать, что утратил способность говорить. Маргарет не понимала, что происходит, пока не увидела, что они не одни. В комнату бесшумно вошла Хелена со стаканом воды в одной руке и болеутоляющим в другой. Губы Роули перестали шевелиться, и оба молча смотрели, как Хелена опустила стакан и таблетку на столик рядом с креслом Маргарет и так же бесшумно вышла из комнаты.

Роули немедленно вновь обрел дар речи.

— У меня не было другой возможности увидеться с тобой, кроме как в общественных местах, так

что я не мог сказать тебе, как сильно мне тебя не хватает и как ты мне нужна. И не мог сказать, что, после того как умер твой муж, я постоянно мечтал о тебе! Ты ни разу не подошла ко мне. Ты всегда так тверда в своих решениях.

Маргарет протянула руку к стакану с водой и сделала глоток. Роули не сводил с нее глаз, как будто пытался в мельчайших подробностях запомнить каждое ее движение, каждое колыхание воды в стакане и ее дрожащие губы. Неверной рукой она отставила стакан.

— Помнишь наше дерево в роще за старым театром?

Ее рука взлетела к сердцу, всего на миг, как будто она хотела снять невидимую пушинку или поправить брошь.

— Ну конечно, я его помню.

— Помнишь, однажды мы занимались под ним любовью, и ты взглянула на меня своими прекрасными голубыми глазами, и я сказал: «Я люблю тебя, Маргарет, и буду любить всегда», а ты сказала: «Обещаешь?»

— О господи, — прошептала она.

Ну как она могла так поступить?

В его взгляде ничто не дрогнуло.

— Ты всегда знала, чего хочешь, и эта твоя чер-

та всегда меня восхищала. В детстве я никогда ничего не хотел по-настоящему. У меня не было никаких желаний. Школа, армия, дом. А потом я встретил тебя. С того самого дня вся моя жизнь превратилась в мечту. В мечту о тебе, Маргарет. Это был мой выбор, и я упивался им. Мой выбор. Ни одно другое обещание я не дал бы так легко, как обещание любить тебя.

Она вынуждена была отвести взгляд, не в силах больше выносить это. Но тут скрипнула дверная ручка, и она вскинула голову.

Ну и кто из них двоих более не прав: Господь Бог, который давал ей второй шанс, хотя она определенно его не заслуживала, или она, которая отказывалась воспользоваться им?

— Погоди, Роули, — произнесла она.

Он застыл в дверях, не оборачиваясь к ней.

Она набрала побольше воздуха, как перед прыжком, и сказала то, что нужно было сказать еще сорок лет назад:

— Пожалуйста, не уходи.

Глава 13
Леденцы «Спасатели»[4]

Едва Хлоя вечером успела вернуться с работы домой, как в дверь квартиры постучали. Она накинула пальто и пошла открывать. К ее изумлению, на пороге стояла мать Джейка, очень напряженная и взволнованная.

— Фейт! Что вы здесь делаете?

Мать Джейка улыбнулась и протянула Хлое корзину:

— Я принесла тебе подарок.

— Ваш рождественский гостинец!

Каждый год к Рождеству Фейт присылала всем своим друзьям хорошенькие ивовые корзиночки, наполненные всяческими деликатесами. Ее повар начинал подбирать рецепты за несколько месяцев и сразу после Дня благодарения готовил образцы каждого блюда, чтобы Фейт лично могла их опробовать и одобрить.

— Ты ведь всегда любила пробовать образцы вместе со мной. Надеюсь, тебе понравится то, что

---

[4] Примечания: 4

Мятные и фруктовые леденцы, по форме напоминающие спасательные круги.

я выбрала для нынешнего Рождества.

— Вы всегда делаете самый изысканный выбор. Спасибо. Проходите. — Хлоя взяла у нее угощение и посторонилась. Она закрыла за Фейт дверь, подошла к кофейному столику и поставила на него корзинку. — Хотите чего-нибудь съесть или выпить?

— Нет-нет, ничего не нужно. — Фейт принялась теребить застежку своей сумочки. — Я слышала, ты покупаешь дом на Летней дороге?

Так вот зачем она явилась? Поинтересоваться, когда Хлоя наконец съедет с квартиры Джейка? Сейчас возьмет и попросит ее освободить квартиру? Это было совсем не в духе Фейт, но однажды в кафе Хлоя случайно подслушала, как Кайл требовал от Джейка, чтобы тот держался от нее подальше. Так что теперь она не знала уже, что и думать. Выходит, родителей Джейка обрадовал их разрыв? От одной мысли об этом у нее даже кожа заныла. Она успела полюбить семью Джейка.

— Да. Покупаю.

— Дай мне знать, когда переберешься туда. Я приду поздравить тебя с новосельем.

— Хорошо, — ответила Хлоя, совершенно сбитая с толку.

Продолжая топтаться на пороге, Фейт обве-

ла взглядом квартиру. Молчание становилось неловким.

— Я очень за тебя рада, — неожиданно произнесла Фейт.

— Что?!

— Я рада, что ты покупаешь дом. Очень важно иметь что-то такое, что принадлежит только тебе. У тебя есть голова на плечах. Это мне всегда в тебе нравилось. — Фейт подошла к Хлое, на лице у нее отразилось беспокойство. — Ты винишь меня в том, что сделал Джейк?

— Вас? — опешила Хлоя. — Конечно нет.

Фейт присела на краешек дивана и сложила руки на коленях.

— Мне так не хотелось, чтобы он пошел по стопам своего отца.

— Он и не пошел, — сказала Хлоя.

— По крайней мере, он признался тебе, так ведь? — Фейт подняла на нее глаза. Она была милая и хрупкая женщина, резкими и беспокойными движениями походившая на птичку. — Ты узнала обо всем от него самого, а не от кого-нибудь другого. И он ведь жалеет, что так поступил с тобой, правда? Скажи, что жалеет.

— Да. Мне кажется, он очень жалеет.

— Это хорошо. Очень хорошо. — Фейт глубоко

вздохнула. — Я так его люблю, Хлоя. Я была против, когда Кайл решил отправить его учиться в закрытый пансион, но в конце концов отпустила его, хотя это и разбило мне сердце, потому что там он по крайней мере был избавлен от ежедневного влияния Кайла. Может быть, в конечном итоге это оказалось правильным решением. И все-таки, если бы в детстве я была рядом с ним, может, он уяснил бы, что нельзя так вести себя с женщинами.

Хлое очень не хотелось этого делать, но она все-таки присела на диван рядом с Фейт и сказала:

— Джейк хороший человек, и к женщинам он относится вполне уважительно. Вы вырастили отличного сына. И он тоже очень вас любит.

Фейт улыбнулась и опустила глаза.

— Я вынудила тебя защищать Джейка, хотя знаю, как это тебе неприятно, а ты, несмотря ни на что, все равно пытаешься ободрить меня. Спасибо тебе. Честное слово, я хотела просто занести тебе угощение и поздороваться. Я скучаю по тебе.

— И я по вам тоже.

— Мне пора. — Фейт поднялась. — Не забудешь сообщить мне, когда переедешь? Я приду.

— Обязательно.

Хлоя проводила ее до дверей, совершенно сбитая с толку.

Она открыла дверь, и Фейт вышла из квартиры, но не успела преодолеть и двух ступеней, как остановилась и ахнула:

— О господи.

Хлоя выглянула наружу и увидела у стены прямо напротив ее двери Джулиана. Фейт потрясенно воззрилась на него, как обычно поступали все женщины, потом развернулась и пошла по лестнице. По пути она несколько раз оглядывалась и даже чуть было не споткнулась. Джулиан лениво проводил ее снисходительным взглядом. Когда Фейт скрылась, он перевел взгляд на Хлою.

Он не шевелился, просто стоял и улыбался ей. Его длинные волосы были распущены и словно струились в воздухе. Хлоя даже со своего места ощущала исходящий от него магнетизм.

— Джулиан, — с трудом выговорила она, — что ты здесь делаешь?

— От тебя давненько ничего не было слышно, вот я и решил проверить, все ли у тебя в порядке.

Его слова обволакивали ее, точно аромат духов. После неловкого разговора с матерью Джейка они были словно бальзам на душу.

— Прости. У меня было много дел.

— Вернулась к своему дружку? — поинтересовался он, хотя заранее знал ответ.

— Нет.

— Ты не пригласишь меня к себе?

Хлоя оглянулась на квартиру и задумалась над этим вопросом. Приглашать Джулиана в квартиру Джейка казалось ей как-то… неправильно.

— Это не моя квартира.

— Ты живешь в другом месте? — удивился он. — А мне сказали, что здесь.

— Я имела в виду, что она принадлежит Джейку. Зато я покупаю себе дом, — добавила она.

Он склонил голову набок, явно заинтересованный.

— Правда? Хотел бы я взглянуть на него. Наверное, я тоже скоро начну подыскивать себе что-нибудь. Может, ты мне поможешь?

— Чем?

— Сколько спален в том доме, который ты покупаешь?

Она замялась.

— Три. А что?

— Так, просто спросил, — промурлыкал он. — Ну, ты готова узнать, с кем переспал Джейк?

Ее губы приоткрылись, и ее охватило жгучее

нетерпение.

— Так вот зачем ты пришел?

— Ну разумеется, солнышко. Я давно уже все выяснил. Меня так и распирает. Идем.

Джулиан отделился от стены и начал спускаться по лестнице.

— Куда ты? — окликнула она его.

— К твоей машине. Разве ты не хочешь увидеть, где она живет?

Хлоя не разыскивала эту информацию специально, информация сама пришла к ней в руки. Это было важно. Это был знак. Знак, что она должна это знать.

Или нет?

Какое-то время она мялась на пороге в нерешительности. Что хуже: прожить всю оставшуюся жизнь, зная, кто была та женщина, или прожить всю оставшуюся жизнь, не зная этого?

— Иду, — произнесла она наконец и вернулась в квартиру за пальто и сумкой.

Когда они устроились в ее «жуке», Джулиан спросил:

— Ты точно к этому готова?

— Точно. Точнее не бывает.

— Ну, ладно. Поезжай до конца улицы, потом налево. Держи на восток, в район католической

церкви на бульваре Всех Святых.

Дорога предстояла неблизкая, и Хлоя включила радио, по которому передавали музыку восьмидесятых. В середине часа, как раз когда они стояли на светофоре, начался выпуск новостей.

— Полиция подтвердила, что тело, обнаруженное в реке Грин-Коув сегодня утром, нашел один из жителей нашего города во время утренней пробежки. Кроме того, что это труп женщины и что он, по всей видимости, пролежал в воде несколько недель, больше никакой информацией мы пока не располагаем.

— Какой ужас, — охнула Хлоя.

Первым ее побуждением было броситься к Джейку, чтобы выяснить, не известно ли еще что-нибудь об этом деле в прокуратуре. Люди еще не успели окончательно прийти в себя после убийства в доме Бисли, и это происшествие наверняка уже породило новую волну толков. Потом она сообразила, что больше не может этого сделать. Не может прийти к нему.

Она выключила радио.

Они выехали на бульвар Всех Святых, и Джулиан произнес:

— Сворачивай на Сент-Джозеф-лейн. Дом номер двенадцать.

Хлоя вела автомобиль точно во сне. Она свернула к обочине и остановила машину напротив дома двенадцать. Это был прекрасный особняк в колониальном стиле за кованой изгородью.

— Это место почему-то кажется мне знакомым, — удивленно протянула Хлоя.

Она никогда раньше не бывала на этой улице.

— Здесь живет Ева Бисли.

Она резко обернулась:

— Бисли?!

— Ты не представляешь себе, на что мне пришлось пойти, чтобы выяснить это. Такое чувство, будто в грязи вывалялся, — ухмыльнулся он.

— Джейк переспал с Евой Бисли? — совершенно ошеломленная, переспросила Хлоя.

— Ты что, ее знаешь?

— А ты нет?

Он пожал плечами:

— Никогда о ней не слышал.

Бисли были в Болд-Слоупе людьми относительно новыми. Они купили дом и проводили здесь три-четыре месяца в году — Уэйд, пятидесятипятилетний биржевой маклер на пенсии, и Ева, его сорокапятилетняя красавица-жена. О них практически никто ничего не знал, и так бы продолжалось и дальше, если бы Уэйд Бисли не

убил их помощницу по хозяйству, нелегальную иммигрантку, и не выбросил труп в глухом месте неподалеку от заповедника.

Против Уэйда свидетельствовали лишь косвенные улики, и в начале судебного процесса, обвинителем на котором выступал Джейк, казалось, что присяжные оправдают обвиняемого. Однако потом Ева Бисли, которая сперва поддерживала мужа, внезапно подала на развод и согласилась дать против него показания. Кроме нее, никто не знал, что ее муж изнасиловал их помощницу по хозяйству. Она это видела. Она была единственной, кто знал о его жестоком характере, кто испытал его на собственной шкуре. Когда произошло убийство, Ева гостила у сестры, а по возвращении обнаружила, что их помощница по хозяйству исчезла, и поинтересовалась у мужа, что произошло. Уэйд ответил: «Она не выдержала. Слишком нежная попалась, не то что ты».

После этого присяжные очень быстро изменили свое мнение.

Джейк тогда плотно работал с ней и не раз упоминал при Хлое, как ему жаль ее и какая она славная. Он сочувствовал ей, потому что в глазах большинства горожан она стала парией. Все ставили ей в вину то, что она не выступила против

своего мужа раньше. Но Уэйд Бисли многие годы держал жену в страхе. Она была совершенно запугана. Это Джейк убедил ее, что ей ничего больше не грозит, и Хлоя об этом знала. Именно благодаря Джейку Ева окончательно решила дать показания.

А потом, когда процесс был завершен и все праздновали победу, они оказались в одной постели.

Теперь Хлоя понимала, почему Джейк не мог ей признаться. Если бы это обстоятельство всплыло наружу, судебное разбирательство могли объявить незаконным. Стали бы говорить, что Джейк соблазнил Еву Бисли, чтобы заставить ее дать показания против мужа, и Уэйд Бисли мог оказаться на свободе. И кто знает, сколько еще жизней тогда могло бы оказаться под угрозой?

— Вот, смотри, — сказал Джулиан. — Как я и надеялся. Каждый день примерно в это время она ездит в церковь.

Хлоя поспешно пригнулась; чугунные ворота распахнулись, и из них на своей «ауди» выехала Ева Бисли. Хлоя подглядывала за ней в окошко. Ева выглядела очень элегантно: волосы у нее поседели раньше срока, но на лице не было ни морщинки, и кожа словно сияла изнутри. Никто

не понимал, что держит ее в Болд-Слоупе. Большинство сходилось во мнении, что она могла бы давным-давно уехать. Неужели она осталась здесь ради Джейка?

— Джейк и дама в годах, — протянул Джулиан, провожая глазами ее машину. — Ничего особо предосудительного, но сплетни, надо думать, пойдут все равно.

Джулиан явно ничего не слышал о судебном процессе и не понимал, что стоит на кону. Всего за час Хлою уже второй раз вынуждали защищать Джейка, а ей делать этого не хотелось.

— На работе Джейка прозвали чудо-мальчиком. Должно быть, его коллеги очень потешались, как это его угораздило связаться с женщиной, которая чуть не в матери ему годится, — сказала она, чтобы сбить Джулиана со следа. Ей и хотелось бы злиться на Джейка, но она обнаружила, что обида отступает. Там, где когда-то была боль, зияла дыра. Мертвящая ледяная пустота.

— Ну вот, теперь ты все знаешь, — проговорил Джулиан, внимательно наблюдая за ней. — Пусти-ка меня за руль, золотко. Лучше я сам поведу.

Джулиан вылез из машины и обошел ее кругом. Хлоя послушно перебралась на пассажирское

сиденье. Все равно она не была уверена, что в состоянии вести машину. «И что теперь? — повторяла она про себя. — Что теперь?» Все это время она твердила себе, что, как только узнает, с кем переспал Джейк, все само собой устроится.

Вместо того чтобы отвезти обратно, Джулиан повез ее к себе домой.

Она собиралась просто высадить его и поехать к себе. Ей надо было позвонить Джози.

— Мне нужно время подумать, — сказала она.

— Дорогуша, последнее, что тебе нужно, это думать. — Он вылез из машины, забрав с собой ключи. — Заходи.

Хлоя покривила бы душой, скажи она, что ей не любопытно взглянуть, где живет этот странный красавчик. Поэтому она пошла за ним ко входу в желтое бунгало. Очутившись внутри, Джулиан немедленно собрал с пола гостиной гору одежды и забросил ее в спальню, потом поправил подушки на диване со смущенным видом, который, вопреки всему, показался Хлое очаровательным. Вероятно, он и сам прекрасно об этом знал.

— Похоже, твоя подружка так и не объявилась, — заметила она.

— Нет. И с хозяйством я управляюсь не ахти. Прости уж.

Хлоя огляделась по сторонам. В доме повсюду угадывалась женская рука: в развешанных по стенам корзинах с искусственными розами, в белом плетеном кресле-качалке с розовыми подушками.

— Такое впечатление, что это все равно ее дом.

— Так оно и есть. Все принадлежит ей.

— Все равно что жить в квартире Джейка.

— Вот именно. Я понимаю, что ты испытываешь.

Хлоя кивнула. В его слова очень хотелось верить.

Он взял ее за руку и усадил на диван.

— Давай напьемся.

* * *

Весь вечер, находясь в комнатах нижнего этажа, Джози постоянно ощущала, что откуда-то поддувает. Один раз, ужиная на кухне в обществе Хелены, она даже встала со своего места и проверила, плотно ли закрыты все окна.

Хелена постоянно потирала свое распятие и что-то бормотала себе под нос.

Маргарет и Роули ужинали вместе в гостиной, за закрытыми дверями. Был уже поздний вечер, когда она наконец проводила его к выходу,

что-то негромко говоря. Джози с Хеленой вышли из кухни и воззрились на нее. Маргарет слабо улыбнулась, но до объяснений не снизошла и скрылась в своей комнате.

— И что это было, как ты думаешь? — спросила Джози у Хелены.

— Олдгрет нравится такси.

— Хм, — задумчиво протянула Джози.

Она двинулась к лестнице и немедленно оказалась в центре небольшого завихрения беспокойного, переменчивого воздуха.

— Хелена, у нас что, сквозняк? — спросила она, остановившись.

Служанка покосилась на потолок и ответила:

— Нет.

Джози пожала плечами и отправилась к себе в комнату. Она подошла к шкафу, открыла дверь и, пораженная, отпрянула. В шкафу стояла Делла Ли. Никогда раньше Джози не видела, чтобы ее незваная гостья стояла. Первой ее мыслью было, что Делла Ли, оказывается, ниже ее ростом. А второй — что-то не так.

— Почему ты так долго не поднималась? — накинулась на нее Делла Ли.

Она была явно чем-то взволнована, почти напугана. От шкафа, точно жар, исходило ощущение

напряженности.

— Я ужинала. Потом сидела и ждала, удастся ли Роули Пелхэму выйти из нашей гостиной живым.

— Проверь голосовую почту, — велела Делла Ли.

— Что?!

— Проверь голосовые сообщения на своем сотовом!

Джози подошла к кушетке, где оставила сумочку, и вытащила сотовый телефон. В голосовой почте было одно сообщение. Она получила его и поднесла трубку к уху, глядя на Деллу Ли в шкафу.

— Привет, Джози, это Хлоя. — Молчание. — Жаль, что ты не можешь сейчас взять трубку. Я… э-э… в гостях у Джулиана. Я помню, что обещала тебе больше с ним не встречаться. Я не хотела тебя обманывать, просто сегодня он вдруг ни с того ни с сего заявился ко мне домой, хотел показать мне женщину, с которой Джейк изменил мне. Не знаю, с чего я решила, что от этого станет легче. Стало только хуже, потому что теперь я знаю, почему он не хотел говорить мне, и у него на это была действительно серьезная причина. — Снова молчание. — Мы виделись с Джейком в начале

недели. По-моему, я тебе не рассказывала. Он узнал, что я покупаю дом. Я хотела сказать ему, что без него все не так, но тут появился его отец, и у меня такое чувство, что он против того, чтобы мы с Джейком помирились. Я скучаю по нему, Джози. Я не должна, потому что он сделал мне больно, но все равно скучаю. — Хлоя перевела дух. — Ну, в общем, я здесь с Джулианом. Он в соседней комнате, наливает нам выпить. Знаешь, он вовсе не такой уж и плохой. Я знаю, ты его недолюбливаешь, но он хороший. Я… он мне даже отчасти нравится. Не так, как Джейк, но он ведь и не Джейк. Ладно, завтра поговорим.

Джози медленно опустила трубку.

— Поезжай, — настойчиво произнесла Делла Ли.

— Идем со мной.

— Поезжай!

Джози развернулась и выбежала из комнаты.

Она прыгнула в машину и рванула с места, забыв включить фары, и ехала так до подножия холма, пока из встречного автомобиля ей не помигали дальним светом.

До дома Деллы Ли она домчалась менее чем за пятнадцать минут. Машина Хлои стояла там же, и Джози свернула к обочине и остановилась

позади маленького «жука». Из окон гостиной лился яркий свет, в доме гремела музыка. Джози явственно представилось, как дом содрогается в такт каждой басовой ноте. Удивительно, что соседи до сих пор не вызвали полицию. Джози вылезла из машины и неловко побежала к дому, потом взбежала на крыльцо, поеживаясь в своем тоненьком свитерке и юбке, потому что захватить пальто ей в голову не пришло.

Она подобралась к окнам гостиной и заглянула в них, пытаясь различить за тонкими шторами силуэты. В доме не было заметно никакого движения.

Джози подошла к двери и открыла сетчатый экран. Дверь оказалась заперта, пришлось постучать. Никто не открыл, и тогда она принялась барабанить в дверь и звать Хлою, пока не разбила себе руки и не сорвала голос.

Хлоя — взрослая женщина. Будь она сейчас там с другим мужчиной, Джози не стала бы этого делать, но если даже закаленная жизнью Делла Ли не справилась с Джулианом, у Хлои не было ни малейшего шанса. Она понятия не имела, во что ввязалась. Далеко не каждый мужчина был как Джейк. Далеко не каждый мужчина раскаивался, причинив женщине боль.

Джози сбежала с крыльца и двинулась вокруг дома. Сухой шиповник царапал ей ноги, а один раз она даже впотьмах споткнулась и полетела на землю. Ей удалось найти заднюю дверь, ведущую в кухню, но и она тоже оказалась заперта.

Единственное, что, помимо ключей от машины, она захватила с собой, выбежав из дома, был сотовый телефон, который она тогда сжимала в руке. Джози вернулась к машине, забралась внутрь и, клацая зубами, отыскала под сиденьем завалившийся туда аппарат. Пальцы не слушались, но в конце концов она все же набрала 911.

— Это Марси Джексон. Мой сосед отказывается сделать музыку потише, — сказала она с нарочитым акцентом. — Она так грохочет, что у меня весь дом ходуном ходит, а у нас маленький ребенок. Все соседи недовольны. Он нарушает наш покой.

Она продиктовала адрес, и диспетчер пообещала прислать патрульную машину. Джози отключила телефон и взглянула на дом. Неожиданно ей померещилось какое-то движение, и она подалась вперед. За занавешенными окнами мелькнула какая-то тень.

Джози снова вышла из машины. Она была уже у крыльца, когда послышался скрежет засова и

входная дверь распахнулась. Из дома, точно дым, полилась музыка. Грохот был оглушительный.

На пороге появилась Хлоя; блузка у нее была наполовину расстегнута, по лицу размазана помада. В руках она сжимала пальто и сумку. Музыка заглушала ее слова, но Джози разобрала что-то вроде «Я думала, что смогу».

Джози двинулась вверх по ступеням.

Хлоя толкнула сетчатую дверь, и тут за спиной у нее появился Джулиан; он обвил ее обеими руками, она выронила пальто и сумку.

— Идем, крошка, — сказал он громко, перекрывая музыку. Язык у него заплетался. — Не вынуждай меня заставлять тебя. Все будет хорошо. Тебе понравится. Я в этом деле просто волшебник. Вот увидишь.

— Отпусти меня, пожалуйста, — слабым голосом попросила Хлоя, как будто не понимала толком, что происходит, точно находилась во власти какого-то морока.

Джулиан развернулся и подтолкнул ее по направлению к гостиной, потом попытался закрыть дверь, но сумка и пальто Хлои мешали ему. Он наклонился убрать их, а когда поднял глаза, перед ним стояла Джози.

— Чтоб меня разорвало! — протянул он и мед-

ленно распрямился. — Воровка вернулась на место преступления.

На нем были ботинки и расстегнутые джинсы, и больше ничего. Гладкая загорелая кожа на груди едва не потрескивала от электричества.

Джози открыла сетчатую дверь и крикнула внутрь дома:

— Хлоя! Хлоя, выходи.

— Джози? Это ты?

Хлоя выскочила в переднюю. Джулиан преградил ей путь, развалившись в дверном проеме, и, осклабившись, посмотрел на Джози.

— А ну, отпусти ее! — велела та.

Хлоя сзади принялась дергать Джулиана за руку.

— Джулиан, пожалуйста. Я же извинилась перед тобой. Я просто не могу этого сделать.

— В том бумажнике у меня было три сотни долларов, — промурлыкал он, обращаясь к Джози. — Не хочешь обменять эти деньги на Хлою? А может, еще сверху приплатишь, если я не стану ее трахать?

Он попытался захлопнуть дверь у Джози перед носом, но пальто и сумка Хлои по-прежнему мешали сделать это.

Джози ухватилась за ручку и всем телом на-

легла на дверь. Джулиан несколько секунд сдерживал ее напор, а потом неожиданно отступил, и Джози влетела в переднюю.

Джулиан пинком отшвырнул Хлоины вещи в сторону и попытался закрыть дверь. Джози схватила Хлою за руку и приготовилась бежать в спальню в конце коридора. Только бы на двери был замок, только бы они успели добежать до нее раньше, чем Джулиан их настигнет! Полиция, без сомнения, уже в пути.

И тут вдруг волосы Джулиана взметнулись и рассыпались по плечам, как будто с улицы налетел резкий порыв ветра. Джулиан на нетвердых ногах попятился по направлению к кухне.

— Что за хрень?! — возмутился он, когда ветер налетел на него снова с такой силой, что его отбросило к дверям кухни.

Джози увидела, что путь свободен, и, увлекая за собой Хлою, бросилась к входной двери. Она понятия не имела, что происходит, пока Джулиан не взревел:

— Это ты, Делла Ли?!

Джози схватила Хлоино пальто и сумку и вместе с Хлоей выскочила на крыльцо; за спиной у них что-то грохнуло, как будто кто-то бил посуду, потом еще раз.

— Оставь меня в покое, паршивая дрянь! — заорал Джулиан.

Каким образом Делла Ли здесь очутилась? Должно быть, пробралась через заднюю дверь.

Джози потащила Хлою к своему «кадиллаку» и затолкала на пассажирское сиденье. На перекрестке в конце улицы показалась полицейская патрульная машина. Слава богу! Джози обежала «кадиллак», забралась на водительское место и рванула с места в тот самый момент, как полицейские свернули на их улицу. Ей не хотелось, чтобы Хлое пришлось объяснять, что она здесь делает. В зеркало заднего вида она заметила, как полицейская машина затормозила перед домом Деллы Ли и из нее вышли двое патрульных.

Она остановила машину у обочины в конце улицы и стала наблюдать за полицейскими в зеркало заднего вида. Они поднялись на крыльцо и забарабанили в сетчатую дверь.

Хлоя трясущимися руками принялась оправлять одежду, потом натянула на себя пальто и, дрожа, затихла на своем сиденье.

— У тебя все в порядке? — спросила ее Джози.

Хлоя кивнула и подтянула колени к груди.

Краем глаза Джози уловила какое-то движение и оглянулась на дом. На крыльцо выскочил Джу-

лиан. Патрульный схватил его за руку, и Джулиан принялся вырываться. Кулаком он заехал одному из полицейских в челюсть. Второй завалил Джулиана на крыльцо, и они вдвоем скрутили его и защелкнули на запястьях наручники.

— Хлоя, сиди здесь. Я сейчас.

Джози оставила включенным двигатель и печку, жарившую на полную мощность, и вышла из машины. Из своих домов высыпали соседи, несколько человек стояли на тротуаре перед домом Деллы Ли. Джози подошла к ним.

— Уберите ее из моего дома! — орал Джулиан. — Эта баба спятила! Она совершенно чокнутая!

Один из патрульных исчез в доме, и через несколько секунд музыка, грохотавшая на всю округу, смолкла. Полицейский вышел на крыльцо, качая головой.

— Она в доме! Богом клянусь, там кто-то есть! Она швырялась в меня тарелками!

Джози отступила назад и бегом возвратилась к машине. Делла Ли скрылась. Джози даже думать не хотелось, каким образом она здесь очутилась и как собиралась вернуться обратно. В мозгу у нее промелькнули слова «большая автокража».

Когда Джози забралась в машину, Хлоя сидела, прижавшись виском к боковому окну.

— Я отвезу тебя домой, хорошо?
Хлоя кивнула.

* * *

Она сидела на пассажирском месте и смотрела в окно. Каждый мускул в ее теле был напряжен, содержимое желудка подступало к горлу. Если она не будет шевелиться и покрепче сцепит зубы, может быть, ее не стошнит? Едва Джози остановила «кадиллак» во дворе здания бывшей пожарной части, как Хлоя выскочила из машины и опрометью помчалась в квартиру. Она не сомневалась, что Джози поднимется к ней, поэтому оставила дверь открытой, бросилась в уборную и рухнула на колени перед унитазом. Ее выворачивало наизнанку.

Она просидела с закрытыми глазами на холодном кафельном полу минут десять, в памяти у нее мелькали все события сегодняшнего вечера. Отчаяние. Несмотря ни на что, все это она сделала от отчаяния. Она умирала по Джейку. Она умирала без него.

Да когда же это наконец кончится?

Внезапно Хлоя почувствовала, что больше не одна. Дверь уборной оставалась открытой, и она решила, что это Джози. Она поднялась на

нетвердых ногах и оглянулась на дверь, но там никого не было.

Она опустила глаза и увидела на пороге стопку книг. В самом низу лежала старая знакомая — «Искусство прощения». Книги терпеть не могли ванную, но «Искусство прощения» заняло место на пороге, как будто служило мостом другим книгам.

— Вы намокнете, — сказала Хлоя, подойдя к раковине.

Она открыла кран, умылась и прополоскала рот, потом вытерла лицо и снова собрала волосы в хвост. Когда она обернулась к двери, книги лежали на том же месте, только чуть ближе к ней, окруженные крохотными капельками воды.

Она подняла их — «Искусство прощения», «Старая любовь рождается вновь», «Как удержать мужчину», «Мадам Бовари» и «Полная энциклопедия домовладельца», — отнесла в спальню и сложила на тумбочку у кровати. Это был краткий конспект ее жизни за последний месяц, отражение всего, что ей пришлось перенести. Смотреть на них было невыносимо, и она отвернулась.

Переодевшись в спортивный костюм, она вернулась в гостиную. Джози расхаживала по комнате туда-сюда, но при виде Хлои остано-

вилась.

— Как ты?

Хлоя была так благодарна Джози за ее дружбу. Новая подруга появилась в жизни Хлои в самый лучший, самый худший и самый неожиданный момент.

— Не знаю. Я вообще ничего больше не знаю. Откуда ты узнала, где живет Джулиан?

Джози замялась.

— Это долгая история. Он ничего тебе не сделал?

— Нет. — Хлоя подошла к дивану и уселась, поджав под себя ноги и обхватив руками подушку. — Но я знаю, чего он хотел с самого начала.

Джози присела рядом с ней.

— Я думала, что смогу, — продолжала Хлоя. — Это даже не была бы измена, ведь мы с Джейком больше не вместе. Настолько не вместе, что я покупаю себе дом. Но я не смогла. Я слишком сильно люблю Джейка. Почему он любил меня не настолько сильно, чтобы это его остановило?

— Это случилось не потому, что я недостаточно сильно люблю тебя, Хло, — произнес голос от двери.

Джози с Хлоей разом обернулись, вздрогнув от неожиданности. На пороге возвышался Джейк;

волосы у него были всклокочены, пальто застегнуто вкривь. Справа и чуть позади от него в прихожей стоял Адам.

— Я люблю тебя больше жизни, — договорил Джейк.

Хлоя поглядела на Джози.

— Пока ты была в ванной, я позвонила Адаму. — Джози поднялась с дивана. — Прости. Я не знала, что делать. Но я не просила его приходить, честное слово.

Джейк вошел в комнату. Адам последовал его примеру и, высунувшись из-за спины Джейка, взял Джози за руку.

— Пойдем, — сказал он. — Мы здесь лишние.

— Нет.

Джози попыталась выдернуть у него руку.

— Все в порядке, Джози, — сказала Хлоя.

— Я могу остаться.

— Не надо. — Нужно было с этим разделаться. — Все в порядке. Честное слово.

Адам повел Джози к выходу. Хлоя проводила их взглядом. Джози была явно недовольна. Как только дверь за ними закрылась, Джейк присел на корточки перед диваном, где она сидела, и попросил:

— Хлоя, посмотри на меня.

Она взглянула ему в глаза. В его гипнотические светло-зеленые глаза.

— Это была Ева Бисли, — сказал он.

— Я знаю.

Джейка словно обухом по голове ударили.

— Знаешь?! Кто тебе сказал?

— Не важно.

— Я не хотел этого. И она тоже. Мы оба немедленно пожалели об этом и никогда больше не встречались. Я не стану говорить, что во всем виновата победа в том деле. Это моя вина, я это знаю. И если бы в моих силах было повернуть время вспять, я никогда бы так не сделал. Я так сожалею об этом. — Он попытался взять ее за руки, но она спрятала их под подушку, которая лежала у нее на коленях. — Мне так тебя не хватает, Хлоя.

— А твои родители? Твой отец велел тебе держаться от меня подальше, а мама принесла прощальный подарок.

Она кивнула в сторону рождественской корзины на кофейном столике.

— Отец сказал, чтобы я держался от тебя подальше, пока ты не разберешься в своих чувствах. Он не хотел, чтобы я давил на тебя. Он хочет, чтобы ты вошла в нашу семью. А мама принесла тебе корзину с угощением, потому что хочет оставать-

ся в твоей жизни, не важно, через меня или нет. Такой вот дурацкий способ сказать тебе, что они тебя любят. — Джейк покачал головой. — Такая у нас ненормальная семейка, Хлоя. Но без тебя она не имеет смысла. Без тебя я не имею смысла.

Книга, лежавшая на подлокотнике дивана, с грохотом упала на пол рядом с ними. «Искусство прощения». Хлоя стиснула губы, чувствуя, как на глазах выступают слезы.

Бумага, нитки и клей.

По отдельности это просто предметы, ожидающие своего применения. А вместе — единое целое. Нечто значительное, весомое.

В этом смысле они очень напоминали человеческие отношения.

— Давай начнем все с чистого листа, Хлоя, — попросил Джейк, и она вскинула на него глаза. — Позволь мне позвонить тебе и пригласить на свидание. Я буду стучаться к тебе в дверь. Буду приходить с цветами. Буду волноваться. Я дождусь третьего свидания, чтобы поцеловать тебя, хотя буду думать об этом каждый миг. А потом, когда ты наконец позволишь мне остаться у тебя на ночь, я дам тебе слово, которое никогда не нарушу. Я пообещаю никогда в жизни не причинять тебе боль. Пообещаю, что скорее умру,

чем обижу тебя.

В первый раз у них просто не было времени на традиционные ухаживания. Их роман закрутился слишком стремительно, слишком неистово.

— Никогда больше так не делай, Джейк.

Хлоя пыталась говорить резким тоном, но голос у нее дрогнул.

— Не буду.

Она вздернула подбородок.

— У меня есть книги.

— Я знаю.

— Много книг. И впредь они будут окружать меня всегда. Тебе придется смириться с этим.

— Я никогда не имел ничего против твоих книг, Хло. Они — это ты.

Джейк медленно склонился к ней. Чем больше он приближался, тем нестерпимей ей хотелось оказаться еще ближе. Так бывает при виде еды, когда ты голоден, или при виде постели, когда устал. Он забрал у нее подушку, потом обнял, и она, к собственному изумлению, прижалась к нему, уткнулась носом ему в шею. Она всегда будет сходить по нему с ума. Даже сейчас, вдыхая запах его кожи, она ощущала это. Но теперь она не чувствовала себя потерянной, не испытывала паники. Ее переполняла странная уверенность,

как будто она точно знала, что никогда больше не собьется с пути.

Она повернула голову, чтобы взглянуть на «Искусство прощения».

Но книга исчезла.

* * *

Всю дорогу, пока Адам вел ее по лестнице, Джози то и дело оглядывалась на дверь Хлоиной квартиры.

— Все будет в порядке. Ты ведь сама знаешь, что им нужно разобраться в своих отношениях, иначе не позвонила бы, — сказал Адам.

— Я просто испугалась, что Хлое плохо, — возразила Джози; она боялась, что Хлоя может на нее рассердиться. — И я не просила тебя тащить с собой Джейка.

— Просить было излишне. И так понятно было, что это нужно сделать.

Джози выдернула руку и рванула на себя входную дверь.

— Я же говорила тебе, я с самого начала говорила, что мы не должны вмешиваться в их отношения.

— Да, говорила, — спокойно согласился Адам и следом за ней вышел на холодную улицу. Она

заметила у обочины его машину. Ее громоздкий «кадиллак» остался за углом во дворе. — А я, если правильно помню, с тобой не согласился. Очень хорошо, что мы свели их сегодня.

— Откуда ты знаешь? Ты же понятия не имеешь, что ей пришлось пережить за этот вечер!

— Так расскажи мне.

Ну вот, напросилась на свою голову.

— Просто у Хлои выдался крайне неудачный вечер, вот и все.

— Иными словами, ты не хочешь ничего мне рассказывать.

Джози обхватила себя руками, пытаясь не клацать зубами от холода.

— Это не мой секрет.

Адам нахмурился:

— Где твое пальто?

— Дома. Я забыла его в спешке.

Он скинул свою желтую дутую куртку.

— Вот, держи. — Он протянул куртку Джози, и она закуталась в нее. — У них все будет хорошо. Вот увидишь. Может, сходим куда-нибудь? Например, съедим чего-нибудь?

Он опустил руки ей на плечи и посмотрел в глаза. Она чуть было не сглотнула слюну, хотя в последний раз ела лишь пару часов назад. Изба-

виться от старых привычек было не так-то легко.

— Или поехали ко мне, — произнес он со значением, неверно истолковать которое она не могла. — Мы с Джейком заказали пиццу, ее как раз только привезли, когда ты позвонила. Она, наверное, еще не успела остыть.

В груди у Джози похолодело, по коже побежали мурашки. За прошедшую неделю они с каждой новой встречей становились еще на шаг ближе к запретной грани. Торопливые, исступленные объятия украдкой в темноте у нее на крыльце или у него в машине, когда ей удавалось улизнуть из дома. Никто их не видел. Никто не знал. Это был секрет, как и почти все остальное в ее жизни. Так ей было проще — проще обманывать свой страх, чем взглянуть ему в лицо, проще ничего не говорить матери. И вот теперь Адам просил ее выставить их отношения на всеобщее обозрение, и вопреки всему, несмотря на то что ей хотелось этого так отчаянно, как не хотелось ничего на свете, она не могла решиться.

— Я не знаю.

Он опустил руки.

— Ты на меня злишься?

— Нет.

— Но собираешься под этим предлогом отка-

заться идти ко мне.

Она отвернулась от него и взглянула на кирпичный дом. Украшенный белыми рождественскими гирляндами, он казался похожим на пряничный домик из сказки.

— Так нечестно.

— Взгляни правде в глаза. Тебе страшно.

— Тебе тоже.

— Но я все-таки попросил.

Джози закрыла глаза.

— Что ты хочешь от меня услышать, Адам?

— Я хочу услышать «да».

— И что от этого изменится? Ничего. Мы останемся ровно теми же. И там же. Если я сегодня останусь у тебя на ночь, завтра утром об этом будет знать весь город.

Адам неподдельно изумился:

— И что?

— Ты и впрямь не понимаешь, да? Я продолжаю прятаться. Я продолжаю тайком уходить из дома моей матери, потому что боюсь ее неодобрения. Мне до сих пор не все равно, что обо мне подумают люди.

— Так давай уедем, — предложил он тихо.

Она захлопала глазами.

— Ты шутишь.

— Я совершенно серьезен. Я видел твою мать и понимаю, почему ты все это делаешь. Но заставлять тебя прятаться нечестно по отношению к тебе. И по отношению ко мне тоже. Ни тебе, ни мне здесь не нравится. Давай уедем.

— Ты готов уехать? — изумилась она. — Правда?

— Я готов уехать. — Он сделал глубокий вдох. — Но только вместе с тобой.

То, что она сделала потом, потрясло ее саму.

Все верно, она сбежала.

Домой.

* * *

На пороге ее встретила Хелена.

— Олдси, плохой вещь уйти прочь! — затараторила она. — Ты уйти, она уйти! Но потом вернуться. Теперь она здесь.

Хотя бы Делла Ли добралась до дома благополучно.

— Я знаю, — устало сказала Джози. — Совсем скоро ее здесь не будет, честное слово. Спокойной ночи.

— Подождать. Олдгрет хотеть тебя видеть. — Хелена с извиняющимся видом указала на освещенную дверь в гостиную. — Она ждать там.

Только не это. Джози на миг зажмурилась. Только что она вслух выразила беспокойство, как бы ее не поймали с поличным, и вот, пожалуйста. Вся ее жизнь — одна большая накликанная беда.

— Олдси?

Она открыла глаза и попыталась улыбнуться.

— Ничего страшного, Хелена. Спасибо.

И она, точно на эшафот, двинулась в гостиную.

Маргарет сидела в своем любимом кресле, одетая в ночную сорочку. Она подняла на Джози глаза и отложила журнал, который читала.

— Где ты была? — осведомилась она. — И чья это на тебе куртка?

Джози оглядела себя. Она и забыла про куртку. Отпираться толку не было.

— Мне ее дал Адам.

— Я не желаю, чтобы ты вела себя подобным образом, слышишь меня? Хватит с меня того, что ты в детстве вечно ставила меня в неловкое положение. Вообрази себе, как я удивилась, когда поднялась кое-что тебе сказать и обнаружила, что тебя нет в спальне. Я уже давно заподозрила, что ты тайком уходишь из дома по вечерам после того, как я принимаю снотворное. Так вот, сегодня я не стала его принимать. Ты уже вышла из подросткового возраста, Джози. Я не позволю

тебе вести себя таким образом.

— Прости, мама.

Вот чего она хочет, подумала Джози. Она хочет подчинить Джози себе, только теперь даже не пытается замаскировать это желание притворной заботой или неискренними похвалами. Маргарет поднялась и произнесла уже не так резко:

— Я хотела тебе сказать, чтобы ты завтра купила свиной вырезки. Я уже дала Хелене указания, как ее готовить. Завтра Роули Пелхэм ужинает со мной, а я помню, что он любит свинину. Я пригласила его к нам, и, пока мы с ним будем ужинать, тебе лучше находиться в своей комнате. Кроме того, завтра к офтальмологу я доберусь без твоей помощи. В ближайшем будущем я намерена передвигаться на такси.

Опираясь на палку, Маргарет двинулась к двери. Джози проводила ее взглядом. Она не верила своим ушам.

— И что я должна делать?

— Ты должна прилично себя вести. Не встречаться с этой девицей Финли и с почтальоном. И не шляться по ночам. Что могли подумать соседи, если бы увидели тебя? И что было бы, если бы сегодня вечером мне понадобилась твоя помощь?

— Мама, да ты сама секунду назад сказала, что

я тебе не нужна! — рассмеялась Джози, но в ее смехе звенели слезы. Она только что сбежала от мужчины, которого любит, потому что до сих пор цепляется за призрачную надежду, что, если она неотлучно будет находиться при матери, Маргарет в конце концов полюбит ее, примет и простит. — Надоест это тебе когда-нибудь или нет? Когда наконец ты простишь меня? Зачем ты вообще меня родила? Только для того, чтобы заполучить его деньги?

Маргарет сжала зубы и прошествовала мимо Джози.

— Я иду спать.

Джози бросилась за ней следом и остановилась у подножия лестницы, глядя, как ее мать поднимается по ступеням.

— Неужели он был настолько ужасен?

Маргарет ничего не отвечала, пока не добралась до верхней ступеньки. Там она остановилась спиной к Джози.

— Да, настолько, — ответила она наконец и скрылась в коридоре. — А ты — его точная копия.

Джози в оцепенении смотрела на место, где только что стояла ее мать. Ей понадобилось двадцать семь лет, чтобы прозреть. Маргарет не

будет счастлива, пока живет бок о бок с Джози, но ни за что не позволит ей уехать. А Джози не будет счастлива, пока не уедет, но ей нужно, чтобы мать сама велела ей уезжать.

И о прощении тут речь не идет. И никогда не шла.

Речь шла о двух женщинах, которые все это время бессмысленно истязали сами себя.

Пришла пора положить этому конец.

* * *

Двадцать минут спустя Джози стояла на пороге у Адама.

— Можно мне войти? — спросила она.

Адам поколебался, потом посторонился, пропуская ее.

— Конечно.

Она вступила в гостиную его дома. Обстановка была спартанская, временная. Мебель, в большинстве своем явно собранная с бору по сосенке: необычный синий диван с фиолетовыми подушками, оранжевое кресло в стиле семидесятых, несколько щербатых столиков. Просторное кожаное кресло с откидывающейся подножкой и плоский телевизор над камином на фоне всего этого выглядели чужеродно. Их хозяин явно при-

обрел, чтобы побаловать себя.

— Твоя мебель меня пугает, — попыталась пошутить Джози, но губы у нее задрожали, и она умолкла.

— Сначала я просто жил одним днем, потому что не знал, что делать дальше, мне хотелось только не шевелиться. Я купил себе кровать, кресло и телевизор — все, что, как я думал, мне нужно. Потом время от времени на работе кто-нибудь объявлял, что выбрасывает какую-нибудь вещь, и я просил отдать ее мне. Вот что бывает, когда к хорошим людям попадает плохая мебель. Вообще-то, у меня есть некоторое количество по-настоящему замечательной мебели, но вся она хранится в подвале у моего брата в Чикаго.

Джози отвернулась от Адама и принялась рассматривать комнату. Телевизор был включен, и она сделала вид, что смотрит его. Адам подошел к ней сзади и снял с нее куртку. Его куртку. От неожиданности Джози вздрогнула и обернулась к нему лицом. Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

— Зачем ты здесь, Джози?

Она набрала полную грудь воздуха. По пути сюда она заготовила кучу фраз, которые намеревалась сказать ему, красивых фраз о любви и

страхе и глубокомысленных фраз о том, что она одновременно бежит к нему и убегает от него. Но в конечном итоге сказала лишь:

— Ты сделал шаг, и я сделала шаг.

Он отбросил куртку и в один миг очутился перед ней, обхватил ее лицо руками, целуя ее. Все произошло стремительно. Не прерывая поцелуя, он увлек ее на диван, потянул за собой на подушки. Поцелуй стал более настойчивым, жадным, как будто она была леденцом. Он упивался ею. Его руки сжали края ее свитера, и он потянул его наверх. Ему пришлось оторваться от ее губ, чтобы через голову снять свитер. Он взглянул на нее, распростертую под ним, и дыхание у него участилось.

Он нависал над ней, кудрявые светлые волосы разметались по лбу.

— Что? — спросила она, отвечая на его пристальный взгляд.

— Мне стало страшно, что я отпугнул тебя своим напором. Это мой бич. Я всегда и во всем слишком спешил.

— Но именно это мне и нужно, Адам.

— Ты сделала шаг, и я сделал шаг, — прошептал он и, расстегнув рубашку, сбросил ее.

На левом боку, прямо под ребрами, у него белел

широкий рваный рубец.

Она кивнула и коснулась шрама пальцами. Адам снова поцеловал ее, настойчиво, чувствуя, как от ее прикосновения по всему телу разбегаются колючие мурашки. Его ладони скользнули вверх, накрыли полукружия ее грудей. Джози показалось, что она вот-вот потеряет сознание, но она не могла себе этого позволить. Ведь тогда она пропустит все это.

Она не отдавала себе отчета, что крепко зажмурилась и глубоко дышит носом, пока Адам не прервал поцелуй и не взглянул на нее.

— Джози?

— Я здесь, — отозвалась она, запустив руки в его волосы и вновь привлекая его к себе. — Здесь.

Краем сознания она отметила, что начались одиннадцатичасовые новости; открывал выпуск сюжет о трупе, который утром обнаружили в реке Грин-Коув. Не отрываясь от губ Джози, Адам протянул руку и нашарил на столике пульт дистанционного управления.

Ведущий начал репортаж со слов:

«Мы наконец-то получили подтверждение того, что погибшую опознали. Это тридцатисемилетняя Делла Ли Баркер, жительница Болд-Слоупа».

Джози резко уселась на диване, так стреми-

тельно, что они с Адамом стукнулись лбами.

— Стой. Погоди. — Она перехватила его руку и опустила ее, чтобы он не выключил телевизор, и впилась глазами в экран.

«Сегодня днем на пустыре у моста Грин-Коув была обнаружена брошенная машина, принадлежавшая Баркер, в которой полицейские нашли ее предсмертную записку. В прошлом Баркер неоднократно задерживалась полицией по обвинению в нанесении телесных повреждений, проституции, вождении автомобиля в нетрезвом состоянии и мелком воровстве. — На экране появилась фотография Деллы Ли из полицейского архива. Она улыбалась, как будто старалась получше выйти на снимке. — Перед самым началом выпуска нам также стало известно, что ее сожитель, Джулиан Уоллес, также уроженец Болд-Слоупа, был арестован сегодня вечером по не связанному с этим делом обвинению в нападении на полицейского, который выехал на жалобу о нарушении общественного порядка в дом, где проживала пара. Уоллес сообщил, что Баркер уже несколько недель не появлялась дома. Это подтверждает данные следствия о том, что тело, по всей видимости, продолжительное время находилось в воде. Полицейские полагают, что на этот

раз смерть носила ненасильственный характер. О том, как будет развиваться следствие по этому делу, мы расскажем завтра в нашем утреннем выпуске. Кроме того, мы покажем интервью с мужчиной, который нашел тело во время утренней пробежки».

— Что с тобой, Джози? — спросил Адам. Он запустил пальцы ей в волосы, пытаясь заставить ее взглянуть на него. Но ее взгляд был прикован к экрану. — У тебя такой вид, как будто ты увидела привидение.

Эти слова заставили ее обернуться к нему. У нее вдруг защемило сердце. Стало трудно дышать. Джози выбралась из-под него и быстро поднялась, подобрала с пола свой свитер.

— Мне нужно домой.

— Что? — переспросил Адам, явно ошарашенный такой резкой переменой настроения. — Подожди, Джози…

Но она была уже за дверью.

* * *

Джози ворвалась в дом и взбежала по лестнице в темноте так стремительно, что Хелена не успела даже высунуться из своей комнаты. Очутившись у себя в спальне, она распахнула дверь шкафа.

— Слава богу! — выдохнула она и опустилась на колени перед Деллой Ли, которая все в той же неизменной позе сидела на спальном мешке. На ней была та же самая одежда, в которой она появилась у Джози: обрезанная белая футболка, голубые джинсы и одинокая туфля. Волосы у нее снова прилипли к голове, как тогда.

— Хелена сказала, что ты вернулась, но я хотела убедиться сама. Ты не поверишь, что говорят о тебе в новостях!

Делла Ли молча смотрела на нее. Похоже, слова Джози ее нисколько не заинтересовали.

— В реке Грин-Коув нашли чей-то труп. А твою машину обнаружили недалеко от моста и решили, что это ты!

Делла Ли все так же молчала.

Сердце у Джози колотилось как сумасшедшее. Ее охватило странное ощущение, словно она очутилась где-то посередине между сном и реальностью.

— Но знаешь, что забавно? Когда они назвали твое имя, я вдруг подумала, что ни разу не видела, чтобы ты что-то ела, и что ты никогда не позволяла мне дотронуться до тебя, и что ты по ночам ходишь по всему дому, но никто тебя не видит, и — ты только не смейся! — был момент, когда я

подумала: а вдруг у меня в шкафу не сама Делла Ли, а ее призрак?

Делла Ли хранила молчание. Она даже не моргала.

По коже у Джози побежали мурашки. Кровь бросилась ей в голову.

— Смешно, правда?

— Мне пора, Джози, — сказала Делла Ли.

Джози рассмеялась, но в ее смехе прозвучала истерическая нотка.

— Ты что? Я даже еще не получила ответ от мистера Ламара.

— Джози…

— И мы обе знаем, что там будет написано, правда? Ты дождешься, когда придет письмо, и мы вместе посмеемся над тем, как ты пыталась убедить меня…

— Джози! — резко оборвала ее Делла Ли.

Джози наконец умолкла.

— Сегодня вечером ты приняла верное решение. Я это чувствую. Я тебе больше не нужна.

— Я знаю, я говорила, что хочу, чтобы ты ушла, но я это несерьезно. Я хочу, чтобы ты осталась у меня, Делла Ли. Правда!

— Тебе просто нужен был маленький толчок, вот и все.

— Делла Ли, — произнесла Джози хрипло, в голосе ее звенели слезы. Это была мольба утопающей. — Я тебя не понимаю.

— Я не умела меняться, — сказала Делла Ли, и под глазами у нее, точно синяки, медленно проступили потеки туши, зазмеились по щекам, как в самый первый день, когда Джози обнаружила ее у себя в шкафу. — Я не умела находиться в обществе приличных людей, не знала, как жить без воровства и лжи. Я находила утешение в разгульном поведении. Утешение было слабое, потому что я считала, что подлинное счастье невозможно. Вот я и решила бросить все. Я стояла на мосту, и последняя моя четкая мысль была о тебе. Это было очень странно, потому что я не вспоминала про тебя много лет. А потом я вдруг оказалась здесь, в твоем шкафу, и поняла, что должна сделать. Я подумала, если помогу тебе, может быть, я прожила свою жизнь не зря. И я счастлива, Джози. — Она улыбнулась. — Теперь у тебя все будет хорошо.

Они долго смотрели друг на друга. Джози медленно-медленно подняла руку и протянула ее к Делле Ли, чтобы наконец коснуться ее.

— Олдси?

Джози резко обернулась и обнаружила, что в

ногах ее постели стоит Хелена. Она поднялась и торопливо махнула ей, чтобы та подошла ближе.

— Иди сюда, Хелена. Этому пора положить конец. Познакомься с Деллой Ли.

Она схватила Хелену за руку, но, когда они заглянули в гардеробную, Деллы Ли там не было.

— Делла Ли?

Джози засунула голову в шкаф и оглядела темные углы. Сумки Деллы Ли и ее коробка остались лежать, а самой Деллы Ли нигде не было. Джози отодвинула вешалки с одеждой и открыла потайную дверцу. Но Деллы Ли не оказалось и в ее тайном хранилище, позади упаковок пастилы и батарей из банок колы.

— Делла Ли!

Джози обернулась, лихорадочно обвела взглядом комнату, потом встала на колени и заглянула под кровать.

Она поднялась и двинулась к выходу из комнаты, и тут Хелена тихо сказала:

— Она здесь нет.

Джози обернулась, упрямо замотала головой.

— Нет, она здесь. Я знаю, что здесь.

— Она здесь нет.

— Откуда ты знаешь?

— Воздух, — служанка повела носом, — чисто.

— Ты знала, что она здесь, — сказала Джози, цепляясь за последнюю надежду. — Ты ее видела. Правда? Она была настоящая.

— Видеть? Нет. Чувствовать. — Хелена протянула руку и коснулась распятия у себя на шее. — Чувствовать призрак.

Джози с трудом преодолела два шага, отделявшие ее от кровати. Она опустилась на постель. Голова у нее шла кругом, она подтянула колени к груди и уткнулась в них лицом. Хелена присела рядом с ней. Через миг Джози распрямилась.

— Я не хочу в это верить, — произнесла она. В глазах у нее стояли слезы.

Хелена обняла Джози и прижала ее голову к своей груди.

Несмотря на свою миниатюрность, она была сильная и жилистая.

— Ну-ну, Олдси. Мертвые не умирать насовсем. Мертвые просто становиться другой. Олдси, будет все хорошо. — Она принялась покачиваться туда-сюда, баюкая Джози и негромким голосом приговаривая нараспев: — Олд-си хо-ро-шо. Олд-си хо-ро-шо.

Через некоторое время она умолкла и продолжала лишь безмолвно покачиваться вместе с Джози.

— Хелена, — в конце концов произнесла Джози. — Меня зовут не Олдси.

Хелена приподняла голову Джози и развернула ее лицом к себе.

— Я знать, Джози. А меня звать Марлена.

Джози помолчала, со странным выражением глядя на служанку.

— Ты не Хелена?

— Нет.

Джози против воли рассмеялась, она смеялась сквозь слезы, думая о том, что знакома с этой женщиной почти год и все это время звала ее неправильным именем. А та, вместо того чтобы поправить Джози и Маргарет, сама умышленно называла их неверно. Это была шутка, понятная, как и множество прочих вещей, одной Марлене.

Марлена улыбнулась и большими пальцами смахнула слезы со щек Джози.

Неожиданно в дверь постучали, и Марлена поднялась и подошла к окну. Потом кинула на Джози загадочный взгляд и без единого слова вышла из комнаты.

Едва она скрылась за дверью, как Джози сползла с постели и уселась на полу, подтянув колени к груди. Потом она наконец заглянула в шкаф и увидела сделанный Деллой Ли коллаж; он лежал

на спальном мешке, на том самом месте, где всегда сидела Делла Ли. Джози подползла поближе. Делла Ли вырезала все до одной любимые фотографии Джози со страниц, которые она пометила. Наверху, рядом со словами «Счастливого пути», Делла Ли приклеила еще одно слово: «Джози».

Внезапно в коридоре послышались тяжелые шаги.

— Джози? — раздался мужской голос. — Джози, ты где?

Она выглянула из-за кровати. На пороге спальни стоял Адам. Вид у него был встревоженный, напряженный. Заметив ее, он обогнул кровать и направился к ней.

— Джози, что с тобой? — Он присел перед ней, сжал ладонями ее колени. Тепло его рук проникло через юбку и разлилось по ее коже. — Почему ты убежала? Ты что, плачешь? Поговори со мной.

Она подняла на него глаза.

— Та женщина, про которую говорили в новостях… которую нашли в реке. Я ее знала.

Он опустился на пол возле нее, неловко пристроил поврежденную ногу.

— Ох, милая. — Он обнял ее за плечи. — Я очень тебе сочувствую.

— Адам…

— Что?
— Это была моя сестра.

Глава 14
Настоящее и будущее

Дорогая Джози.

Большое спасибо за открытку из Швеции. Послушай, хватит уже просить меня присоединиться к вам. Сколько раз тебе говорить: я не собираюсь портить вам свадебное путешествие.

У нас все прекрасно. Можете больше не делать вид, что собираетесь приехать сюда в следующем месяце просто потому, что так взбрело вам с Адамом в голову. Я нашла кольцо. Джейк искренне полагал, что может спрятать его за книгами у меня в библиотеке. Я с порога поняла, за какой книгой оно спрятано. Ох, Джози, до чего же оно красивое! Я разревелась, как девчонка, когда его увидела. Потом услышала, что идет Джейк, засунула коробочку обратно, побежала на кухню и стала резать лук, чтобы не объяснять, почему я плачу. В итоге пришлось сделать огромное луковое суфле, которое

мы потом доедали на ужин целых три дня. Кстати, я никогда не говорила тебе, что терпеть не могу луковое суфле?

Вчера я видела твою мать. Что у нее с тем таксистом? Я постоянно вижу их вместе. Вчера она ехала в его машине на заднем сиденье, я разглядела ее, когда они остановились перед светофором в центре города. Она говорила без передыха. Ни на минуту не умолкала. А таксист улыбался и кивал, но не произносил ни слова. Просто смотрел на нее в зеркало заднего вида. Загорелся зеленый, а он даже и не заметил, так засмотрелся.

На прошлой неделе я была на кладбище, как ты и просила, отнесла цветы на могилу Деллы Ли Баркер. Прошел уже целый год, а люди до сих пор говорят об этом. Когда-нибудь я все-таки заставлю тебя рассказать мне, почему ты оплатила ее похороны.

Кстати, мне тут приснился очень странный сон. Мне снилось, как будто ты, я и Делла Ли идем по какой-то оживленной улице, а дорога у нас под ногами желтая, как в «Волшебнике страны Оз».

Мы держимся за руки и смеемся, а люди смотрят на нас, как на кинозвезд. Мы идем куда-то, в какое-то волшебное место, а куда – я не знаю. Почему мне снится умершая женщина, с которой я даже и знакома-то не была? Это плохая примета?

Пожалуй, закончу-ка я на этом.

Или нет.

Я в последнее время много думала… и хочу рассказать тебе одну вещь, о которой никогда никому не рассказывала.

Господи, у меня руки трясутся.

Ну, в общем, ты знаешь про мои книги, что у меня их куча и что они вечно повсюду вокруг меня. Дело в том, что книги появляются у меня сами собой. Из ниоткуда. Я ни разу не купила ни одной книги с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Я захожу в комнату и вижу книгу, которая хочет, чтобы я ее прочитала. Иногда они просто преследуют меня. Я не хочу сказать, что они ходят за мной. Просто я оставляю какую-нибудь книгу дома, а она появляется на работе, у меня в машине или на столе в ресторане. Я все-

гда боялась, что люди узнают об этом и будут считать меня ненормальной. Но мне почему-то кажется… не знаю почему… что ты поймешь.

У нас сейчас полночь, я выпила слишком много вина, а Джейк уже спит. Я сейчас отправлю это письмо и буду жалеть об этом. Только не забудь, если ты напустишь на меня санитаров в белых халатах, не быть тебе подружкой невесты на моей свадьбе.

С любовью,

Хлоя.

Адам подошел к Джози сзади и поцеловал в шею. Джози закрыла электронное письмо от Хлои.

— Хлоя знает о сюрпризе с помолвкой, — сказала она, глядя на море, пока Адам убирал ее волосы, чтобы удобнее было целовать.

— Джейк никогда не умел хранить секреты, — сказал он, уткнувшись ей в затылок, и по коже у нее разбежались мурашки.

Джози закрыла глаза. Ее до сих пор поражало, что с ней способен сделать этот мужчина. Ноутбук чуть было не слетел у нее с колен на пол

балкона, и она открыла глаза.

— Если ты будешь продолжать в таком духе, мы так никуда и не выйдем из каюты. Опять. Я хочу хотя бы разок взглянуть на наш корабль при дневном свете.

— Джози, приходи ко мне в постель, — прошептал он ей на ухо.

— После того как вчера вечером ты ляпнул это при той пожилой паре, которая сидела за нашим столиком, этот номер у тебя больше не пройдет.

— Но ведь я не знал, что они там. И вчера этот номер прекрасно прошел.

— Ладно, согласна, прошел, но…

Он рассмеялся и выпрямился, не снимая рук с ее плеч.

— Ответь Хлое. Я приму душ и покажу тебе корабль при дневном свете. Хотя не знаю, чего ты там не видела. Он выглядит точно так же, как ночью, только ярче.

— Ярче? — оживилась она, глядя на него снизу вверх. — Правда? Мне уже не терпится это увидеть. Ярче. Ух ты!

Адам накрутил на палец прядь ее вьющихся волос и легонько потянул за нее.

— Передавай Хлое привет, — сказал он и скрылся в каюте.

Внимание Джози привлекло какое-то движение, и она обернулась. У ограждения, в углу балкона, внезапно возникла Делла Ли. Она стояла и смотрела на воду.

Делла Ли обернулась и взглянула на Джози, потом кивнула в сторону каюты, где исчез Адам, и подмигнула.

Джози улыбнулась и поспешно отложила ноутбук. Она поднялась, подошла к ограждению и встала сбоку от Деллы Ли, просто чтобы побыть рядом с нею. Джози скучала по ней. Скучала по их разговорам. В последнее время Делла Ли редко произносила хотя бы слово. На самом деле последний раз она заговорила с Джози в Лас-Вегасе. Хлоя с Джейком вместе с братом Адама прилетели к ним, чтобы присутствовать на церемонии их бракосочетания. До этого Джози уже один раз встречалась с братом Адама Бреттом, когда они были в Чикаго. Именно тогда она выяснила, что Адаму принадлежит дом в одном из пригородов Бостона, который он сдает внаем. «Мы можем обосноваться там, — сказал ей тогда Адам, — когда решим, что нам это надо». Хлоя только что прошествовала по коротенькому проходу между рядами скамей в небольшой часовне, и Джози уже собиралась двинуться следом за ней к Адаму,

ожидавшему ее у алтаря, как вдруг заметила, что слева от нее стоит Делла Ли.

— Поздравляю, малышка, — сказала та.

Иногда она могла не появляться по нескольку месяцев, но всякий раз, когда Джози уже начинала тревожиться, что Делла Ли покинула ее навсегда, та неизменно возвращалась.

Они немного постояли вот так, бок о бок, глядя на морскую гладь. Джози не знала, сколько времени прошло, прежде чем Делла Ли повернулась к ней; брови у нее были приподняты, как будто она знала, о чем Джози думает.

Настал тот самый миг.

— Побудь здесь, — сказала Джози. — Не уходи пока, ладно?

Делла Ли кивнула.

Джози зашла в каюту. Из ванной доносился шум льющейся воды, Адам под душем распевал одну из песен Элвиса Пресли. Джози подошла к чемодану и вытащила бумажник. В его внутреннем кармане хранился сложенный конверт. Это было письмо от Сэмюэла Ламара. Джози повсюду возила его с собой, убежденная, что когда-нибудь настанет подходящий момент наконец вскрыть его и узнать правду.

Она вернулась на балкон и снова встала у

ограждения рядышком с Деллой Ли, глядя на простой белый конверт с выведенным нетвердым старческим почерком ее именем. Налетевший ветер попытался вырвать конверт у нее из рук. Делла Ли с любопытством наблюдала за ней.

Джози потеребила краешек клапана. Клей оказался не слишком хорошим, и клапан слегка отставал. Открыть его было бы несложно.

Джози сделала глубокий вдох и порвала конверт пополам, потом еще раз и еще. Обрывки она выбросила за борт, ветер подхватил их и понес по воздуху, точно белых бумажных птиц, пока они наконец не опустились тихо на воду.

Делла Ли засмеялась, но не послышалось ни единого звука.

Джози улыбнулась ей и отвернулась от воды, удовлетворенная, что приняла верное решение.

Когда она снова развернулась, Делла Ли исчезла.

К этому Джози никогда не могла привыкнуть.

Она вернулась в свое кресло и взяла ноутбук.

Дорогая Хлоя.

Пока я пишу тебе это письмо, мы медленно плывем по океану. С чего ты взяла, что наше с Адамом решение погостить в

Болд-Слоупе – не простая прихоть? Мы с Адамом только и знаем, что исполняем собственные прихоти. (Пойми, я должна так говорить. Я дала слово Джейку. Но мне не терпится увидеть кольцо!)

Я не понимаю, что происходит между мамой и Роули. Когда я звоню, Марлена говорит, что она счастлива. По ее словам, время от времени Роули даже остается там на ночь, хотя об этом никто не должен знать. Может быть, когда мы приедем, я наконец поговорю с мамой. Хотя, вполне возможно, она, как в прошлый раз, откажется меня видеть и мне придется разговаривать с ней через ее личного секретаря, которого я для нее наняла. Я понимаю, это связано скорее не со мной лично, а с ее воспоминаниями, которыми она не желает ни с кем делиться, с воспоминаниями о моем отце. Но тут уж я ничего не могу поделать.

Спасибо, что отнесла цветы на кладбище. Делла Ли была необыкновенной женщиной. Как-нибудь я расскажу тебе о ней, честное слово. Мне вообще нужно очень много тебе рассказать.

И что касается книг, я не считаю тебя ненормальной. Совсем не считаю.

Джози посмотрела на то место, где совсем недавно стояла Делла Ли.

Наоборот, я очень хорошо тебя понимаю.

С любовью,

Д.